

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ
ИМ. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ**

А. Ю. КОНЕВ

**КОРЕННЫЕ НАРОДЫ СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ
СИБИРИ В АДМИНИСТРАТИВНОЙ СИСТЕМЕ
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
(XVIII-НАЧАЛО XX ВВ.)**

Издание 2-е

МОСКВА - 1995

Ответственные редакторы серии: Ю.Б.Симченко, В.А.Тишков,
С.В.Чешко

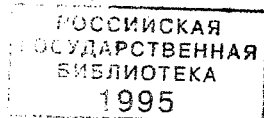
Редакционно-издательская группа: Ю.Н.Квашнин, С.С.Крюкова,
Г.А.Носова, Е.А.Пивнева

Оригинал-макет выполнен кафедрой-лабораторией информатики
ТГПИ им.Д.И.Менделеева.

Рецензенты: доктор исторических наук Н.А.Миненко,
кандидат исторических наук Е.П.Мартынова

ОТ РЕДАКЦИИ

Альманах "Российский этнограф" является изданием самого широкого профиля. Кроме академических работ в нем публикуются этнографические очерки, путевые заметки и другие материалы, представляющие интерес для этнологической дисциплины. Издатели могут не разделять некоторых позиций авторов альманаха.

Книга издана при финансовой поддержке Комитета по делам национальностей Тюменской области и Института проблем освоения Севера Сибирского отделения РАН

ББК 63.3(2P53)

© Конев Алексей Юрьевич. Коренные народы Северо-Западной Сибири в административной системе Российской империи (XVIII-нач.XX вв.)

© Координационно-методический центр прикладной этнографии Института этнологии и антропологии РАН. 1995 г.

2004127364

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
ВВЕДЕНИЕ.....	5
Раздел 1. ОРГАНИЗАЦИЯ УПРАВЛЕНИЯ КОРЕННЫМИ НАРОДАМИ СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ СИБИРИ ДО И НАКАНУНЕ РЕФОРМЫ 1822 ГОДА.....	43
Раздел 2. ВВЕДЕНИЕ "УСТАВА ОБ УПРАВЛЕНИИ ИНОРОДЦЕВ".....	79
Раздел 3. АДМИНИСТРАТИВНЫЕ РЕФОРМЫ КОНЦА XIX - НАЧАЛА XX ВЕКОВ.....	125
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	170
ПРИЛОЖЕНИЕ.....	177
ПРИМЕЧАНИЯ.....	193

ВВЕДЕНИЕ

Многонациональный характер Российского государства - одна из важнейших особенностей его исторического развития, определившая в значительной степени своеобразие России-Евразии. Этим обуславливается тот непреходящий интерес, который представляет для исторической науки изучение процессов объединения и сосуществования под властью великой державы столь разных по своему этническому, социально-экономическому и культурному облику народов и народностей. Особую актуальность, в контексте современной политической ситуации в России, приобретает вопрос о механизмах, обеспечивавших в не столь давнем историческом прошлом известную целостность ее национально-культурного разнообразия.

Составной частью и достаточно специфическим сюжетом данной проблематики является исследование процесса интеграции в общегосударственную систему Российской империи коренных народов Сибирского Севера. Интерес вызывают как особенности условий, в которых осуществлялась эта интеграция (своеобразие колониального положения Сибири и общественного строя аборигенов, находившихся на стадии разложения первичной формации), так и ее результаты. В связи с этим, особого внимания заслуживает взаимодействие традиционных форм самоуправления и социальной организации аборигенов с местными государственными управленческими институтами, в ходе которого формировалось низовое звено управления автохтонным населением края.

Ханты, манси, ненцы, связанные в течение длительного времени общностью исторических судеб, находившиеся в постоянных контак-

тах друг с другом, имевшие немало сходных черт в генезисе хозяйственных и этнокультурных традиций, на протяжении трех столетий со времени присоединения к Русскому государству были объектом единой административной политики и населяли смежные административные территории в границах исторически сложившегося региона. Это позволяет рассмотреть организацию управления названными народами как один из региональных вариантов национальной колониально-административной системы в дореволюционной Сибири и, одновременно, на его уровне, выявить локальные различия в административном устройстве отдельных территориальных групп коренного населения, определявшихся спецификой этносоциального развития последних.

Территориальные рамки работы, соответственно, ограничиваются Березовским, Сургутским, Тобольским и Туринским округами (уездами) Тобольской губернии (по административному делению второй половины XVIII-начала XX вв.), в пределах которых проживало хантыйское, мансийское и ненецкое население.

Период с начала XVIII в. до 20-х гг. XX столетия является самостоятельной фазой процесса инкорпорации народов Сибири в общероссийскую систему административно-правовых отношений. Он отличается как от предыдущего этапа даннической зависимости сибирских аборигенов от государства-метрополии, так и от последующей эпохи советского национально-государственного строительства, и, в силу этого, заслуживает специального исследования. При этом требуется краткая характеристика особенностей правового положения автохтонов и организации их управления в конце XVI-XVII вв.

В истории изучения вопросов интересующей нас проблематики можно выделить два больших периода, а внутри каждого из них - по два этапа, которые отличаются один от другого интенсивностью научных разработок, широтой охваченных вопросов и глубиной их осмысления. Первый период, длившийся с 50-х гг. XVIII в. по 1910-е гг., делится на этапы: 1) 50-е гг. XVIII в. - 1861г.; 2) 60-е гг. XIX в. - 1910-е гг. Второй период охватывает 1920-е гг. - начало 1990-х гг., делится на этапы: 1) 20-е - 30-е гг., 2) 40-е - начало 90-х гг.

Основными итогами первого этапа, представленного трудами Г.Ф.Миллера, Ю.А.Гагемейстера и М.А.Корфа¹, было накопление фактического материала, касающегося организации управления народами Сибири в XVII в. - первой половине XIX в., а также первое обращение к некоторым аспектам правительственной политики в отношении сибирских аборигенов, в частности, реформе М.М. Сперанского 1822 года.

В работах второго этапа² исследователями был четко поставлен вопрос о связи методов управления коренными народами края с общим направлением правительственной политики в Сибири, а так же о связи управления и фискальных интересов государства. Апологетика реформ и правовых актов сменяется их трезвой оценкой, показом противоречий между целями преобразований и конечными результатами. Глубокий анализ "Устава об управлении инородцев" был дан В.И.Вагиным, который превращает вопрос о реформе 1822 года в предмет собственно сибирской историографии. Он увидел некоторые слабые стороны законодательных актов 1822 года, и отметил противоречивость этих документов.

Н.М.Ядринцев - один из крупнейших представителей раннего сибирского областничества, первым попытался вскрыть сущность "инородческого вопроса" в его историческом развитии. По мнению Н.М. Ядринцева, на первом этапе колонизации Сибири "главной целью завоевателей" являлось "ослабление инородческого элемента" и "уменьшение" его. Затем возникла задача "усмирения инородцев", тогда "выступили два вопроса: о подчинении и опеке". Развивая свою мысль далее, историк признает, что по мере втягивания Сибири в систему общерусских государственных связей, на почве мирной жизни, стали складываться иные отношения между русскими и аборигенами; перед правительством встала задача вовлечения коренных жителей "в число равноправных подданных". Рассматривая современную ему позицию правительства в отношении аборигенов, Н.М. Ядринцев констатирует, что "инородческий вопрос" никак не решается, и приходит к выводу о "вымирании", "уменьшении", а так же "постоянном обеднении" сибирских племен³.

Оценивая нововведения М.М.Сперанского, Н.М.Ядринцев подчеркивает, что сибирские законы 1822 года "никогда не действовали в полной мере". Это замечание он относит и к "Уставу об инородцах". Признавая, что Устав был "гуманным" и "доброжелательным по духу", исследователь считает, что "он не мог осуществиться и повел только к недоразумениям"⁴.

Во второй половине XIX - начале XX в. необычайно возрос интерес к этнографическим исследованиям, что связано было прежде всего с деятельностью Русского географического общества (далее - РГО). Ученые-путешественники и исследователи-краеведы собрали и опубликовали большой материал, раскрывающий общественный строй

сибирских, и, в частности, западно-сибирских народов⁵. Была продолжена начатая в первой половине века по инициативе официальных кругов работа по сбору и записи юридических обычаев аборигенов, но теперь она имела не столько практические, сколько чисто научные цели.

В этот же период появляется значительное число публикаций научного и научно-популярного содержания, непосредственно посвященных истории и этнографии аборигенного населения Северо-Западной Сибири⁶. Стоит отметить интерес, который был проявлен к вопросу о роли и происхождении института "князцов" и старшин обских угров. Здесь выделяется работа С.К.Патканова, в которой на основе фольклорного материала предпринята попытка реконструкции древних институтов традиционной власти иртышских хантов. "Князья", по мнению С.К.Патканова, были тесно связаны с родовой аристократией, и в прошлом (до русского завоевания), выбирались из среды глав родов. Н.Оглоблин отличает волостных "князцов" XVII века, власть которых опиралась уже на поддержку русской администрации, от "князей", стоявших во главе народа до вхождения Сибири в состав России. Необходимо отметить, что в своем исследовании Н.Оглоблин привлек интересный источник - столбцы книг сибирского приказа, но использовал его фрагментарно. Г.Попов отмечает номинальный характер власти "жалованных князцов" нижеобских хантов во второй половине XIX века.

В начале XX века выходит 3-х томный труд А.А. Дунина-Горкавича⁷, в котором, на основе собранного и систематизированного автором значительного количества этнографических, исторических и статистических данных, дается характеристика социального, эконо-

мического и административно-правового положения "инородческого" населения севера Тобольской губернии на рубеже XIX-XX столетий. Достоинством работы является этнотерриториальная и хронологическая определенность в подаче материала.

Рассматривая организацию социально-административного устройства "инородцев", А.А. Дунин-Горкавич приводит полный список ненецких родов и ватаг, указывая их численный состав. Характеризуя обско-угорские волости, он, как и большинство исследователей этого периода, исходит из родового принципа социальной организации хантов и манси (признавая наличие рода в качестве социально-экономической и экзогамной единицы обско-угорского общества) и сопоставляет с родом волости "остяков" Сургутского уезда.

Достаточно подробно исследователь описывает практику управления и судопроизводства у различных групп автохтонного населения, дает характеристику образованным в середине XIX в. инородным управам.

Оценивая существующее законодательство об "инородцах", А.А. Дунин-Горкавич считал, что оно "никогда не отвечало требованиям жизни северного населения". Поясняя свою точку зрения, он отмечает, что функционирующее "Положение об инородцах", если судить даже по целой серии технических выражений, совершенно неизвестных не Севере, писалось, по-видимому, для степных народностей⁸. Вместе с тем, он не высказался за ликвидацию особенностей в системе управления народами края и выступил против "преждевременного введения общего для русских и аборигенов административного управления"⁹, давая, таким образом, одним из первых оценку администра-

тивной реформе, проводившейся в 1909-1911 гг. у автохтонного населения Тобольской губернии.

Делая общий вывод по первому историографическому периоду, отметим, что административное устройство и управление сибирских аборигенов не привлекало сколько-нибудь серьезного внимания ученых-историков. Считалось, что оно не представляет интереса для науки, поскольку являлось полностью искусственной мерой. В отношении автохтонного населения Северо-Западной Сибири некоторые аспекты данного вопроса получили определенное освещение главным образом в работах краеведов-этнографов, которые носили описательный характер, в них практически отсутствовал элемент историзма.

Вместе с тем, необходимо подчеркнуть, что в это время был собран огромный фактический материал, послуживший базой для последующей научной разработки многих вопросов рассматриваемой тематики, был обозначен ряд проблем, определивших направление дальнейших исследований.

Начальный этап второго историографического периода характеризуется, прежде всего, становлением новых методологических подходов в исторической науке вообще и в рассматриваемой области исследований в частности, основу которых начинает составлять марксистская концепция материалистического понимания истории. В рамках такого подхода, общественные, в том числе управленческие институты рассматриваются как надстроечные элементы, отражающие сущность и структуру господствующих в данном формационном типе социально-экономических отношений. Правда, в 20-х-30-х годах, когда новое мировоззрение "с трудом внедрялось в умы историков старшего поколения"¹⁰, в историографии, посвященной дореволюционной

России, ведущее положение занимало еще не марксово учение об общественно-экономических формациях, а представление о "торговом капитализме", как всеильном "управителе" исторического прогресса. Эта теория оказала значительное влияние на взгляды С.В.Бахрушина, положившего начало в советском сибиреведении разработке целого ряда вопросов, касающихся организации управления коренным населением Сибирского Севера. Их изучение в работах историка велось в тесной связи с решением вопроса о характере вхождения народов Сибири в состав России. Следует отметить, что в 20-е годы, в условиях насаждавшейся концепции М.Н.Покровского о том, что присоединение нерусских народов к царской России было "абсолютным злом", С.В.Бахрушин долгое время рассматривал вхождение сибирских аборигенов как процесс завоевания, имевший для них главным образом негативные последствия - усиление эксплуатации, обрекавшее "инородческое" население на обнищание и постепенное вымирание, что сближало его позицию с точкой зрения областников. Впрочем, это объяснялось не столько влиянием идей дореволюционной исторической науки, сколько субъективным стремлением исследователя к разоблачению колониальной политики царизма. Конкретное ее содержание С.В.Бахрушин раскрывает в своих работах, посвященных коренным народам Северо-Западной Сибири. Первая из них - "Самоеды в XVII веке" - вышла в 1925 году, а в 1935 году была опубликована монография "Остяцкие и вогульские княжества в XVI - XVII вв." В них, несмотря на ряд ошибочных положений, автором воссоздана историческая картина, отражавшая реальные проблемы взаимоотношений Русского феодального государства с "ясачным" населением в начальный период освоения Зауралья. Это удалось во-

многим благодаря широкому привлечению архивных документов XVI-XVII вв., многие из которых впервые вводились в научный оборот.

Следует отметить, что в названных трудах С.В.Бахрушин не только раскрывает методы колониального управления аборигенным населением, но и одним из первых в советском сибиреведении обращается к вопросу о социальном строе автохтонов Северо-Западной Сибири. В этой связи необходимо подчеркнуть, что С.В.Бахрушин модернизировал социальные отношения хантов и манси. В результате недостаточно критического анализа архивных источников и фольклорных данных он пришел к выводу о феодальном характере обско-угорского общества, что вызвало серьезные возражения со стороны этнографов¹¹.

Характеризуя социально-административное устройство народов Северо-Западной Сибири в XVII веке, С.В.Бахрушин первым в советском сибиреведении ставит вопрос о соотношении системы административного деления с традиционной социальной структурой автохтонов. Сам он считал, что обско-угорские волости этого периода соответствовали различным племенным объединениям, которые соотносились им с "княжествами" угров XV-XVI вв.¹².

Определяя место традиционных институтов власти в колониальной системе управления, С.В.Бахрушин, на примере угорских "князцов", проследил, как менялась тактическая линия царских властей в отношении представителей аборигенной "племенной верхушки" на различных этапах освоения Западной Сибири. Сущность этой тактики выражалась в том, что: "...использовав в целях подчинения местного населения эту нарождающуюся феодальную знать, прави-

тельство расправилось с ней, как только почувствовало в ее лице соперницу в деле эксплуатации ясачного населения, разорило и свело на положение агентов русской администрации"¹³.

В статье "Ясак в Сибири XVII века", выполненной, главным образом, на материалах Западной Сибири, С.В.Бахрушин анализирует ясачную политику царизма на ранних этапах колониального освоения региона. Определяя социально-экономическую сущность ясака этого периода как дань, "которую платят покоренные победителю", исследователь отмечает, что эта форма дани существовала в Сибири задолго до прихода русских, последние же, "в целом ряде случаев... в сборе ясака... сменили предшествующих монголо-татарских завоевателей или местных князцов". При этом С.В.Бахрушин указывает, что не только дань-ясак, но и "ясачные волости", как форма организации подвластного населения, была заимствована у татар¹⁴.

Оценивая последствия фискально-административной политики, проводившейся в отношении сибирских аборигенов на протяжении XVII столетия, С.В.Бахрушин считает, что государство насильственно понизило уровень социально-экономического развития аборигенов и в дальнейшем стремилось законсервировать его на стадии "звероловческого быта" в целях обеспечения поступлений ясака пушниной. Стремлением к поддержанию платежеспособности "ясачных" С.В.Бахрушин объясняет консервативно-охранительную направленность политики царизма по отношению к народам Сибири в XVIII-XIX вв. В связи с чем характерна оценка, которую он дает "Уставу об управлении инородцев" 1822 г. Одним из главных стремлений этого документа, по его словам, было сохранение самобытного строя туземцев¹⁵.

Несмотря на критику отдельных положений и взглядов С.В. Бахрушина, многие его выводы и подходы к изучению рассматриваемого круга вопросов были восприняты и развиты следующими поколениями исследователей.

В 1936 году тезис М.Н.Покровского об "абсолютном зле" заменяется формулой "наименьшего зла", а в начале 50-х гг. историки поднимают вопрос о корректировке и этой формулы, указывая на необходимость более расширительного толкования прогрессивного значения присоединения нерусских народов к России¹⁶. В сибиреведении постепенно утверждается положение об исторической закономерности включения Сибири в состав Российского государства, исследователи отказываются от сугубо критической оценки последствий этого процесса для коренных народов края.

Уже в последних работах С.В.Бахрушина, вышедших в конце 40-50 гг., намечился отход от теории простого завоевания. Одновременно историк приходит к мнению о том, что "присоединение Сибири вело не только к обогащению феодального государства... , но имело прогрессивное значение и для самих народов Сибири"¹⁷.

Окончательное утверждение точки зрения о закономерном и прогрессивном характере вхождения Сибири в состав России связано с именем ученика С.В.Бахрушина - В.И.Шункова. Обосновывая необходимость выбора наиболее точного термина для определения процесса "приобретения" Сибири, В.И.Шунков предложил остановиться на термине "присоединение", включающем "явления различного порядка - от прямого завоевания до добровольного вхождения"¹⁸.

Сделав существенный шаг в сторону более объективного рассмотрения процесса колониального освоения Сибири, советские исто-

рики при изучении вопросов управления коренными народами края продолжали придерживаться, в целом, старых политических оценок. основополагающим методологическим посылом для исследователей служило ленинское положение о классовой сущности государства. В соответствии с этим, административная политика правительства в отношении сибирских автохтонов рассматривалась с точки зрения того, как в ней реализовались интересы господствующего социального слоя, отражалась эволюция политических институтов самодержавия. Сосредоточив внимание на методах эксплуатации "ясачного" населения, исследователи видели в системе управления аборигенами прежде всего инструмент их внеэкономического принуждения.

Работы последнего этапа можно разделить на три большие группы: первую составляют исследования, раскрывающие общественный строй аборигенного населения Северо-Западной Сибири; вторую - посвященные непосредственно вопросам организации управления у сибирских автохтонов; третью - специально анализу "Устава" 1822 года.

В исследованиях этнографического и историко-этнографического характера (отнесенных к первой группе) вопросы социально-административного устройства и традиционного самоуправления рассматриваются в контексте более общих проблем - социальной организации и особенностей эволюции патриархально-родового строя у народов Западно-Сибирского Севера.

Большинство сибиреведов, так или иначе, поддержало тезис С.В.Бахрушина о том, что "ясачные" волости и роды не были случайными образованиями, а восходили к традиционной социальной

структуре аборигенных этносов. Споры возникли по поводу конкретного этносоциального содержания этих административных единиц.

Так А.И.Мурзина полагала, что волости хантов состояли из родов и родоплеменных групп, а в отношении манси прямо указала, что в основу административного деления у них было положено племя¹⁹.

Б.О.Долгих, сделав подробный анализ родового и племенного состава коренного населения Сибири, согласился с С.В.Бахрушиным, придя к выводу, что наиболее крупные "остяцкие" волости XVI-XVII вв. соответствовали племенам, которые, в свою очередь, делились на роды; роды локализовались в рамках селений (юртов)²⁰. Исследователь отмечал, что иногда племенная организация у обских угров существовала вплоть до XX в. в виде самоуправляющихся административных единиц²¹. В связи с этим он считал ошибочным утверждение о том, что административные образования у народов Сибири создавались искусственно русскими властями и полагал, что ясачные сборщики XVII в. и ясачные комиссии XVIII-XIX вв. только регистрировали результаты распада и консолидации племен²². Как видим, рассматривая вопрос о соотношении административно-волостной и традиционной структур у обских угров, исследователи долгое время исходили из представления о наличии у хантов и манси родов и племен. Но с конца 60-х гг. эта точка зрения начинает пересматриваться, что нашло свое отражение в соответствующих главах многотомной "Истории Сибири", авторы которых - Н.Н.Степанов и З.Я.Бояршинова, характеризуя обско-угорское общество X-T-XVII вв., как развитое патриархально-родовое, одновременно делают вывод о разложении рода обских угров еще до прихода в Сибирь русских²³.

З.П.Соколова, на основе комплекса историко-этнографических данных, показала, что родоплеменная организация обских угров была достаточно аморфна, и рода, как особого социального института у них в XVII-XVIII вв не существовало, процесс разложения которого, по мнению исследователя, к этому времени завершился²⁴. Допуская, что в начальный период освоения Сибири административное устройство "остяков" и "вогулов", отчасти, основывалось на племенном делении, З.П.Соколова подчеркивает, что "система управления коренным населением свела на нет социальные функции подобных объединений", которые "превратились в этнографические и территориальные группы"²⁵. Последние, как считает З.П. Соколова, и составили основу административных волостей, причем, разные по размерам волости могли объединять, по ее данным, не только разные группировки, но и не одинаковое их количество²⁶.

В.Г.Бабаков, изучая племенную организацию хантов и манси, так же пришел к выводу, что в XVII в. племя, как этносоциальный организм, перестало существовать у этих народов. Кроме того, он подчеркивал, что и в XVI-XVII вв. не все хантыйские и мансийские волости совпадали с племенными общностями²⁷. В своей более поздней работе, он гораздо категоричнее высказывается в пользу того, что в лице угорских "княжеств-волостей" этого периода нужно видеть не традиционные племена эпохи родового строя, а группировки преимущественно территориальные²⁸.

Е.П.Мартынова, реконструируя структуру социальной организации хантов XVII-XIX вв., заключает, что "остяцкие" волости генетически восходили к традиционным локальным группам коренного населения различного характера - от племенных княжеств до аморф-

ных объединений, утративших социальную и этническую монолитность. Признавая, что фискальный фактор являлся главным интегративным моментом волостной организации Е.П.Мартынова подчеркивает, что на протяжении XVIII-XIX вв. в рамках волостей сохранялись и действовали традиционные связи, о чем свидетельствует достаточно стабильный фамильный состав этих административных единиц²⁹.

Относительно сибирских ненцев в литературе утвердилось мнение, что они представляли собой иной, по сравнению с обскими уграми, тип социальной организации с явным делением на роды и племена. Род у ненцев являлся основным социальным образованием до середины XIX столетия. Родом именовалась и единица фискально-административного учета "самоедов". В середине XIX в. ненецкое население, в русских документах, начинает регистрироваться по "ватагам", происхождение которых достаточно спорный сюжет его этноисторического развития.

Л.В.Хомич считала, что термин "ватага" был введен русской администрацией и обозначал подразделения крупных родов, которые были образованы для удобства сбора ясака³⁰.

Н.А.Миненко рассматривает "ватаги" в качестве мелких подразделений ненецких родов, возникших в результате сегментации последних. "Ватаги", по ее мнению, являлись органичным образованием, начало формирования которых уходит в первые десятилетия XVIII в.³¹

Наиболее полно концепция происхождения "ватаг" разработана В.И.Васильевым. Он полагал, что процесс распада первоначальных родов начался еще в XVII в., но протекал неодинаково у различных территориальных групп. У обдорских тундровых "самоедов", в от-

личии от тундровых куноватских и ляпинских, "ватаги" лишь в 70-х-90-х гг. XIX столетия оформились в общественном сознании как малые роды - "еркары". У лесных (казымских) ненцев процесс разложения основных родов не зашел так далеко, как у тундровых. В.И.Васильев подчеркивает, что "ватаги" лесных ненцев не одно и то же, что "ватаги" тундровых. Если у последних этим термином обозначались социальные новообразования, то у казымских имела место механическая замена прежних родовых названий на ватажные³².

По мнению В.И.Васильева, реформа 1822 года зафиксировала в большинстве случаев в виде "административных родов" реально сложившиеся к тому времени у северных самодийцев этнотерриториальные общности, которые сформировались в результате исторических событий предшествующих столетий³³.

Характеризуя развитие социально-административной организации коренного населения Сибири в XVII-XIX вв., исследователи непременно подчеркивали, что активные преобразования, связанные с совершенствованием фискальной системы, вызывали существенные структурные изменения традиционных организмов. Волости превращались в единицы податного и демографического учета аборигенов. Административная политика и проникновение в среду автохтонов товарно-денежных отношений рассматривались в качестве основных факторов, под влиянием которых происходила замена родоплеменных, генеалогических связей на территориально-соседские. Вместе с тем, необходимо учесть замечание В.Г.Бабакова, высказанное им по этому поводу, применительно к характеристике общественной организации угров. Исходя из признания того факта, что территориальные связи были преобладающим типом социальных отношений у хантов и

манси еще в период, предшествующий присоединению Западной Сибири к Русскому государству, он подчеркивает, что социально-экономические и административные последствия этого присоединения лишь стимулировали развитие данного типа отношений, а не являлись причиной их формирования³⁴.

Подводя итоги по данной группе работ, необходимо отметить, что российскими этнографами достаточно подробно рассмотрен вопрос о соотношении системы административного деления со структурой социальной организации автохтонного населения Северо-Западной Сибири XVII-XIX вв., выяснен состав родов и волостей. Для реконструкции широко привлекались, наряду с этнографическими, такие важные комплексы исторических источников, как ясачные книги, ревизские сказки, метрические записи. В трудах большинства исследователей находят подтверждение тезис о том, что во многих случаях основу административных единиц у коренных народов Западно-Сибирского Севера составили традиционные объединения. При этом имеются расхождения в определении этносоциального характера данных объединений, что связано с продолжающимися дискуссиями по проблемам социальной организации аборигенного населения региона.

В 60-70 гг. в исторической сибиреведческой литературе возрастает интерес к изучению местного управления краем периода XVIII-первой половины XIX вв. В контексте этой тематики исследуется и организация управления коренными народами. В диссертации Л.С.Рафиенко³⁵ данные вопросы, применительно к XVIII столетию, рассматриваются в общесибирском масштабе. В.В.Рабцевич и Н.А.Миненко³⁶ делают это на конкретном материале Западной Сибири, доводя свои исследования до первых десятилетий следующего века,

что позволило им проанализировать результаты как первой, так и второй ясачных реформ, а так же дать оценку "Устава об управлении инородцев" 1822 г. Монография Н.А.Миненко отличается комплексным историко-этнографическим подходом, глубиной проработки вопросов, касающихся специфических сторон общественного быта автохтонов.

Административная политика государства в работах названных исследователей рассматривается в тесной связи с его фискальными интересами в Сибири. "Поскольку высшей целью управления было выколачивание ясака, - подчеркивает В.В.Рабцевич, - все изменения системы управления не выходили за рамки ясачных реформ"³⁷. Отмечая ряд существенных перемен в методах управления аборигенами, произошедших с 60-х гг. XVIII по 20-е гг. XIX в., а так же факт постепенной трансформации ясака из дани в феодальную ренту и его коммутации, Л.С.Рафиенко, В.В.Рабцевич, и Н.А.Миненко, тем не менее, отстаивают тезис о правительственной политике консервации социально-экономического строя аборигенов. В этом смысле, считают В.В.Рабцевич и Н.А.Миненко, реформы 20-х гг. не вносили существенных корректив в фискально-административную систему 60-х гг. XVIII в.

Определяя положение волостных "князцов" и старшин данного периода, В.В.Рабцевич подчеркивает стремление "абсолютистского государства использовать этих лиц в качестве орудия господствующего феодального класса"³⁸ и рассматривает их в качестве представителей "аборигенной администрации". Н.А.Миненко не столь категорична в оценках и характеризует обско-угорских князцов как "агентов царских властей, все теряющих от органов, свойственных первобыт-

нообщинному строю"³⁹. Вместе с тем, исследователи отмечают, что к началу XIX в. форма первичного управления у аборигенов региона не была унифицирована, традиционные правовые и общественные институты обладали значительной самостоятельностью в своем функционировании⁴⁰, а органы коллегиального самоуправления сохраняли функции контроля за действиями своих волостных старшин⁴¹.

Для соблюдения логической последовательности в развитии исторических событий мы прервем на время характеристику работ второй группы, чтобы проанализировать взгляды историков на основные положения "Устава об управлении инородцев".

В зависимости от общей оценки Устава в литературе сложилось два основных подхода к трактовке разработанных в нем административных преобразований. А.И.Мурзина и А.И.Парусов⁴², как и Н.А.Миненко, разделяли мнение С.В.Бахрушина о том, что политика Устава была направлена на сохранение самобытного уклада аборигенов и что одной из главных задач этого законодательного документа было ограничение вмешательства местной администрации во внутреннее самоуправление туземцев.

К иным выводам приходят Л.И.Светличная, Л.М.Дамешек, В.Г.Марченко и А.А.Хоч⁴³. Несмотря на ряд расхождений в оценке отдельных положений Устава, они сходятся во мнении, что он, в целом, ориентировал не на консервацию социально-экономической отсталости народов Сибири, а на создание условий для постепенного сближения "инородцев" с сословием государственных крестьян, их интеграцию в общероссийскую систему административных и экономических связей. Функции родовых управлений и инородных управ, полагают исследователи, приближались к функциям органов крестьянского са-

моуправления. Вместе с тем, Л.М.Дамешек и А.А.Хоч считают, что предусмотренная в Уставе тесная связь новых управленческих форм с традиционными социальными институтами свидетельствовала о противоречивости и непоследовательности его административных нововведений, оказавшихся гораздо консервативнее преобразований в экономической сфере.

На наш взгляд, такая оценка не совсем верна. В этом смысле более приемлема точка зрения В.Г.Марченко. Он считает малопродуктивной ставшую традиционной постановку вопроса в том, ведет ли Устав к консервации родового строя или разрушению его. Более бюрократичная и огосударствленная система Устава была лишь "прикрыта родовыми формами" и старалась, как совершенно верно считает исследователь, учесть реально существовавшие социальные институты. Соглашаясь с тем, что в Уставе заметно стремление опереться на голов и старост, В.Г.Марченко отмечает, что "это была опора не столько на союзника в эксплуатации соплеменников, сколько на низшее должностное лицо и старшее лицо в общине"⁴⁴. В.Г.Марченко и А.А.Хоч сходятся во мнении, что на деле Устав санкционировал широкое вмешательство местной администрации в дела туземного самоуправления.

Вслед за А.И.Мурзиной, В.Г.Марченко попытался рассмотреть процесс практической реализации реформы 1822 г. у аборигенов Северо-Западной Сибири⁴⁵. В отличие от своей предшественницы, которая связывала трудности введения новой системы процессом разложения родового строя, он полагал, что основная причина затруднений заключалась в сложности предложенной модели управления, недоучете ею местной специфики. В конечном итоге исследователь пришел к вы-

воду, что разработанная в Уставе система не оправдала себя и не прижилась на Обском Севере⁴⁶.

На взгляд автора настоящей работы, последний вывод В.Г.Марченко слишком категоричен и не бесспорен. На причинах нашего несогласия с ним мы остановимся позже, рассмотрев результаты диссертационного исследования этого же историка⁴⁷.

Необходимо подчеркнуть, что в диссертации В.Г.Марченко вопрос об управлении народами Сибирского Севера XVII-начала XX вв. впервые начинает рассматриваться как самостоятельная проблема. По мнению автора анализируемой работы, смысл эволюции управления и суда у северосибирских аборигенов в указанный период состоял в переходе от догосударственных форм к государственным, а в рамках последних - от воеводского управления к так называемому туземному и от него к сельскому управлению, характерному для крестьян русской деревни⁴⁸. Сущность системы управления народами Сибири В.Г.Марченко оценивает с позиций устоявшегося в советской исторической науке взгляда на нее, как на одно из основных средств осуществления политики угнетения, эксплуатации и русификации аборигенов, что предопределило известную тенденциозность и односторонность в ее характеристике.

В основу выделения конкретных периодов управления исследователь положил указание К.Маркса о трех видах экономических последствий колониального захвата⁴⁹, экстраполировав его на сферу административной политики и практики. В соответствии с этим, первый период (XVII в. - 20-е гг. XVIII в.) определяется В.Г.Марченко как период прямого колониального управления, второй (20-е гг. XVIII в. - 20-е гг. XIX в.) - косвенного или смешанного и третий (20-е гг. XIX-

1917 г.) - как время попыток упразднения управления, сложившегося в предыдущий период, и распространения на "инородцев" упрощенной формы крестьянского самоуправления.⁵⁰

Наиболее интересным и плодотворным выводом В.Г.Марченко является его тезис о формировании с 20-х гг. XVIII в. и функционировании особого порядка *косвенного управления*, сочетавшего традиционные и государственные формы и методы⁵¹. Если ранее исследователи видели в таком сочетании лишь двойственность положения институтов "инородческого" управления, то В.Г.Марченко определяет это как синтез двух противоположных начал, ставший отличительным свойством всей системы административно-правового устройства аборигенов Сибири.

К сожалению, выдвинув данное положение, историк ограничился характеристикой формальных признаков рассматриваемого им синтеза, объясняя причины его происхождения главным образом субъективными факторами - политическими и экономическими интересами российского самодержавия. Не был достаточно глубоко проанализирован сам механизм формирования и развития новой системы, не четко выявлены ее основные качественные параметры. Совершенно верно оценив Устав как законодательное выражение синтеза традиционного и сельского управления, В.Г.Марченко уже с 20-ми гг. XIX в. связывает начало периода отмены косвенного управления, объясняя это неприемлемостью новой системы в условиях ускоренного разложения патриархально-общинного строя и активного распространения товарно-денежных отношений среди аборигенов⁵². При этом исследователь впадает в противоречие с ранее высказанными им же положениями и приходит к тому, с чем до этого не соглашался. Он, в

частности, пишет: "несмотря на то, что система управления [разработанная Уставом - А.К] не исходила из исчезнувшего родового строя, а обобщала административную практику, она все же опиралась на родовые институты, [? - А.К],... - разложение родового строя привело к тому, что родовые управления и инородные управы оказались неспособными эффективно управлять своими сородичами"⁵³. Это обстоятельство рассматривается В.Г.Марченко в ряду главных причин, заставивших отступить от положений Устава на практике и побудивших власти приступить к разработке реформ, направленных на полное подчинение "инородцев" общероссийскому законодательству.

Между тем приведенные доводы вызывают целый ряд возражений. Во-первых: процесс активной замены кровно-родственных отношений на территориальные, например, у аборигенов Западно-Сибирского Севера, начался задолго до XIX в. Во-вторых: отступления от буквы Устава свидетельствовали не об абсолютной непригодности этого законодательного документа, а о процессе "подгонки" разработанной в нем системы к местным условиям; в том или ином виде Устав был реализован у всего автохтонного населения Сибири, о чем свидетельствуют данные, приводимые самим В.Г.Марченко⁵⁴, и эта форма организации "инородческого" управления у большей части северосибирских народов просуществовала до начала XX века, что подтверждается имеющимися документальными материалами.

Таким образом, периодизация, предложенная В.Г.Марченко, верно отражая общую тенденцию в развитии системы управления народами Сибири и проводившейся в отношении них административной политики, дает не достаточно объективное представление о состоянии реальной управленческой практики (это замечание относится главным

образом к периоду 20-х гг. XIX в.-1917 г.) и об особенностях административной организации у коренных народов отдельных регионов Сибири.

Основные направления правительственной политики в отношении народов Сибири XIX-начала XX вв. рассматриваются в монографиях Л.М.Дамешека. В первой⁵⁵ выясняется характер податей и повинностей коренного населения. Во второй рассматриваются вопросы управления аборигенами Сибири⁵⁶. В центре внимания - процесс пересмотра Устава 1822 г., разработка и проведение реформ, направленных на ликвидацию особого сословно-правового положения и административного устройства "инородческого" населения. Сосредоточившись на характеристике проектов реформ и законодательных актов, исследователь менее подробно рассмотрел процесс их практической реализации. Вне поля его зрения оказалась и та часть коренных жителей, на которую не было распространено действие законов, унифицировавших административное устройство и экономическое положение аборигенов и крестьян Сибири. Опираясь на документы центральных и восточносибирских хранилищ, Л.М.Дамешек не привлек материалы местных архивов Западной Сибири, что также не позволило ему воссоздать достаточно полную картину процесса и результатов административных преобразований у народов данного региона.

Последнее замечание следует отнести и к работе И.В. Островского⁵⁷. В характеристике административной реформы 1910-1911 гг. у народов Сибири этот исследователь следует оценкам и выводам Л.М.Дамешека и считает, что основной целью правительства была "этнографическая и политическая ассимиляция инородцев".

Особое место в историографии рассматриваемого нами вопроса занимают работы В.А.Зибарева, посвященные изучению обычного права и суда у автохтонов Сибирского Севера⁵⁸. В 1990 году вышла монография, обобщающая результаты многолетнего труда ученого в этом направлении⁵⁹.

Проанализированные В.А.Зибаревым материалы и сделанные им на этой основе выводы имеют актуальное значение для исследования системы низового управления коренных народов северосибирского региона, поскольку здесь судебные и управленческие функции не были разъединены. Кроме того, исследование эволюции обычного права и суда аборигенов дает важную информацию для характеристики их общественного строя, позволяет оценить степень влияния, которое оказало на традиционный социальный уклад автохтонов административно-правовая государственная система.

Придерживаясь, в основном, периодизации управления и суда у аборигенов Севера, предложенной В.Г.Марченко, В.А.Зибарев делает ряд интересных дополнений и важных уточнений. Он подчеркивает, что переход от догосударственных форм судостроительства и судопроизводства к государственным к началу XX в. у коренного населения Сибирского Севера не был завершен⁶⁰. Остановившись на характеристике собственно управления, исследователь отмечает, что в конце XVI-XVII вв., которые, в целом, необходимо рассматривать как период прямого колониального управления, существовали элементы управления косвенного, в тех случаях, когда местная "родоплеменная знать" привлекалась на сторону сибирской администрации⁶¹. Правда, В.А.Зибарев так и не определил принципиального отличия этой фор-

мы косвенного управления от той, которая начинает складываться с 20-х гг. XVIII в.

На наш взгляд, это отличие состояло в том, что косвенное управление конца XVI-XVII вв. возникло в условиях военно-политической, даннической зависимости народов Сибири от государства - метрополии, когда две социальные системы (государство и традиционное общество), сосуществовали в рамках единых политических границ, но не вступали в процесс активного взаимодействия. Косвенное же управление периода XVIII-XIX вв. формировалось в условиях административно-правовой зависимости аборигенов, когда происходила интеграция традиционных форм общественного устройства с государственными и постепенная замена первых последними.

Отметим, что В.А.Зибарев понимал под косвенным такое управление, когда "часть административных и судебных функций передается туземной верхушке"⁶². Исследователь констатирует, что окончательно косвенное управление сложилось во время первой ясачной реформы (1763-1769 гг.) в форме так называемого "туземного управления". Устав 1822 г. закрепил его в качестве низшего звена государственной администрации в Сибири. Эта система, отмечает автор, сочетавшая на разных уровнях, в разном соотношении элементы управления и самоуправления, просуществовала без значительных изменений до начала XX в. у большинства северосибирских народов. По мнению В.А.Зибарева, общая схема управления у аборигенов Севера имела ряд локальных вариантов. Среди прочих он выделяет Обский Север, который, согласно выводам исследователя, представлял и особый ареал традиционной юстиции⁶³.

Несмотря на то, что высказанные В.А.Зибаревым замечания не были в достаточной мере подкреплены фактическим материалом, так как вопросы управления народами Сибири рассматривались им попутно, в контексте избранной темы, они, эти замечания, представляются весьма ценными для дальнейшего изучения вопроса.

Итак, 1940-е гг.-начало 1990-х гг. - время наиболее интенсивной разработки в отечественной историографии вопросов интересующей нас проблематики, которые рассматривались как в контексте исследований по более широким и смежным темам, так и в рамках специальных работ. Административная политика в отношении народов Сибири и их управление в XVII-начале XX вв., становятся предметом самостоятельного изучения. На протяжении всего этапа появляются публикации (в виде статей и отдельных глав монографий), непосредственно посвященные организации управления аборигенами Северо-Западной Сибири. Но данный вопрос рассматривался либо на сравнительно коротких отрезках времени, либо в каком-то определенном аспекте, а тема административных реформ рубежа XIX-XX столетий у народов этого региона так и не привлекла специального внимания.

Подводя общие итоги по второму историографическому периоду, отметим, что российскими сибиреведами советского периода с научных позиций была дана оценка административно-правового положения сибирских народов в дореволюционной России, проведен анализ основных реформ в области административного и податного устройства коренного населения, выявлена связь форм управления с социальной организацией автохтонов, рассмотрен вопрос об эволюции традиционных институтов власти и обычно-правового комплекса.

В ряде работ обосновано положение о формировании с начала XVIII в. особого порядка косвенного (или так называемого "туземного") управления аборигенным населением Сибири.

Вместе с тем, необходимо подчеркнуть, что у историков и этнографов нет единства по целому кругу вопросов, многие сюжеты не получили достаточно полного освещения. В большинстве исторических работ по данной теме основное внимание уделялось административной политике, а не управленческой практике, выявлению общего, а не особенного в организации управления аборигенами. В советской исторической литературе сложилось устойчивое представление, в соответствии с которым система управления "ясачными" народами рассматривалась прежде всего как "инструмент эксплуататорской политики самодержавия", "орудие угнетения коренного населения". Сегодня эти формулы используются для манипулирования национальным самосознанием и разжиганием антирусских настроений. Существование такого рода взглядов обуславливается тем, что вопросы управления слишком тесно увязывались и увязываются с классовым и политическим аспектами. Такой подход значительно обедняет исследовательские возможности, так как не может отразить всей сложности и неоднозначности взаимоотношений государства и традиционных социумов, представляя эти взаимоотношения как однонаправленный и очень ограниченный по своему внутреннему содержанию процесс. Кроме того, во многих работах историков сохраняются достаточно упрощенные, а порой и ошибочные представления о характере и структуре социальной организации коренных народов Северной Сибири, не учитывающие современного состояния разработки этой проблемы в отечественной этнографической науке. Многие исследова-

тели модернизировали последствия русского влияния на систему социально-экономических отношений сибирских "инородцев", что препятствовало более объективной оценке роли и места традиционных общественных институтов в системе административного управления коренными народами края. Данный комплекс вопросов требует дальнейшего изучения, которое целесообразнее вести не в широком масштабе, а на локальном этно-территориальном уровне.

Анализ литературы показывает, что до настоящего времени организация управления коренными народами Северо-Западной Сибири XVIII-начала XX вв. не была предметом специального монографического исследования. Между тем, особенности социальной организации хантов, манси, ненцев и проводившейся в отношении них административной политики определили своеобразие сложившейся у этих народов формы косвенного управления. Без ее подробного изучения невозможно составить полного представления о существовавшей практике косвенного управления аборигенами Сибири в целом.

Вышесказанным определяется целесообразность настоящей работы, *основная задача которой состоит в исследовании процесса становления и развития системы управления и социально - административного устройства коренных народов Северо-Западной Сибири XVIII-начала XX вв., как особой формы колониального управления, сложившейся в результате интеграции традиционных и государственной социально-управленческих структур.*

Определяя теоретико- методологическую базу исследования, отметим, что ее основу составили диалектические принципы системности и развития (историзма), которые, взаимно дополняя друг друга, дают

возможность наиболее адекватного описания всей сложности реального бытия изучаемого объекта.

Для того, чтобы выявить основные параметры рассматриваемой нами управленческой системы и обосновать правомерность ее выделения в качестве особой части в составе более широкой - общероссийской административной системы, необходимо определить смысловое содержание категории "система", учитывая при этом, что речь идет о системе социального порядка.

В.Г.Афанасьев, посвятивший социальным системам специальное исследование, рассматривает систему, и в первую очередь систему социальную, как совокупность объектов, "взаимодействие которых вызывает появление новых интегративных качеств, не свойственных отдельно взятым образующим систему компонентам"⁶⁴. Наличие такой органичной связи является залогом того, что во взаимодействии со средой система выступает как нечто единое, обладающее качественной определенностью. На наш взгляд, данное определение как нельзя лучше отражает специфику выбранного нами объекта исследования и дает наиболее общие основания для его характеристики.

Основным методом изучения исследуемого нами объекта как целостного социального организма выбран структурно-функциональный анализ. Он позволяет рассмотреть компонентный состав и внутреннее строение системы, ее проявления вовне, выявить интегративные (системообразующие) качества.

Вместе с тем необходимо признать, что данный метод, как и системный подход в целом, ориентирован больше на "статiku", чем на "динамику", на "ставшее", чем на "становящееся"⁶⁵. Нас же интересует не только механизм функционирования, строение, но и процесс эво-

люции системы. Поэтому определенный выше методологический инструментарий используется в комплексе с традиционными методами исторического исследования, направленными на рассмотрение "историко-генетического" аспекта.

Общесоциологическим подходом, положенным в основу исследования, является понимание общества как сложного, многоуровневого организма, развивающегося во взаимодействии сфер материального, социального и духовного воспроизводства. Свойством любого общества как самоорганизующейся системы является социальное управление.

Автор исходит из представления о государстве не только как инструменте господства одного социального слоя над другими, а как важнейшем общественном институте, реализующем единство развивающихся и консервативных функций. Административное управление, посредством которого эти функции осуществляются, будет рассматриваться как способ регулирования снизу доверху общественных отношений между социальными группами и государством⁶⁶.

Прослеживая эволюцию исследуемой системы управления, автор придерживается положения Веберовской теории рационализации общественных отношений, согласно которой, переход от традиционной организации к рациональной, бюрократической, есть общая закономерность всякой системы управления. В соответствии с этим, административные реформы предстают как моменты принципиальных изменений управленческой системы в направлении ее рационализации⁶⁷.

Учитывая специфику объекта исследования, уточним, что понятие "традиционная", применительно к организации властно-управленческих отношений, складывавшихся в автохтонной среде,

употребляется не в значении идеального Веберовского типа как такового, а подразумевает его конкретно-историческую форму, которую в этнографической литературе принято называть "потестарной", то есть форму власти (самоуправления), существующую в доклассовых (догосударственных) обществах⁶⁸. Так как потестарные структуры у коренного населения Сибири в XVIII-XIX вв. были значительно трансформированы, то термин "традиционные" представляется более удобным, поскольку включает в себя все разнообразие их переходного состояния в процессе интеграции в административную систему Российского государства.

Необходимо отметить, что принципиальная разница между властью и управлением потестарного и политического (государственного) уровней состоит не только в содержательной стороне, но и в основе их организационного построения. На потестарном уровне отсутствует формально-рациональный момент в отправлении и обосновании власти. Не будучи выделенной в особую сферу общественной жизни, власть и управление составляют неотъемлемую часть этнической, локальной специфики традиционного социального организма⁶⁹. Напротив, система управления достаточно развитого государства в большей или меньшей степени отвечает основным принципам рациональной организации власти и характеризуется наличием бюрократии - слоя профессиональных управленцев, составляющих административный аппарат; формальной иерархией уровней; высокой степенью функциональной дифференциации административного аппарата; наличием четкой системы правовых норм и правил деятельности институтов управления и определенных принципов, регули-

рующих статус и материальное положение различных групп бюрократии⁷⁰.

Приведенные выше замечания необходимы для определения критериев, в соответствии с которыми возможно достаточно объективное рассмотрение процесса трансформации потестарных институтов и оценка степени их интегрированности в государственную административную систему.

Источниковую базу работы составили две большие группы документов. К первой относятся законодательные акты, вошедшие в "Полное собрание законов Российской Империи" (далее - ПСЗ) и дополняющие их публикации официальных документов; ко второй - материалы Государственных архивов Санкт-Петербурга, Тобольска и Омска.

Наиболее крупными из вошедших в "Полное собрание ..." законодательных актов, регулирующих сословно-правовой статус сибирских аборигенов и определяющих порядок их управления являются: "Устав об управлении инородцев" 1822 г., указы и инструкции второй ясачной комиссии, а также комплекс законов, связанных с проведением поземельного устройства, административных и финансовых преобразований в Сибири 90-х гг. XIX в⁷¹.

Характеристика основных положений важнейших нормативно-правовых документов в области управления и суда народами Сибири XVIII в. - инструкции графа С.Л.Владиславича-Рагузинского 1728 г. и инструкции Сената, данной "за Высочайшим подписанием" секунд-майору Щербачеву 1763 г., не включенных в ПСЗ, содержится в "Обозрении главных оснований местного управления Сибири" (СПб, 1841 г.). Это издание интересно так же тем, что в нем дается офици-

альная ретроспективная оценка указанных законоположений и обоснование причин реформы 1822 г. Наряду с этим, автор настоящей работы использовал полные тексты названных инструкций, опубликованных Сычевским и Булычевым⁷².

Во второй половине XIX-начале XX вв. для практических нужд местной бюрократии периодически издаются тематические подборки законодательных актов правительства. Примером такой деятельности является вышедший в 1903 г. "Сборник законов об устройстве крестьян и инородцев Сибири и Степного края". Особого внимания в данном случае заслуживает "Положение об инородцах", представляющее собой модифицированный 1892 года вариант "инородческого" Устава М.М.Сперанского. Составитель сборника Г.Г.Савич помещает "Положение об инородцах" в комплексе с позднейшими узаконениями, направленными на унификацию управления русскими крестьянами и аборигенным населением, что очень удобно для проведения сопоставительного анализа.

Следует подчеркнуть, что сами законы фиксируют лишь конечный результат законотворческой деятельности. Некоторые законы не точно отражают фактическое положение вещей. Нередко их практическое воплощение значительно отличалось от первоначальных установлений. В силу указанных обстоятельств необходима проверка и дополнение законодательных актов другими и, в первую очередь, архивными источниками.

В этом плане большое значение имеют документы деятельности высших органов, отложившиеся в фондах центральных архивов⁷³. В данном случае были использованы материалы Российского государственного исторического архива (далее - РГИА), сосредоточенные в

фондах Земского отдела министерства внутренних дел (ф.1291) и Временного отдела по земельному устройству государственных крестьян министерства государственных имуществ (ф.385) - ведомств, занимавшихся во второй половине XIX-начале XX вв. разработкой реформ административного, податного и поземельного устройства сибирских "инородцев".

Для воссоздания подлинной картины состояния управления автохтонным населением края особенно важное значение имело привлечение обширных материалов Тобольского филиала Государственного архива Тюменской области (далее - ТФ ГАТО), и Государственного архива Омской области (далее - ГАОО).

Среди документов, привлеченных из фондов местных хранилищ, можно выделить следующие основные группы:

1. Правительственные распоряжения (именные и сенатские указы, министерские предписания, разъяснения и т.д.), адресованные губернской администрации. Они дополняют и конкретизируют комплекс законодательно-нормативных актов.

2. Деловая переписка (распоряжения, отчеты, рапорты, донесения, наказания, инструкции и т.д.) губернской администрации с органами управления на местах (земскими судами, окружными полицейскими управлениями, инородными управами). Эта совокупность источников показывает практику управления аборигенным населением, особенности его фискального и административного контроля.

3. Документы инородных управ - своеобразный источниковый микрокомплекс, характеризующий деятельность этих специфических управленческих институтов, созданных в результате реформы 1822 г.

4. В отдельную группу выделены материалы о введении у оседлых и кочевых аборигенов Тобольского и Туринского уездов "общественного управления и суда по правилам Общего положения о крестьянах" (ТФ ГАТО. Ф. 344. Оп.1. Д.216.; Ф.417. Оп.1. Д.398.). Эти материалы ранее не использовались исследователями и впервые вводятся в научный оборот.

5. Документы второй ясачной комиссии, действовавшей в Западной Сибири в 1827-1830 гг., в которых содержатся сведения о порядке "инородческого" управления в первые годы реализации Устава 1822 г. Важнейшими источниками являются окладные книги, которые содержат информацию о величине и способах уплаты ясака, а так же о составе "аборигенной администрации" в каждой из "инородческих" волостей.

6. Материалы переписей (ревизий). Содержат сведения о численности и территориально-административном размещении коренного населения, его национальном и половозрастном составе, численности по отдельным селениям, родам и волостям. В совокупности с соответствующими данными ясачной комиссии позволяют воссоздать структуру социально-административного устройства аборигенов с конца XVIII в. по вторую половину XIX в.

Самостоятельный источниковый комплекс составляют опубликованные записи юридических обычаев коренных народов Западно-Сибирского Севера⁷⁴. Достаточно обстоятельная характеристика этих материалов дана В.А.Зибаревым⁷⁵, мы же отметим, что сборники обычного права, изданные во второй половине XIX-начале XX в., имели в своей основе подготовленные в 20-е годы XIX в. сибирской администрацией "проекты сводов степных законов", а также сведения,

собранные отдельными путешественниками и исследователями в конце XVIII-XIX вв. В этих публикациях содержатся данные, характеризующие правовую культуру аборигенов, организацию их судостроительства и судопроизводства. Ценность данных источников снижается из-за наличия в представленных материалах позднейших наслоений, отсутствия научной обработки собранных сведений, дефицита информации по отдельным этнотерриториальным группам населения. При этом необходимо подчеркнуть, что названные сборники представляют собой первично систематизированное изложение традиционных правовых норм коренного населения Западно-Сибирского Севера, и, как отмечал В.А.Зибарев, "по некоторым вопросам ... суда и права народностей Севера, они основной, а иногда и единственный источник"⁷⁶.

Тесным образом к рассматриваемому кругу документов примыкает книга Обдорской управы⁷⁷ - уникальный юридический памятник малых народов Обского Севера. Она содержит обширный материал, позволяющий увидеть механизм функционирования суда у обдорских хантов и ненцев. Сопоставление этого документа с приговорами родовых судов инородных управ Сургутского округа и сборниками обычного права, дает достаточные сведения о судебной-административной практике аборигенов рассматриваемого региона, а так же позволяет выявить специфические ее отличия у отдельных групп автохтонного населения.

Значительный интерес представляют научно-описательные работы исследователей второй половины XVIII-начала XX вв.⁷⁸, в которых собран значительный этнографический, статистический и исторический материал, имеющий большую ценность для изучения и реконструкции социальных институтов коренных народов региона.

В целом, автор считает, что привлеченный им корпус источников позволяет воссоздать с допустимой подробностью реальную картину организации местного управления аборигенным населением Западно-Сибирского Севера XVIII-начала XX вв. Используемые в работе источники представляют собой взаимодополняющие материалы, важнейшим условием применения которых являлась комплексность их привлечения, территориальная, хронологическая и этническая определенность.

Раздел 1. ОРГАНИЗАЦИЯ УПРАВЛЕНИЯ КОРЕННЫМИ НАРОДАМИ СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ СИБИРИ ДО И НАКАНУНЕ РЕФОРМЫ 1822 ГОДА

Формы традиционной власти, существовавшие у народов Северо-Западной Сибири к моменту вхождения в состав Русского феодального государства, напоминают те, которые описаны в обществах периода так называемой военной демократии. Эти институты сформировались в условиях разложения патриархально-родовых отношений и постоянных военных столкновений. Во главе территориально-племенных объединений - "княжеств" обских угров русскими источниками XVI-XVII вв. зафиксированы "князцы" (в данном случае имело место механическое перенесение феодальной терминологии на социальные институты автохтонного населения). Хантыйские "князцы" конца XVI в. являлись потомками военных вождей - "уртов"¹ (у ваховских хантов они именовались "матурканами"²). В результате ведения войн и присвоения значительной части добычи эти вожди получили экономическое превосходство над остальной частью населения. Используя древние родовые институты и обычаи, они постепенно сконцентрировали власть в своих руках и превратили ее в наследственное право. Тем не менее для санкции своих действий "урты" нередко апеллировали к совету старейшин и народному собранию, которые являлись носителями патриархально-демократических традиций властвования³.

"Урты" стояли во главе укрепленных селений-городков ("воч") с прилегающей к ним территорией ("авыт"), "каны" - во главе древних родовых групп ваховских остяков. В XV в., когда наметилась тенден-

ция к объединению мелких "княжеств-городков" в более крупные образования территориально-племенного типа, появились "большие", "соборные князья", ставшие во главе этих союзов. Им подчинялись "мелкие князцы" вошедших в союз "княжеств"⁴.

К XVI в., как считал С.В.Бахрушин, угорские "князцы" окончательно утратили свой родовой характер. Экономическое могущество стало источником их власти. Происходит обособление "княжеских" семей от остального населения. Власть их приобретает личный характер. Правда, "князцы" собирали сходку "лучших людей", но она была лишь совещательным органом и не играла самостоятельной роли. Исходя из выдвинутой им концепции феодализации обско-угорского общества в XV-XVI вв., С.В.Бахрушин делает вывод о том, что еще накануне русского завоевания "князцы" приобрели черты мелких феодальных владетелей, возглавляя племенные объединения, перераставшие в государства⁵. Большинство советских сибиреведов не согласилось с такой оценкой характера власти угорских "князцов". Н.Н.Степанов, в частности, отмечал, что "остяцкий князь" данного периода "это вообще не феодал, а старейшина патриархальной общины, военачальник, племенной вождь"⁶.

У отдельных групп обско-угорского населения (южных хантов, южных, западных и восточных манси) на формирование потестарных структур в дорусский период оказала значительное влияние татарская военно-административная фискальная система. Это отразилось и в названиях некоторых институтов. Так главы мансийских племенных объединений носили звание мурз (в русских источниках фигурируют также под названием "князцов"). Их ближайшее окружение составляли сотники, которые, по мнению С.В.Бахрушина, являлись потомками

родовых старшин, и еще в XVII в. передавали свои должности по наследству⁷. Звания сотников и десятников сохранялись на протяжении XVII-XVIII вв. и у южных (прииртышских) хантов⁸.

У сибирских ненцев централизация власти происходила в рамках рода, выступавшего самостоятельной социальной и военной единицей. При этом оформилось четкое разделение власти военной и мирской. Об этом говорит различие в наименовании главы рода - "ерв" и военачальника - "саю ерв". Впрочем, функции того и другого одновременно могли быть сосредоточены в руках одного лица⁹. В русских документах вожди ненецких родов, по аналогии с главами угорских племен, именовались "князцами". Вождем, как правило, являлся самый старший по возрасту: "за отсутствием другого старшего родича достоинство князца после его смерти переходит по преемству к его сыну..."¹⁰. По данным В.И.Васильева, в XVII в. существовали главы не только отдельных родов, но и целых этнографических группировок сибирских ненцев. По окончании срока полномочий или по смерти такого "князца" эту должность мог занять представитель любого рода, входящего в данную группировку. При этом В.И.Васильев отмечает, что наличие в составе ненецких родов "лучших людей" и "князцов" еще не является свидетельством наличия элементов социального расслоения внутри рода¹¹.

В начальный период освоения Сибири (конец XVI-XVII вв.) Московское государство, стремясь закрепить на вновь освоенных территориях и обложить проживающее там население данью (ясаком), использует методы как прямого, так и косвенного колониального управления. С одной стороны, вся полнота административной и судебной власти на местах в "заочной государевой вотчине" передава-

лась в руки воевод. Сбор ясака должен был осуществляться ясачными сборщиками, которые отправлялись в "улусы и кочевья ясашных" в сопровождении казачьих команд. При этом широко практиковалось аманатство - пленение "князца", его ближайшего родственника или кого-либо из "лучших людей" с целью призвать к "государеву ясаку" подведомственных им аборигенов. Ясачные сборщики, кроме того, имели право производить и судебные разбирательства между "ясашными". Такая форма взаимоотношений с коренным населением складывалась в этот период, как правило, там, где не сформировалась сильная власть племенных вождей, где население оказывало открытое сопротивление колонизаторам; а также в тех районах, жители которых "по бродячему быту своему" постоянно переходили с места на место в тайге или кочевали с табунами оленей в тундрах, зачастую сознательно укрываясь от ясачных поборов. Так, например, взятие аманатов с тундровых и лесных ненцев практиковалось вплоть до середины XVIIIв.

Вместе с тем царская администрация вынуждена была считаться с авторитетом наиболее сильных и влиятельных традиционных лидеров, используя его в собственных целях. На условиях подчинения русским властям - добровольном взносе ясака с подведомственных "остяков" и "вогулов", участия в военных походах и т.д., обдорские, кодские, сосьвинско-ляпинские, пельымские и некоторые другие "князцы" не только были оставлены у управления своих "княжеств" и освобождены от уплаты дани, но и наделялись достаточно широкими иммунитетами¹². Москва официально признавала их владельческие права, жалую особыми грамотами. При этом воеводам наказывалось "князцов" и племен их "не воевать" и "судом и управой ни в каких делах не ве-

дать". Свои должности и привилегии эти "княжичи" передавали по наследству, сохраняя право на получение "поминок"¹³ с той части подвластного им населения, которая не уплачивала "государева ясака" и находилась на положении "вотчинных" или "служилых" людей. Таким образом, обладая в своих владениях всей полнотой власти, эти "князцы" пользовались правами, являющимися "характерным признаком политической самостоятельности, а именно правом суда и правом сбора дани"¹⁴.

Две охарактеризованные формы управления "ясашными инородцами", сложившиеся в указанный период, на практике, скорее всего, не существовали "в чистом виде", а сочетались в зависимости от конкретных обстоятельств. Вообще, данный порядок, при фактической бесконтрольности действий сибирской администрации, ее эпизодических контактах с представителями "племенной верхушки" и отсутствием четко определенного размера собираемого ясака, создавал почву для многочисленных злоупотреблений, как со стороны воевод и ясачных сборщиков, так и со стороны "князцов". Искусственное усиление власти последних, к тому же, вело к формированию дополнительных рычагов внеэкономического принуждения "ясашных", ущемляло и без того ограниченную роль органов коллективного самоуправления. Все это вызывало противодействие со стороны населения. Примером тому могут служить события 1636 года, происходившие в Кодском "княжестве"¹⁵. Кроме того, чувствуя определенную слабость позиций русских в Северном Приобье, "князцы" зачастую оказывались организаторами заговоров и восстаний против царских властей. Поэтому, постепенно укрепляясь на Западно-Сибирском Севере, Московское правительство к середине XVII в. ликвидирует при-

вилегированное положение большинства своих бывших вассалов, облагая их ясаком и низводя до уровня простых глав ясачных волостей, либо заменяя выборными старшинами из числа "лучших людей".

Ликвидация остатков политической самостоятельности и изменение внутренней структуры "княжеств-волостей" в XVII в. положило начало процессу трансформации сложившихся в их рамках потестарных институтов. Постепенно разрушаются основы прежнего авторитета традиционных вождей. Уже в процессе замирения некоторые "княжества" утрачивают свои военно-оборонительные функции, а князцы - статус военачальников. Сокращаются размеры добычи, приобретаемой в результате набегов на соседние племена и составляющей базу экономического превосходства "княжеских" семей. Позднее они лишаются доходов и от присваивавшейся ими части ясачных сборов и других поступлений, получаемых в результате эксплуатации соплеменников. Перевод же в ясачный оклад окончательно поставил многих (хотя и не всех) "князцов" в равное социальное положение с остальными представителями категории так называемых "лучших людей" или "почетных родовичей", лишив некоторых "князцов", в частности, права наследственной передачи своих должностей. В XVIII в. в большинстве случаев термин "князец" употреблялся как синоним звания старшины или сотника.

Со временем в сознании аборигенов угорские "княжики" XVI-XVII вв. превратились в легендарных героев, выступая своеобразным архетипом традиционного властного лидера, с которым соотносили и сравнивали авторитет власти "князцов" и старшин XVIII-XIX вв. Почитание "князцов" XVI-XVII вв. стало неотъемлемой частью ритуально-праздничного комплекса хантов. В опубликованных в 1860 г.

"Сведениях о законах и обычаях инородцев Березовского округа" говорится: "они [ханты - А.К.] никогда не проедут мимо тех мест, где жили сургутские князцы Бардак и Барс и Кодские Алачевы, не остановившись и не поклонившись этим местам со всею униженностию и смирением. На местах этих, по временам, инородцы собираются и делают нечто вроде пиршеств... стреляют... из луков и ружей и поют разные песни, вспоминая прежних правителей своих, и свое прежнее богатство..."¹⁶.

На протяжении XVIII в. происходят существенные изменения в социально-экономическом положении автохтонного населения края. К концу столетия завершается процесс унификации форм ясачного обложения, переход от неокладного ясака к окладному¹⁷. Ясак теряет черты дани и трансформируется в феодальную ренту¹⁸. Создавая на основе традиционных объединений аборигенов новые фискально-административные единицы, государство берет на себя функции сохранения целостности данных социальных организмов. Стремясь обеспечить стабильный рост ясачных поступлений в виде пушнины, правительство наряду с мерами, способствующими консервации традиционного общественно-экономического уклада туземцев, пытается в течение XVIII в. ограничить вмешательство местной администрации во внутренние дела аборигенов и, в первую очередь, избавиться от "армии грабителей" в лице ясачных сборщиков. Реальная практика взимания податей с "ясачных" не позволяла враз решить эту весьма непростую задачу.

Н.А.Миненко отмечает, что в 1700-1763 гг. в Северном Приобье "не единичны были случаи привоза пушнины в города князцами волостей - без посылки к ним ясачных сборщиков"¹⁹. Тем не менее в дан-

ный период это не было правилом. К тому же у аборигенов часто случались недоимки, а ненцы и обдорские ханты, состоявшие в неокладном ясаке, вообще по два-три года могли не приезжать в волостной центр для уплаты подати. Данные обстоятельства делали неизбежной посылку в волости ясачных сборщиков. Собирая пушнину, посланцы воевод старались "всемерно" обогатиться, занимаясь вымогательством и незаконной торговлей, чиня "ясашным великое разорение и обиды". Всю первую половину XVIII в. власти пытаются силою указов регламентировать действия ясачных сборщиков, наказывая, чтобы они под страхом смертной казни не брали с аборигенов пушнину в свою пользу. Но, как свидетельствуют факты, эти меры не имели должного воздействия²⁰.

Видя тщетность попыток пресечь "лихоимство" своих фискальных агентов, правительство повелевает местным властям: Указами Сената 1 и 8 февраля 1740 г. и Указом Сибирского Приказа 1742 г. оповестить "князцов" и старшин, чтобы они сами приносили ясак в города воеводам. В этом случае сборщики посылались только в те волости, старшины которых отказывались от доставки пушнины в город²¹. Чтобы стимулировать ясачные сборы, широко практиковались награждения (отдарки) "князцам" за исправный взнос подати: продуктами, тканями, вином.

Одновременно издаются инструкции²² и указы²³, официально разрешавшие "новокрещенным ясашным ... малые ссоры в воровстве..., побоях и все прочее [кроме криминальных дел и убийств - А.К.] ... судить своими начальниками" и разбирательства вести не "форменным" судом, а следствием. Впрочем, по справедливому замечанию Н.А.Миненко, "до определенного времени... не было потреб-

ности в подобных законодательных документах, ибо ясачные сами не выносили мелкие внутривидовые и даже межвидовые дела на суд русских²⁴. Таким образом, регулятивные функции, реализовывавшиеся институтами традиционного самоуправления, были достаточны для того, чтобы обеспечить нормальную жизнедеятельность автохтонных социальных организмов в рамках заданной административной структуры.

Окончательный отказ от методов прямого колониального управления происходит в результате деятельности первой ясачной комиссии 1763-1769 гг. В соответствии с инструкцией Сената, данной "за Высочайшим подписанием" в 1763 г. секунд-майору Щербачеву²⁵, был упразднен институт ясачных сборщиков, отменялось аманатство - заложничество. Функции сбора ясака передавались в руки "князцов" и старшин, за исправный взнос которого им полагалось вознаграждение. На практике эта установка инструкции была реализована в форме двухпроцентных отчислений от поступавшей в казну суммы. Высочайшим Указом 6 марта 1789 г., подтверждавшим инструкцию С.Л.Рагузинского 1728 г., "иноверческим начальникам" вверялось "ближайшее управление по улусам и стойбищам" и предоставлялись "суд и расправа во всех делах тяжёбных и в неважных уголовных..., по собственным их степным правилам"²⁶. В XVIII в. главы волостей и родов стали утверждаться в должности губернскими властями. При этом приносилась присяга на верность царю и вручался наказ, определявший функции этих лиц. В конце века "князцы" и старшины получают специальные волостные печати.

Каким же образом фискально-административная политика самодержавия второй половины XVIII в. повлияла на систему традици-

онного самоуправления аборигенов Западно-Сибирского Севера? Как известно, положениями 60-х годов вводился принцип породового обложения и сбора ясака (отметим, что комиссии Щербачева не удалось полностью выполнить это требование - в ряде случаев и после комиссии в Западной Сибири ясак собирался методом поголовного обложения). Реализация этой установки явилась, по-видимому, одним из основных факторов, под воздействием которого в рамках волости, рода, селения-юрта складывается коллективная ответственность за сбор ясака. В этих условиях формируется новый тип авторитета в автохтонной среде. В соответствии с фактом и размером уплаты ясачной подати определяется социальный статус членов общины: "у инородцев... принято, что тот, кто уплачивает ясак, то есть несет тягость, стоит во всеобщем мнении выше не несущего оной, так, например, если кто, из числа не несущих тягости, обижен другим, уплачивающим ясак, то на сего, последнего, он и не вправе жаловаться, ибо стоит ниже его по общественному мнению. По таковому обычаю все [имеются в виду мужчины - А.К.], даже старики, непременною обязанностью своею считают уплачивать ясак, ибо иначе теряют все свое влияние и право суда и разбирательства приобретенное именно чрез старшинство лет, столь почитаемое..."²⁷. В ситуации, когда главы волостей, родов, патронимий находились в положении "ясашных", одним из основных требований, предъявляемых к этим лицам, становится их способность нести повинность в размере, нередко превышающем средний оклад с остальных уплачивающих подать общинников. В этой связи интересна семантика наименования ватажного ненецкого старшины: *нарка нэмир бэртя* - "большого ясака человек"²⁸. Именно экономическая состоятельность в сочетании с личными качествами могла

обеспечить лидеру достаточную степень авторитетности. В.Ф.Зуев, посетивший в 1771 г. Березовский край, отмечает, что остяки "выбирают между собою лучших и умных людей, но богатые, по большей части, у них в особливом пребывают почтении"²⁹. Естественно, что достаток большинства старшин и "князцов" XVIII-XIX вв. был несопоставим с таковым же у "князцов" XVI-XVII вв., при этом главное отличие заключалось не в его размере, а в способе получения и реализации.

Сохраняет в этот период свое значение и фактор родовитости. В обско-угорских волостях Нижнего Приобья продолжают существовать династии наследственных "князцов". Причем "по смерти оных" правление их достается тем сыновьям, "кои ясашными будут усмотрены и удостоены к тому способными...". Далее В.Ф.Зуев подчеркивает, что "оные никакого ни окладу ни особливого почтения не имеют, кроме тех, которые жалованные грамотами от государей..."³⁰. К этой категории так называемых "жалованных князцов" относились обдорский Матвей Тайшин и куноватский Яков Артанзиев, получившие в 1768 году подтвердительные грамоты на княжеское достоинство и наследственное управление своими волостями от императрицы Екатерины II³¹. Таким образом, они сохраняли дарованные их предкам³² привилегии и, в первую очередь, освобождение от уплаты ясака, чем были поставлены в исключительное положение. Причина такого внимания правительства к представителям этих двух фамилий, по-видимому, объясняется той ролью, которая отводилась им как агентам царского фиска в наиболее труднодоступных районах Северного Приобья. В лице Тайшиных, которые еще в XVI-XVII вв. добились власти над "воинственной самоядью", российская администрация к тому же имела своеобразный "остяцкий канал" управления обдорскими ненцами. При

этом необходимо учесть, что ханты и ненцы Обдорской волости только в 60-е годы XVIII в. были положены в окладной ясак. К тому же "самоеды" не были переписаны полностью, "так как фактически власть правительства не распространялась на тундры, прилегающие к низовьям Оби"³³. Поэтому сбор ясака с них был весьма затруднителен и осуществлялся с конца XVIII столетия при посредничестве хантыйских князей. Приурочив пожалование грамот остяцким "князцам" ко времени завершения ясачной реформы, верховная власть, видимо, рассчитывала таким образом обеспечить максимально возможную поддержку со стороны этих "родоначальников" проведению своей фискальной политики в регионе.

Попытки царизма включить отдельных представителей местной верхушки в состав дворянского сословия в какой-то мере способствовали укреплению авторитета последних, но не меняли существенно ни уклада жизни князей, которые "всяк своими промыслами питаются"³⁴, ни их места в системе традиционных отношений власти. Г.Ф.Миллер так характеризовал положение угорских "князцов" XVIII в.: "...Ибо известно есть, что между ними и действительными князьями не находится никакого подобия. Все их преимущество состоит в том, что они перед прочими более богатства имеют или что они многоречивы и потому за умных почитаются и простые люди в происшедших между собой ссорах за судей и за посредников их принимают"³⁵.

В отличие от "князцов" конца XVI-начала XVII вв., которые сохраняли элементы политической самостоятельности, "жалованные князцы" XVIII-начала XIX вв. выступали лишь привилегированными главами ясачных волостей и не более.

На фоне понижения социального статуса "князцов" усиливается роль органов коллективного самоуправления. Общество в лице общих собраний (сходов) имело возможность контролировать действия глав волостей, родов, патронимий, отдельных селений и сменять неугодных (кроме наследующих свои должности). Решающее значение при этом играло мнение "лучших людей" или "почетных родовичей", составивших своеобразный совет знати при старшинах и "князцах". Вторая ясачная комиссия при обложении новой податью обязательно руководствовалась общим согласием старшин и "лучших людей". При этом и те и другие прикладывали к окладным книгам свои тамги³⁶. Очень меткую характеристику соотношения власти "князцов" (старшин) и власти общества дал историк И.Э.Фишер: "Князец владел не полно-властно, ибо народ имел столь же великое право на него, как и он на народ..."³⁷. Несмотря на то, что старшины были официально наделены всей полнотой власти в своей волости, роде, единолично они решали только мелкие дела. Там, где речь шла о нарушении прав собственности, а также при определении меры наказания, они обязательно советовались с коллективом, или, как правило, с его наиболее авторитетной частью - собранием "лучших людей"³⁸. Обычной в начале XIX в. была практика решения дел на сугланах (ярмарках), во время уплаты ясака, при общих сходах "инородцев". Общий сход представлял собой собрание всех мужчин волости, рода, уплачивающих ясак. Только здесь решались важнейшие споры, особенно те, что возникали между отдельными селениями, родами, ватагами. И.Э.Фишер указывает, что власть "князца" в решении спорных дел была больше, чем у другого³⁹. На наш взгляд, это замечание можно отнести лишь к характеристике "жалованных князцов", выделявшихся особенным авторитетом, и к

тем случаям, когда "князец" "превосходил летами" остальных "почетных людей". Если же он находился в окружении более старших по возрасту, то выступал как первый среди равных. Мнение пожилых было предпочтительнее, они были хранителями обычаев.

Именно с учетом такого положения старшин в автохтонном обществе следует отнестись к информации кондинского частного комиссара из его рапорта тобольскому гражданскому губернатору, датированного 1820 годом: "местные их [аборигенов - А.К.] и ближайшие начальники князцы и старшины так от взыскательности с них далеки, что ни коим образом не можно принудить..., даже при себе, сделать с нерадивых должное взыскание в страх другим, а не только позаочно ожидать от них в том успеху; да ясашные в разбирательстве... - и ни в коих приказаниях вовсе не слушают оных князцов... так как они такие же простые ясашные и во всех действиях и поведении ничем не отличаются"⁴⁰.

Приведенный документ достаточно красноречиво свидетельствует о том, что старшины и "князцы" ни автохтонным населением, ни местными властями не воспринимались в качестве административного лица. Функции административного контроля на практике реализовывались не столько этими "родона начальниками", сколько должностными лицами земской полиции. Впрочем, и обязанности по сбору ясака, формально возложенные на неграмотных старшин, не могли осуществляться ими самостоятельно в полном объеме. Во время сбора "мягкой рухляди", которую в конце XVIII-начале XIX вв. аборигены, как правило, сами привозили главе волости, кроме "князца" (старшины), находились пищик и приемщик. Первый вел необходимые записи в спе-

циальных книгах, второй рассматривал "доброту" зверя и отвечал за сохранность пушнины⁴¹.

Что касается вознаграждения старшин, то оно не носило регулярного характера, а полагалось лишь в случае успешного ("бездоимочного") взноса ясака и напоминало скорее отдарки, чем оплату фискальных агентов.

Принцип обязательного утверждения "князцов" и старшин губернскими властями имел, на наш взгляд, чисто формальный характер. По сути этим актом лишь констатировался факт избрания в старшины или наследования этой должности, что означало не более, чем официальное признание полномочий традиционного лидера, которому доверялся государством ряд определенных функций. Реально повлиять на результаты выборов, проводившихся на основе обычного права, царская администрация не могла. Сроки пребывания в должности глав волостей не были определены и зависели скорее от авторитетности избранного лица и его физической способности исполнять возложенные обязанности, чем от каких-либо иных факторов. Так в Сургутском уезде в конце XVIII в. некоторые "князцы" (сотники) исполняли свои обязанности в течении пяти и более лет, как, например, Алексей Османов, являвшийся сотником Мало-Юганской волости с 1796 по 1808 гг.⁴² В то же время, утвержденный властями волостной старшина мог быть в любой момент сменен своим обществом. Так в 1824 г. "остяки" волости Кодских городков "за небрежение о вверенной сумме" провинившихся старшин отменили и на их место избрали других⁴³. Бюрократическая процедура утверждения к тому же не распространялась на глав подразделений, находившихся в составе волости. Весьма сомнительно, чтобы ей подвергалось и большинство

старшин "самоедов", чьи роды часто распадались, соединялись, а некоторые вообще были неизвестны русским, вследствие чего контроль за выбором этих старшин был попросту не реален.

Естественно, что в волостях "ясашных", находившихся в непосредственной близости от административных центров, там, где имелись более или менее надежные пути сообщения, а также в зонах наиболее тесных контактов с русским населением опека над самоуправлением "аборигенов" со стороны земской полиции была больше, чем в глубинных таежных и тундровых районах. Своеобразным показателем степени "бюрократизированности" волостных старшин может служить факт наличия у них специальных волостных и старшинских печатей, выдававшихся "иноверческим начальникам" с конца XVIII в. К 1816 г. такие печати имели главы волостей Тобольского и Туринского уездов, а "князцы", старшины и сотники Березовского уезда продолжали прикладывать "по безграмотству" свои тамги⁴⁴.

Таким образом, старшины, князцы, сотники конца XVIII-начала XIX вв. оставались органичным, неотъемлемым элементом системы традиционного властвования. Этническая солидарность, зависимость от органов коллективного самоуправления и от мнения коллектива вообще, сословно-податное положение абсолютного большинства глав "ясашных волостей" исключали возможность придания власти этих старшин качеств административного принуждения.

В связи с этим весьма спорным является утверждение В.Г.Марченко о том, что в XVII-XVIII вв. появился слой "князцов", которые могли не совпадать с традиционными старейшинами и обязанности которых сводились к исполнению официальных (фискально-административных) функций⁴⁵. По нашему мнению, практика прямого

назначения на должности волостных "князцов", имевшая место в первой половине XVII в., вряд ли характерна для позднейшего периода. Искусственная поддержка "ясашных княжиков" не имела смысла, так как существовали более радикальные способы выколачивания ясака. Администрация могла скорее сместить "князца", но выбор нового, более покладистого, оставался за аборигенами. К тому же с 60-х годов XVIII в. местные власти были заинтересованы в реальном авторитете автохтонных лидеров, что облегчало сбор податей. Кроме того, с этого времени администрация не имела права утверждать старшин без выбора "ясашных". Маловероятно, чтобы такого рода волостные "князцы", о которых говорит В.Г.Марченко, могли бы успешно выполнять возложенные на них обязанности, даже в течении непродолжительного времени. Доказательством тому служит пример с институтом главных старшин Каменных и Низовых "самоедов", который, как считает Н.А.Миненко, был учрежден местной администрацией для лучшего сбора ясака. Эпизодичность появления этих старшин, по мнению исследователя, являлась свидетельством отсутствия особой потребности у ненцев иметь "главного самоедина"⁴⁶. При этом необходимо учесть, что "искусственность" главных старшин нельзя считать полной. Эту должность, как правило, занимали вожди крупнейших одноименных родов фратрии Харючи (Карачей), которые могли быть достаточно авторитетны среди значительной части обдорских тундровых ненцев.

В.Г.Марченко в обосновании своих выводов высказал мнение о том, что к XIX в. сложилось два типа волостей: 1 - состоявшие из патриархально-родовых общин, где власть князца опиралась на традиции самоуправления, 2 - объединявшие территориальные общины и пред-

ставлявшие собой чисто административные образования⁴⁷. В последних, как мы понимаем, по В.Г.Марченко, власть волостного "князца" была официальной, а "реальное самоуправление осуществлялось помимо него", "не в рамках волости, а в юрте"⁴⁸. Но и этот довод применительно к Западно-Сибирскому Северу XVIII-начала XIX в. мы вынуждены поставить под сомнение.

К числу "патриархально-родовых" объединений в конце XVIII в. можно отнести лишь ненецкие роды - "еркары". При этом, как показывает сюжет с упоминавшимися главными старшинами, произвольная централизация власти над группой патриархальных родов может носить не менее "административный" характер, чем управление группой территориальных общин. У обских угров, о чем подробно говорилось во введении, преобладающим типом социальных отношений уже в XVII в. были территориально-соседские связи. Практически любую угорскую волость конца XVIII в.-начала XIX в. можно рассматривать как объединение территориально-соседских общин, локализованных в рамках селения (юрта, городка), или группы селений. Тем не менее, это не дает основания считать все хантыйские и мансийские волости данного периода "чисто административными образованиями", так как в большинстве случаев территориальные связи носили традиционный, а не искусственный характер. Е.П.Мартыновой целый ряд "остяцких" волостей сопоставляется с локальными этническими общностями - "этнодемами", население которых говорило на особом диалекте и обладало специфическими особенностями культуры и быта⁴⁹. Она подчеркивает, что в XVIII-XIX вв. в волостях хантов территориальные связи тесным образом переплетались с генеалогическими. З.П.Соколова установила соответствие некоторых обско-угорских во-

лостей, выделенным ею, этнотерриториальным группировкам хантов ("ех", "ях") и манси ("махум")⁵⁰. З.П.Соколова отмечает, что при совпадении границ традиционных объединений с административными границами волостей, последние выступали как "общественные организации". В этих случаях, по нашему мнению, наличие волостного "князца" (старшины) свидетельствовало о существовании внутренней необходимости у населения, осознающего свое этносоциальное и этнокультурное единство, иметь институт централизации власти на общеволостном уровне. В качестве примера приведем Обдорскую и Казымскую "остяцкие" волости, где существовала устойчивая традиция подчинения старшин городков своему волостному потомственному "князцу". В данном случае фискально-административный фактор лишь укреплял эту традицию, которая, по-видимому, восходила ко временам племенных "княжств" XVI в. "Реальное самоуправление" в этих волостях реализовывалось на двух уровнях: старшиной с согласия одноюрточных жителей на уровне селения - городка (юрта) и на волостном уровне. Волостное самоуправление в начале XIX в. осуществлялось, как правило, на сугланах (ярмарках), куда "ясашные" съезжались для сдачи податей и решения "межродовых" и общеволостных дел, рассматривавшихся и обсуждавшихся "князцом" при участии общего схода или "лучших людей". Интересно отметить, что сам "князец" мог быть главой не только волости, но и того городка или части его населения, в котором он проживал. Так обдорские князья наследственно управляли особым "родом Тайшиных" Обдорского городка⁵¹. В тех случаях, когда административные границы объединяли традиционные общности, у населения которых не было внутренней потребности иметь особого старшину на административно-волостном уровне, то

его, как правило, в этот период не существовало. Все функции, в том числе и фискальные, выполнялись старшинами этих группировок. Так обстояло дело (до 1822 г.) в волости Кодских городков, образованных из отдельных, более мелких волостей и "сборов"⁵². Жители части из них обладали рядом специфических особенностей языка и культуры, отличавших их от соседей по административному объединению. В Назымской (до конца XVIII в.) и Куртумовской волостях (до 1822 г.) "остяки" и "вогулы" управлялись по отдельным селениям и юртам, не имея волостного старшины⁵³. В некоторых волостях (Тром-Юганской, Больше-Юганской, Подгородно-Юганской, Салтыковой, Лумпокольской и Ваховской) Сургутского ведомства, имевших в своем составе несколько "под-волостей" (от двух до трех) не выделявшихся до определенного времени в самостоятельные административные единицы, архивными документами на протяжении целого столетия устойчиво фиксировалось число сотников-старшин, соответствовавшее количеству этих субподразделений (см. Табл. 1). В этой связи отметим, что данные VII ревизии (см. Приложение, схема 1), по-видимому, не точны и не отражают реально существовавшего количества сотников по целому ряду волостей. Наибольшего доверия заслуживают окладные книги второй ясачной комиссии, в которых фиксировались все главы традиционных подразделений, ответственные за сбор ясака. Само несоответствие данных VII ревизии и окладных книг лишний раз доказывает, что фискальные функции возлагались именно на традиционных старшин, а не просто на глав административных волостей.

Кроме того, неправомерно ограничивать "традиционное" только рамками "патриархально-родового", "родового". Традиционной может считаться культура, в том числе и культура властных отношений с

Поволостной количественный состав сотников - старшин
Сургутского уезда (отделения, округа) в 80-х гг. XVIII в. - 90-х гг. XIX в.*

Название волости	Количество сотников-старшин						количество старшин
	1786 г.	1795 г.	1829 г.	1850 г.	1880 г. - 1890-е гг.	Подразделения волостей, получившие самостоятельный административный статус	
		V ревизия	(II ясная комиссия)	(IX ревизия)			
<u>Пимская</u>	1	1	1	1			1
<u>Аганская</u>	1	1	1	1			1
<u>Салымская</u>	1	1	1	1			1
<u>Салтыкова</u>	1	-	2	2		Салтыкова по р.Обь Салтыкова по р.Вах (Ларьятская)	1 1
<u>Селярская</u>	1	1	1	-			1
<u>Цирчина</u>	1	1	1	1			1
<u>Тром-Юганская</u>	2	1	2	2			1
<u>Мало-Юганская</u>	1	1	1	1			1

Продолжение таблицы I

	1786 г.	1795 г.	1829 г.	1850 г.	1880-е гг. - 1890-е гг.
<u>Подгородно-Юганская</u>	-	2	2	1	Подгородно-Юганская Подгородно-Юганская (Балытская)
<u>Больше-Юганская</u>	2	2	2	3	Верхне-Больше-Юганская Средне-Больше-Юганская Нижне-Больше-Юганская
<u>Ваховская</u>	3	3	3	3	Ваховская по р. Вах Ваховская ниже по р. Обь Ваховская выше по р. Обь
<u>Лумпокольская</u>	2	3	3	3	Лумпокольская по р. Вах Лумпокольская по р. Обь

ХСоставлено по: ТФ ГАТО. Ф.154. Оп.8. Д.754. Л.18-291; Ф.421. Оп.1. Д.1. Л.56-57,69; ГАОО. Ф.3. Оп.1. Д.851. Л.166-296; Патканов С.К. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев. Т.2. // Записки РГО по отделению статистики. - СПб.,1912. Т.XI. Вып.2. С.55, 56, 58-61; Миненко Н.А. Северо-Западная Сибирь в XVIII-первой половине XIX в. - Новосибирск, 1975. С.182; Соколова З.П. Социальная организация хантов и манси в XVIII - XIX вв. Проблемы фратрини и рода. - М.,1983. С.68-72, 152-153.

присущими им институтами, существующая на всех этапах доклассовых обществ (каковыми являлись обско-угорское и самодийское общества) в силу того, что она функционирует на основе устно передаваемой традиции, обычая, при недостаточной специализации своих сфер⁵⁴. Как мы выяснили, выбор и смена лидера (старшины, "князца"), реализация сообщаемых ему со стороны государства и общества функций в рассматриваемый период, продолжали осуществляться в соответствии с нормами патриархально-демократических традиций, посредством коллективного самоуправления у всех групп коренного населения Северо-Западной Сибири, вне зависимости от того, преобладали ли у них отношения кровного родства или они естественным образом были вытеснены территориально-соседскими. И в том, и в другом случае "князцы" и старшины оставались полностью в сфере действия традиционного типа политической культуры в его первичной, доклассовой форме. Вышесказанное дает нам основание не согласиться с выводом о том, что к началу XIX в. обско-угорские "князцы" и старшины "теряли все от органов, свойственных первобытно-общинному строю"⁵⁵.

Конечно, нельзя не признать, что практика управления автохтонами Сибири конца XVIII века вела к определенной регламентации функций традиционных институтов власти, стремилась поставить их в зависимость от административной государственной системы уже не столько силовыми, сколько бюрократическими средствами. Но при этом не стоит забывать, что, в целом, административная политика самодержавия в отношении сибирских народов была в этот период подчинена его фискальным интересам, которые требовали ее реализации в рамках консервативно-охранительного курса. Это сдерживало

давление бюрократических структур на аборигенные социальные институты. Оно могло деформировать, но не изменить окончательно их традиционного характера. К тому же, как мы видим, традиционные устои, психология были достаточно сильны чтобы выдержать это давление, не изменив своей сущности. В этой связи стоит напомнить, что даже выполнение податных обязанностей, навязанное феодальным государством автохтонному населению, было настолько интегрировано в систему традиционных экономических и социальных отношений, что в начале XIX в. "ясачный" фактор наравне с устоявшимися патриархальными нормами выступал одним из критериев, определявших статусные позиции члена традиционного коллектива.

Возвращаясь к вопросу о месте "князцов" и старшин в системе управления аборигенами Западно-Сибирского Севера в XVIII-начале XIX вв., подчеркнем, что вывод некоторых исследователей о том, что в конце XVIII столетия институт волостных "ясашных" старшин превращается в низовую администрацию⁵⁶, является слишком категоричным. На наш взгляд, в силу того, что "князцы" и старшины продолжали оставаться во власти патриархально-демократических традиций они объективно не могли быть подчинены ни одному из организационных принципов рационального целеполагания, в соответствии с которыми функционирует административная система развитого государства, в той мере, которая позволяла бы считать этот институт частью данной системы. Об этом красноречиво свидетельствует практика реализации "князцами" возложенных на них обязанностей. Это осознавалось и правительством. Показательно, что в инструкции Щербачеву 1763 г. не предусматривалось ни одной меры административного взыскания со старшин в случае неуплаты или недо-

платы ими ясака. Здесь мы сталкиваемся с той формой рентных отношений, при которой производитель выполняет фискальные повинности под свою ответственность, подгоняемый силой сложившихся отношений вместо непосредственного принуждения⁵⁷.

Лишь отчасти может быть принят и компромиссный тезис о двойственном положении старшин и "князцов" конца XVIII-начала XIX вв., обосновывающийся В.Г.Марченко и В.В.Рабцевич⁵⁸. К тому же авторами он формулируется не всегда четко и последовательно. Так, например, В.Г.Марченко, с одной стороны, утверждает, что в конце XVIII-начале XIX вв. "опора на родовую знать принимает такие формы, что можно говорить о превращении последней в низовую администрацию, оторвавшуюся от соплеменников". С другой стороны, он вынужден признать, что старшины и "князцы" этого периода все же "стояли ближе к соплеменникам, чем к администрации"⁵⁹. Безусловно, у отдельных групп коренного населения Сибири, находившихся на более высоком уровне социально-экономического развития (татары, буряты, якуты), чем обские угры и сибирские ненцы, происходило сращивание отдельных представителей феодализирующейся национальной верхушки с административно-политическими структурами государства. Но вряд ли это имело место в случае с хантыйскими, мансийскими и ненецкими старшинами, "князцами", исключая, может быть, Тайшиных. Волостные и родовые старшины коренного населения Западно-Сибирского Севера выступали в этот период как представители автохтонного общества перед лицом администрации, а не как представители администрации перед лицом своего общества. Поэтому выражение "низовая администрация" требует соответствующих оговорок и возможно лишь как образное, а не как отражающее реальное

место глав "ясашных" в системе управления аборигенами Северо-Западной Сибири.

Таким образом, в конце XVIII-начале XIX вв. волостные и родовые "князцы", старшины, сотники у обских угров и сибирских ненцев выступали как официально признанные государством представители конкретных аборигенных обществ, эксплуатируемые наравне с остальным ясачным населением (исключая "жалованных князцов"), за которыми закреплялись первичные фискально-административные функции посреднического характера.

Обобщая приведенный выше фактический материал дадим краткую характеристику сложившейся к 20-м гг. XIX в. структуры административного управления автохтонами севера Тобольской губернии (см. Приложение, схема 1).

С 80-х гг. XVIII в. по 1822 г. власть в Тобольском, Туринском и Березовском уездах, как и по всей Сибири, принадлежала нижним земским судам, возглавлявшимся земскими исправниками. Уезды делились на то или иное число комиссарств. В каждое из них назначался подчиненный исправнику представитель земского суда - частный земский комиссар. В ведении этих комиссаров и находились ясачные волости. Комиссары отвечали за благосостояние вверенных им волостей, контролировали процесс сдачи-приема ясака, а также представляли "в разборе маловажных тяжб и споров содействие земского суда", в случаях же важных "относились к суду пребывающему в городе"⁶⁰. Комиссары получали право непосредственного обращения к губернскому начальству, вследствие чего связь "земский суд - комиссар" нарушалась, и они выступали, зачастую, в роли самостоятельных руководителей в своем комиссарстве⁶¹.

Во главе одиннадцати хантыйских и мансийских волостей Тобольского и десяти мансийских волостей Туринского уездов стояли "ясашные старшины". Сравнение данных ревизских сказок за 1782, 1795, 1816 гг. позволяет убедиться в существовании принципа выборности и сменяемости этих должностных лиц⁶². Уже отмечалось, что не всегда централизация власти происходила на административно-волостном уровне. Так в материалах IV-V ревизий в Назымской волости "ясашных остяков" Тобольского уезда не назван волостной старшина, а указаны имена десятников и старшин отдельных юртов⁶³. Назымский волостной старшина появляется только в документах VII ревизии⁶⁴. В Куртумовской волости Туринского уезда в начале XIX в. манси Куртумовой деревни имели своего старосту, а жители Байгаринской, Санкиной, Индричинской, Епанчинской деревень и юрт Илясовых имели своих старшин⁶⁵.

Обращает на себя внимание пестрая номенклатура должностей. Кроме упомянутых выше существовало звание сотника, которое вместе со званием десятника в данном случае необходимо рассматривать как реликт военно-административной системы Сибирского ханства. Под началом сотников, например, в конце XVIII в. находилась Меньше-Кондинская волость Тобольского уезда, а в начале XIX в. - Тахтанская волость Туринского уезда⁶⁶. При различии в названиях статус и права старшин, сотников и старост были одинаковы, так как все они имели печати единого образца.

В ревизских сказках VII ревизии по Больше-Кондинской волости Туринского уезда значится "князь" Иван Сатыгин⁶⁷ - правнук некогда могущественного кондинского "княжика" Сатыги, потомки которого правили в Конде весь XVIII в.⁶⁸. Иван Сатыгин, судя по всему, был

лишен наследственного права "надзирать новокрещенов и собирать с них ясак". Формальный атрибут главы волости - печать - принадлежала не "князю", а старшине Тимофею Гаганчину. Сохранился любопытный документ, свидетельствующий о попытке Сатыгина исхочудить себе право на исключение из ясачного оклада и пожалование дворянского звания⁶⁹.

В Сургутском комиссарстве Березовского уезда (до 1804 г. оно имело статус самостоятельного уезда⁷⁰) во главе каждой "остяцкой" волости документами VII ревизии зафиксирован сотник (см. Приложение, схема 1). Но, как уже отмечалось, в отношении некоторых волостей (Тром-Юганской, Больше-Юганской, Подгородно-Юганской, Лумпокольских и Ваховской) эти данные нельзя считать точными. Мы также не склонны полагать, что в этих волостях один из сотников мог выполнять функции общеволостного, так как в материалах большинства ревизий и, что особенно важно, в окладных книгах⁷¹, фиксировалось, как правило, общее число этих лиц. Звание "сотника" в Среднем Приобье, скорее всего, было привнесено русскими во второй половине XVIII в.; ранее, в XVII в. и до середины XVIII столетия главы волостей здесь именовались "князцами"⁷². Использование именно этого термина - "сотник" было, как нам представляется, связано с необходимостью отразить многокомпонентный состав административных волостей, делившихся на подразделения - "сотни". Данные Н.А.Миненко и З.П.Соколовой⁷³ говорят о том, что в конце XVIII-начале XIX вв. главы волостей Сургутского уезда (комиссарства) были выборными. Тем не менее, во главе волости зачастую достаточно продолжительное время стояли одни и те же люди или представители одной семьи.

В отличие от Тобольского и Туринского уездов и Сургутского комиссарства в ясачных волостях Кондинского и Обдорского комиссарств Березовского уезда к началу XIX в. сохранились династии наследственных "князцов". Многие из них были прямыми или косвенными потомками вождей обско-угорских племенных княжеств XVI-XVII вв.⁷⁴. Выше мы достаточно подробно охарактеризовали положение, которое занимали "князцы" Нижнего Приобья в XVIII-начале XIX вв., поэтому ограничимся их перечислением по волостям. Во главе Подгородной волости в 1816 году стоял "князец" Федор Навьюхов, Сосьвинской - Михайло Сянтлин, Ляпинской - Семен Шешкин, Казымской - Григорий Канчин, Куноватской - князь Михайло Артанзиев и Обдорской - князь Матвей Тайшин⁷⁵. Потомки кодских князей Алачевых после отстранения Дмитрия Алачева от владения своей "вотчиной" в 1643 г.⁷⁶ не сохранили за собой даже номинального правления в волостях бывшего "княжества", которое с падением Алачевых было расформировано. В начале XIX в. из части волостей некогда входивших в Коду была образована волость Кодских городков. Волости (сборы) возглавляли выборные старшины, и как такового кодского волостного старшины до проведения реформы 1822 г., по видимому, не существовало⁷⁷. Сосьвинская, Ляпинская, Подгородная, Казымская, Куноватская и Обдорская волости имели в своем составе отдельные городки (юрты), некоторые из которых возглавлялись собственными старшинами (в документах VII ревизии старшины городков не указаны, но о их существовании в конце XVIII-начале XIX вв. имеются свидетельства в материалах второй ясачной комиссии (ГАОО. Ф.3. Оп.1. Д.851. Л.5об-6, 85-86, 67-70). Н.А.Миненко характеризует этих старшин как патронимийных старейшин, ведавших

внутриколлективными делами с согласия "одноюрточных жителей" и представлявших ясак волостным "князцам"⁷⁸.

Роды тундровых и лесных сибирских ненцев с 60-х гг. XVIII в. числились в составе четырех угорских волостей. Тем самым главы ненецких родов ставились в подчиненное положение по отношению к волостным хантыйским и мансийским "князцам", через которых они должны были сдавать ясак русским властям. Могли ли реально угорские "князцы" осуществлять какие-либо иные управленческие функции в отношении подведомственных "самоедов", кроме фискально-административных? Для того, чтобы судить о том, каковой могла быть степень влияния "князцов" в иноэтничной ненецкой среде, на наш взгляд, необходимо опираться не на обстоятельства формально-административного порядка, а исходить из характера межэтнического взаимодействия нижеобских этносов, имевшего в каждом конкретном случае свои особенности. У лесных (казымских) ненцев, благодаря достаточно устойчивому этнокультурному барьеру, сложившемуся между ними и правобережными казымскими хантами, по-видимому, была высокая степень независимости собственных институтов самоуправления. В этноконтактной зоне Куноватской и Ляпинской волостей, где с начала XIX в. активизируется процесс постепенного размывания малочисленных ненецких изолятов обско-угорским окружением, создавались условия для роста влияния хантыйского и мансийского "князцов". Однако, в указанный период этот процесс еще не зашел слишком далеко. Наличие собственных старшин⁷⁹ у куноватских и ляпинских ненцев свидетельствовало о такой степени монолитности этих группировок, когда существует необходимость иметь свое внутреннее управление, а также об определенном этносоциальном противостоя-

нии некрещеных "самоедов" крещеным "остякам" и "вогулам". Статус обдорских Тайшиных, как своего рода "межэтнического" властного института, имел в основании не только факт военно-политической (в XVI-XVII вв.) и административной (с середины XVIII в.) зависимости обдорских "самоедов" от "остяцких князцов", а опирался также на устойчивые этнодемографические (семейно-брачные) и этнокультурные взаимосвязи обдорских ненцев и хантов. Напомним, что одним из результатов этих процессов было формирование в составе нижнеобских ненцев родов хантыйского происхождения. Данное обстоятельство позволяет по-новому подойти к объяснению ситуации, засвидетельствованной Ф.Белявским в конце 20-х гг. XIX в. Он писал, что ненцы как "повиновались прежде ... князьям Тайшиным, так и по оное время Тайшина предпочитают своему [главному - А.К.] старшине Пайголу"⁸⁰. По-видимому, речь идет об "осамоедившихся" хантах, на которых прежде всего могло распространяться влияние "остяцких князцов". О неоднозначности отношения к Тайшиным в среде ненцев буквально в этот же период свидетельствует распоряжение тобольского гражданского губернатора березовскому земскому суду от 1830 г., где, в частности, говорится, что с 1821 года "семь из самоедских старост уклоняются от повинности князю, ... вносят ясак отдельно"⁸¹. В любом случае не следует слишком преувеличивать роли Тайшиных, которая, как правило, ограничивалась, помимо фискальных полномочий, участием в решении межродовых споров "самоедов".

Уже говорилось о том, что обдорские тундровые ненцы имели главных старшин по двум территориально-географическим группировкам. В 60-х гг. XVIII в. у ненцев Каменной стороны упоминается "главный самоедин" Гитпад Хамин, у ненцев Низовой стороны - Казан

Садин. Но в последующие годы этого столетия известий о существовании "главных старшин" нет, что, по всей видимости, связано с передачей права сбора ясака с "самоедов" обдорским князьям.

В документах VII ревизии зафиксировано, что 6 родов каменных "самоедов" возглавлялось 19 старшинами, а 9 родов низовых "самоедов" - 10 старшинами (см. Приложение, схема 1). Это несоответствие числа старшин числу родов, уже отмечавшееся в литературе⁸², свидетельствовало о начавшемся процессе разложения родов на более мелкие подразделения - "ватаги". В материалах IX ревизии выделено 29 ватаг соответственно числу старшин, зафиксированному VII ревизией⁸³. По мнению Н.А.Миненко, функции ватажных старшин соответствовали функциям патронимийных старшин обских угров, но в отличие от последних ненецкие передавали свои должности по наследству. Когда речь шла об интересах всего рода, принималось во внимание мнение всех его старшин⁸⁴. Последнее обстоятельство является косвенным свидетельством того, что в этот период "ватаги" тундровых ненцев были неустойчивой единицей и не выделились окончательно из состава материнских родов.

Таким образом, использование государством в XVII-XVIII вв. специфических форм взаимоотношения с аборигенным населением вызвало к жизни соответствующую систему его управления. Она включала в себя общественные и правовые автохтонные институты, сохранявшие значительную самостоятельность в своем функционировании. Организация административного устройства впитала все многообразие этно-социальной организации аборигенов Северо-Западной Сибири, а форма первичного управления, также не будучи унифицированной, предполагала пеструю номенклатуру должностей, раз-

личное положение среди общинников, разную степень включенности в феодально-сословную систему ("жалованные" и простые старшины), неодинаковые принципы замещения должностей, объем компетенции и размеры вознаграждения. Унифицированы были лишь принципы обязательного исполнения функций сбора ясака, утверждения губернской администрацией волостных старшин. Тем самым были сделаны первые шаги, ориентировавшие в перспективе на выделение этих старшин как института, стоящего над традиционным обществом.

Трансформировавшиеся из института "князцов" XVI-XVII вв., волостные и родовые старшины XVIII-первых лет XIX вв. сохранили характер органов традиционного властвования, став промежуточным звеном, посредниками между автохтонным социумом и государством.

Отказавшись в конце 60-х гг. от методов силового принуждения аборигенов и окончательно перейдя к методам административно-бюрократического контроля, государство нарабатывает новые приемы и формы взаимоотношений с коренным населением Сибирского Севера. Однако в ходе этого процесса обнаруживается дефицит организационных, юридическо-правовых и коммуникативных средств его обеспечения. Инструкции 1728 и 1763 годов, являвшиеся до реформы 1822 г. основополагающими законодательными актами в области управления народами Сибири, представляли собой лишь "предварительное начертание тех оснований, на коих должны были быть составлены полные правила об инородцах"⁸⁵. Они не содержали многих необходимых подробностей. В частности, недостаточно четко определялись права и статус "князцов" и старшин, порядок их взаимодействия с местной администрацией. С изменениями в общественном и

экономическом состоянии "ясашных" многие положения инструкций устарели и не удовлетворяли практическим потребностям.

1) В сфере фискальной и административной. К началу XIX в. усложняется характер и структура податного обложения автохтонов, что было вызвано коммутацией ясака и распространением на коренные народы новых видов повинностей⁸⁶. Исчисление аборигенов, произведенное в 1763-1769 гг. по коллективам плательщиков, оставалось неизменным. Впоследствии число ясачных душ изменилось, отчего сбор ясака "сделался неуравнительным, а для некоторых племен весьма тягостным"⁸⁷. Неуклонно росло количество недоимок, при этом нередко были случаи укрывательства ясачных плательщиков главами родов и волостей. Все это требовало постоянного, скрупулезного учета податного населения и уплачиваемых им сборов, что вело к увеличению делопроизводства по управлению аборигенами на местах. Неграмотные старшины, как уже отмечалось, были не в состоянии самостоятельно осуществлять даже первичную регистрацию поступающих податей, а лишь присутствовали при сдаче оных и занимались их доставкой в казначейства и комиссарства. Писари, нанимавшиеся для записи ясака, сами зачастую были малограмотны и неквалифицированно выполняли свои обязанности. Частным комиссарам практически в одиночку приходилось заниматься организацией податного учета, с чем они не всегда могли справиться. Ревизующий север Тобольской губернии накануне реформы М.М.Сперанского чиновник по особым поручениям Булич доносил, что "по делам Денщикова комиссарства неизвестно ничего; сколько ясашные разных волостей платят ясака и других податей... Необходимо земскому начальству завести порядок, которого ясашные по простоте своей не знают"⁸⁸. Есте-

ственно, что такая ситуация создавала благоприятные условия для многочисленных злоупотреблений среди чиновников и части старшин. Неграмотность старшины создавала и такого рода сложности, когда "за отсутствием письмоводства у инородцев⁸⁹" невозможно было "руководствовать" их волостных начальников "предписаниями к исполнению какого-либо предмета"⁹⁰. Поэтому, для того, чтобы сделать удостоверение или провести следствие, чиновникам земской полиции приходилось "постоянно быть в отлучке". Если учесть огромную территорию, занимаемую комиссарствами, становится очевидным, что, действительно, комиссары едва успевали один-два раза в год побывать в некоторых волостях и селениях по делам службы. Разумеется, что при такой организации не могло быть и речи об оперативности и регулярности контроля местных властей за самоуправлением туземцев.

2. В сфере судоустройства и судопроизводства. Указы, подтверждавшие и конкретизировавшие установки инструкции С.Л.Владиславича-Рагузинского содержали много неясностей и противоречий⁹¹. В некоторых из них говорилось уже не о шестичленном суде родоначальников, а о том, чтобы оставить аборигенов при их собственных правах и обычаях. В компетенцию родоначальников передавались то маловажные, то гражданские, то "неважноуголовные" дела. Местной администрации то давалось право рассмотрения апелляций на решения суда родоначальников, то запрещалось пересуживать такие дела. При разбирательстве важных уголовных дел, а также тяжб и споров, которые аборигены, не удовлетворяясь собственным судом, иногда выносили на рассмотрение русских властей, последние, не зная родовых обычаев, "решения свои всегда обосновывали на общих госу-

дарственных узаконениях, так что инородец оправдывался или обвинялся против общего его понятия о справедливости"⁹².

Изменения в системе традиционного хозяйства и быта, вызванные влиянием пришлого русского населения, сопровождавшиеся переходом части западно-сибирских аборигенов (например, южных манси) к полуседлому и оседлому образу жизни, рельефнее обозначили разницу в уровне социально-экономического развития различных этно-территориальных групп автохтонов. В этих условиях становилась очевидной неприемлемость единых форм и методов управления "инородцами, живущими деревнями, занимающимися земледелием и всеми крестьянскими промыслами" и "северными самоедами и остяками ..., рассеянными на великих пространствах и нигде не имеющими постоянного жилища"⁹³.

Таким образом, углубляющийся процесс интеграции коренных народов Сибири в систему общероссийских социально-экономических, административных и правовых связей усложнял характер взаимоотношений государства с аборигенным населением. Требовалась существенная перестройка сложившихся форм взаимодействия государственных управленческих структур с институтами автохтонного самоуправления, которая была осуществлена в ходе реализации "Устава об управлении инородцев".

Раздел 2. ВВЕДЕНИЕ " УСТАВА ОБ УПРАВЛЕНИИ ИНОРОДЦЕВ "

Понимание логики и сути изменений, которые произошли в системе управления аборигенами Западно-Сибирского Севера в результате реформы 1822 г., невозможно без подробного анализа той общей, идеальной модели, в соответствии с которой эта система реформировалась. Тем более, что до сих пор исследователи не пришли к единому мнению в оценке административных преобразований Устава, в трактовке его соответствующих положений.

В самом обобщенном виде, предложенный в Уставе¹ порядок организации "инородческого" управления был следующим. Все туземное население Сибири "по степени гражданского образования и настоящему образу жизни, по качеству главного промысла, составляющего главный способ пропитания", делилось на три сословно-административных разряда: оседлых, кочевых и бродячих (§§ 1,11).

Разряд оседлых аборигенов разделялся на торговых и земледельцев. Все причисленные к этому разряду "инородцы" "сравниваются с россиянами в правах и обязанностях по сословиям, в которые они вступят, и управляются на основании общих узаконений и учреждений" (§ 13). К оседлым земледельцам должны были относиться "инородцы, живущие деревнями и занимающиеся свойственным земледельцам упражнениями" (§ 17). Они включались в сословие государственных крестьян и сравнивались с последними "во всех податях и повинностях, кроме рекрутской" (§ 18). Эта категория оседлых "инородцев" должна была иметь состав и обязанности волостного и сель-

ского управления, ничем не отличавшиеся от таковых же у русских поселян (§§ 88-90).

Разряд кочевых аборигенов составляли коренные жители, "занимающие определенные места по времени года переменяемые" (§ 1). Кочевые "инородцы" являлись особенным сословием в "равной степени с крестьянским", но отличным "от оногo в образе управления" (§ 24). При этом необходимо учесть, что в отличие от оседлых, кочевые оставались в ясачном окладе и должны были уплачивать подати по особому положению. Для кочевых предусматривалось три ступени (степени) "степного управления".

1 - Родовое управление, для отдельного стойбища или улуса, насчитывающего не менее 15 семейств. Состоит из старосты и одного-двух помощников (§§ 94, 96).

2 - Инородная управа, которой подчиняется несколько стойбищ одного рода и возглавляющие их родовые управления. Управа состоит из головы, двух выборных и письмоводителя (§§ 103-105).

3 - Степная дума для многих родов, соединенных в общую зависимость (§ 114). Сразу отметим, что степные думы не были созданы у народов Северо-Западной Сибири, поэтому в дальнейшем мы не будем останавливаться на характеристике данного института.

К разряду бродячих относились аборигены, "переходящие с места на место по рекам и урочищам" (§ 1). Права их "вообще состоят в применении правил для кочующих поставленных", (§ 61) при этом бродячие в отличие от кочевых "не участвуют в денежных земских по губернии повинностях и не производят расходов на содержание степного управления" (§ 62 П.2). Для данного разряда "инородцев" было предусмотрено только родовое управление, состоящее из одного ста-

росты, который получал права и власть обеих ступеней "ступенного управления" (§§ 111-112).

Инородные управы кочевых и родовые управления бродячих непосредственно подчинялись земским судам или отдельным заседателям, а через них всем присутственным местам и лицам, имеющим начальство над земской полицией (§§ 157, 158).

Конечная цель разрядной системы заключалась в переходе бродячих и кочевых "инородцев" в категорию оседлых по мере успехов их в хозяйственном развитии. При этом перечисление в другой разряд приурочивалось к очередной ревизии и не могло производиться без согласия самих аборигенов (§§ 8, 25).

Итак, в качестве единицы социально-административного устройства у аборигенов разряда кочевых и разряда бродячих Уставом предлагались стойбище и род.

Использование авторами Устава термина "род" послужило поводом для многих исследователей² этого документа считать, что он был составлен применительно к родовому строю, "причем к такому, который представлял для большинства народов уже пройденный этап"³, и стремился законсервировать разлагающиеся патриархально-родовые отношения.

Вообще необходимо заметить, что термин "род" употребляется в Уставе в двух значениях. Если в главе второй части второй этого документа родом называется объединение, соответствующее инородной управе, то в главе второй части третьей родом именуется подразделение, находящееся под началом родового управления. По всей видимости, авторы Устава в каждом из этих случаев вкладывали в данное

понятие разное содержание, но за неимением другого подходящего определения использовали один и тот же термин.

На наш взгляд, под "родом", соответствующим родовому управлению, М.М.Сперанский и Г.С.Батеньков подразумевали ту или иную форму традиционной общины, являвшейся прежде всего коллективом плательщиков, члены которого были связаны круговой порукой, выступая в уплате податей "как одно нераздельное лицо" (§177). На первый план, таким образом, выдвигалось требование общности экономических интересов, формирующейся на основе обобществления части продуктов индивидуального или коллективного труда. Существование же кровно-родственных отношений между членами этого коллектива рассматривалось лишь как дополнительный фактор, укрепляющий монолитность данной группировки. § 95 Устава санкционировал формирование родовых управлений по территориальному признаку: "стойбища или улусы, меньше 15-ти семей имеющие, причисляются к другим ближайшим". В отношении бродячих можно предположить (хотя никаких прямых указаний по этому поводу в Уставе не содержится), что под родовым управлением у них понималось объединение, аналогичное управе кочевых, но не делившееся на самостоятельные единицы (стойбища) и выступавшее единым фискально-административным подразделением.

Иностранная управа предстает в Уставе как совокупность самоуправляющихся общин, экономических единиц, что уже само по себе не могло способствовать консервации кровнородственных отношений внутри этого макрообъединения - "рода". Более того, в § 108 говорится о возможности составления иностранной управы "из стойбищ, не бывших прежде в общей зависимости". По-видимому, этот администра-

тивный институт ассоциировался у авторов Устава с "ясачными" волостями по типу Обдорской, Куноватской и т.п., которые в своем составе имели особые подразделения, возглавлявшиеся собственными старшинами ("городки", "юрты"). В этой связи интересно замечание В.Г.Марченко, сделанное им по результатам сравнительного анализа одного из проектов Устава и самого закона. Он отмечает, что реформаторы первоначально отождествляли инородную управу с органом, стоящим во главе волости, "но видя, что в основе волостной организации аборигенов лежат традиционные общности, авторы Устава отошли постепенно от термина "волость" и старались не называть новые административные единицы, сосредоточив внимание на органах управления этими единицами"⁴.

Вполне очевидно, что под видом инородной управы предлагалась структура, призванная обеспечить плавный переход кочевых аборигенов от традиционных к общегосударственным формам социально-административного устройства земледельческого населения. При этом авторы Устава следовали принципу сохранения общинной формы организации "ясачных инородцев", облегчавшей их эксплуатацию и тщательно опекавшуюся правительством. Для обозначения ее специфики была использована "родоплеменная" терминология, отражавшая уровень существовавших тогда представлений об общественном строе сибирских автохтонов. Но это отнюдь не означало, что реформаторы пытались реконструировать патриархально-родовые институты. Они стремились упорядочить сложившиеся на основе традиционных общностей формы социально-административных объединений аборигенов, предлагая унифицированную для каждого разряда "инородцев" систему административной организации.

Большей четкостью и продуманностью отличаются положения Устава, касающиеся органов "инородческого" управления.

Как уже говорилось, первой ступенью в "степном управлении" кочевых и единственной у бродячих должно было стать родовое управление. В его исключительную компетенцию входило: раскладка и сбор податей, взыскание недоимок со своих "родовичей", приведение в исполнение всех распоряжений "высшаго правительства" относительно "инородцев" (§§ 176, 313, 356). Обладая правами первой степени словесной расправы, оно могло взыскивать за маловажные проступки, по обычаям и в качестве домашнего исправления (§§ 125, 174). Отметим, что компетенции словесного суда не подлежали важные уголовные дела, перечень которых определялся в § 37 Устава. По этим преступлениям "инородцы" должны были судиться в присутственных местах по общим государственным установлениям.

Как у бродячих, так и у кочевых главную роль в родовом управлении должен был играть староста. Его статус определялся следующим образом: "Управляющий родом приемлется в значении старшего лица, как будто бы род составлял одно семейство", он "избирается или наследует сие звание по обычаям", утверждается в должности гражданским губернатором (срок пребывания в ней не оговаривался). "между своими родовичами может носить наименование князя и проч., но в отношениях с правительством... имеет называться старостою"; "во всех случаях когда дело будет касаться до какого-либо стойбища, относиться на лицо старосты" (§§ 97, 100, 147, 173). Староста и его помощник никакого жалования не получали и свою должность должны были исправлять как общественную службу (§ 142). В то же время за

ними сохранялись доходы, "какие званию их присвоены по степным обычаям" (§ 143).

Таким образом, должность старосты не превращалась в должность платного государственного служащего. Лицо, ее исполнявшее, выдвигалось автохтонной средой и могло сохранять все атрибуты носителя традиционной власти.

Предусмотренные Уставом меры воздействия и взыскания, применяемые к представителям "инородческой администрации" определялись общественным характером выполняемой ими службы и были весьма ограничены. Так, удалить от должности старосту без ведома "сородичей" разрешалось лишь в случае совершения им уголовного преступления и доказанного судом злоупотребления властью (§ 155). Даже при недоимке, составляющей более трети годового сбора, лишь в качестве самого крайнего средства допускалась задержка старосты или его ближайшего родственника (§ 358), что напоминало скорее пережиток аманатства.

Родовым управлениям не навязывалось бюрократическое дело-производство. Все дела, включая и судебные, разрешалось производить "словесно" (§ 101). Вследствие этого, обмен информацией между старостой и земской полицией мог осуществляться только в устной форме. При этом возможность контактов ограничивалась актами приема-сдачи податей на сугланах и ревизиями для наблюдения порядка в стойбищах. Ревизии полицейские чины обязаны были производить не чаще одного-двух раз в году у бродячих и двух раз в месяц у кочевых (§ 238).

Инородная управа предусматривалась как вторая ступень в аппарате управления кочевыми "инородцами". В случае, если под

началом управы были соединены стойбища, "не бывшие в общей зависимости", возглавлявший ее голова должен был назначаться только по выбору "родовичей", "по смерти или на срочное время" (§ 108). В остальном порядок избрания, утверждения, отстранения голов и кандидатов управы, характер их службы, применяемые к ним взыскания, права на традиционные титулы и почетные подарки были такими же, как и у родовых старост.

Обязанности инородной управы делились на две большие группы: 1) по надзору, 2) по местным распоряжениям. К первой группе относились: наблюдение за точным исполнением родовыми управлениями законов, обычаев и порядков, утверждение "показаний о родовых нуждах". Местные распоряжения состояли в точном исполнении предписаний начальства, понуждение старост к сбору податей, охране благочестия, порядка и прав инородцев (§§ 187, 188, 192).

В качестве словесной расправы второй степени, управа, основываясь на обычаях, должна была рассматривать жалобы на несправедливость родовых управлений и разбирать дела между представителями разных стойбищ (§ 126).

Фискальные функции управ заключались в приеме от родовых управлений податей и сдаче их в земскую полицию (§ 329 II. 2).

В отличие от родового управления, в инородной управе полагалось заведение делопроизводства. В ее состав вводился писарь, который должен был наниматься и содержаться самим обществом (§§ 144, 156). Согласно Уставу, "письмоводитель не имеет никакого участия в управлении, но отвечает за порядок, в котором дела должны быть содержимы" (§ 201). Введение писарей позволяло организовать в управах первичный учет населения и собираемых с него податей по усано-

вленным формам, а также производить письменные сношения с органами земской полиции. В то же время сохранялась словесная форма отношений с родовыми управлениями.

Цель создания института такого рода, с нашей точки зрения, не стоит сводить к стремлению "насадить среди "инородческого управления" бюрократический принцип надзора одних органов над другими"⁵. Иностранная управа предполагалась не просто в качестве инстанции, централизующей и контролирующей деятельность многочисленных стойбищ. Она создавалась как орган, функциональные и коммуникативные возможности которого (в отличие от родового управления) позволяли эффективнее и рациональнее организовать процесс взаимоотношений "инородческого" управления с государственными административно-бюрократическими структурами, придать этому процессу регулярный характер. В то же время управы должны были послужить своеобразным буфером, смягчающим воздействие бюрократической системы на самоуправление аборигенов.

Необходимо отметить, что в Уставе проводилась четкая грань между "действительным управлением инородцев", представленным родовыми управлениями и инородными управами, и остальной частью потестарной автохтонной системы. § 66 Устава гласил: "почетные инородцы, не занимающие никаких должностей, начальством утверждаемых, не имеют участия в управлении и состоят как частные лица в зависимости от степного управления". Признавая существование суда посредников и его независимость от родовых управлений и инородных управ, авторы Устава подчеркивают, что "таковые посредники, хотя бы и постоянно одни и те же... по особенному к ним уважению родовичей были избираемы, по сему одному

праву, никакого значения в действительном управлении не имеют" (§124). В связи с этим, земской полиции предписывалось не допускать "почетных инородцев, не исправляющих ни какой службы" вмешиваться в дела родовых управлений и инородных управ (§ 220).

Органы земской полиции, которым непосредственно подчинялась "степное управление", были представлены земскими судами и их отдельными заседателями. В обязанности полиции входило: осуществление общего надзора за инородческими управлениями, донесение о недостатках народного продовольствия и необходимых пособиях, осуществление приема податей через уполномоченных лиц под квитанции, регистрация боров и составление по ним годовых отчетов (§§ 216, 219, 327-329, 347, 352). При этом органы земской полиции не имели права вмешиваться в сам процесс сбора повинностей, а лишь "понуждали к этому родовых старост непосредственно или через инородную управу" (§§ 313, 365). Только в случае, когда старосты по два года не вносили податей, разрешалось въезжать в само стойбище для сборов (§§ 362, 363, 240. П.2). Земские суды так же обязаны были по сведениям голов и старост составлять общее народосчисление по уезду, представляя его в казенную палату и губернскому начальству (§§ 268, 269). Полиции предписывалось производить следствия по уголовным делам и приводить в исполнение определенные по ним приговоры (§§ 244, 245, 260). В качестве третьей степени словесной расправы земские суды рассматривали дела "инородцев", подчиненных разным управам (у бродячих - родовым управлениям) и по неудовольствию на решения второй степени словесной расправы (§ 127).

Уставом предусматривалось, что земская полиция и российские присутственные места исковые дела "инородцев" будут разбирать на

основании утвержденных главными управлениями Западной и Восточной Сибири сводов "степных законов", которые планировалось выработать на основе систематизации, дополнения и переработки юридических обычаев аборигенов (§§ 68-70, 259). Предполагалось, что эти своды должны были стать и юридическо-правовой базой для деятельности органов "действительного инородческого управления".

Итак, в системе низового управления кочевыми и бродячими "инородцами", разработанной в Уставе 1822 г., можно выделить три уровня и три соответствующих им типа управленческих институтов:

1 - Уровень традиционного самоуправления (потестарный), представленный "почетными родовичами", судом посредников, которые не вошли в сферу "действительного управления". Их власть и влияние должны были сохранять свой патриархальный характер, при этом социальный статус этих институтов определялся исключительно в соответствии с нормами обычая, традиции. Сфера их компетенции была ограничена, но оставленные за ними функции не регламентировались государством.

2 - Уровень смешанного (синтезированного) "действительного степного управления", представленный родовыми управлениями и инородными управами - слоем официально утверждаемой российскими властями "инородческой администрации". Он являлся переходной формой от традиционного к административно-бюрократическому управлению. В нем сохранялись элементы этнической специфики, нерасчлененность судебных и административных функций. Положение старост, голов, и их кандидатов - двойственное, основанное на обычае и государственном законе одновременно. В то же время присутствуют моменты рациональной организации - иерархическая соподчинен-

ность, четкое распределение обязанностей, единообразие должностной номенклатуры, делопроизводство.

3 - Уровень государственно-административного контроля, который представлен уездной земской полицией, призванной осуществлять надзор за органами "степного управления". Методы контроля и правовая база, в соответствии с которой должна была действовать земская полиция, адаптировались к условиям взаимодействия с автохтонным социумом.

Таким образом, Устав не просто упорядочивал сложившиеся формы управления коренным населением Сибири, а создавал на их основе качественно новую систему административно-управленческих институтов.

На наш взгляд, можно выделить три основных принципа, в соответствии с которыми предполагалось реформировать управление сибирскими "инородцами".

1. Принцип сохранения традиционной основы, которым обеспечивалась органическая связь вновь создаваемых структур с общественной организацией аборигенов.

2. Принцип частичной рационализации, в соответствии с которым определялись: единый для всех сибирских аборигенов статус, права и обязанности их "инородческой администрации", порядок ее подчинения органам государственного фискально-административного надзора.

3. Принцип дифференцированного подхода. В соответствии с ним определялось соотношение традиционного и рационального начал в "инородческом управлении" в зависимости от уровня общественно-экономического развития той или иной группы коренного населения.

Основываясь на вышесказанном, мы не можем согласиться с мнением о консервативной направленности административных преобразований "Устава об управлении инородцев". Другое дело, что его создатели выступили против немедленной ломки традиционного уклада жизни аборигенов. Это было вызвано, в частности, пониманием того что, невозможно немедленно навязать большинству сибирских аборигенов общегосударственные формы управления и нормы общероссийского права. Поэтому реформаторы высказались в пользу постепенной трансформации общественных структур коренного населения при использовании методов административного воздействия на них. Фактически, Уставом был предложен проект модернизированной системы косвенного управления, сориентированный на процесс поэтапного сближения автохтонов с сословием государственных крестьян.

Это общее направление выработанной Уставом административной политики несомненно, несмотря на противоречивость ряда его положений, обусловленную стремлением примирить консервативно-охранительный курс самодержавия в отношении "ясачного" населения с объективной потребностью в реформе. Последняя была вызвана углубляющимся процессом интеграции аборигенов в систему общероссийских административных и экономических связей, когда задачи в области управления сибирскими народами выходили за узкие рамки обслуживания фискальных интересов верховной власти, и когда сами эти интересы нуждались в более эффективных средствах своего обеспечения.

Безусловно, предложенная в Уставе модель организации "инородческого" управления имела ряд серьезных недостатков, на

критике которых мы будем останавливаться, рассматривая процесс практической реализации этой модели.

"Устав об управлении инородцев" проводился в жизнь как составная часть Великой Сибирской Реформы графа М.М.Сперанского, затронувшей практически все области "правительственного устройства" этого края. Перестраивались все звенья управленческого аппарата сибирских губерний⁶.

Формальные изменения в низовом звене государственно-административного управления "инородцами" Тобольской губернии не потребовали много времени. Административное деление округов (в которые были преобразованы уезды), где проживали ханты, манси и ненцы, практически не изменилось, поэтому структура соответствующих органов земской полиции не претерпела особых перемен (см. Приложение, схема 2). На смену нижним земским судам пришли земские суды; земские комиссары были переименованы в отдельных заседателей. В связи с упразднением Табаринского и Усениновского комиссарств манси двух Табаринских, Кошукской и Куртумовой волостей передавались в непосредственное подчинение Туринскому земскому суду.

В соответствии с решением совета тобольского губернского общего управления от 17 октября 1823 г., подтвержденного Сибирским комитетом в 1824 г., все обско-угорское население губернии и ненцы Ляпинской, Куноватской и Казымской волостей причислялись к разряду кочевых, с учреждением в их волостях инородных управ⁷. Ненцы Обдорской волости были отнесены к разряду бродячих, что заставило вывести их из подчинения князю обдорских "кочевых" хантов. Губернских совет предложил "самоедам" избирать из своей среды старо-

сту, "коим они по содержанию § 111 Устава будут управляемы"⁸. На должность главного "самоедского" старшины был выбран Пайгол Нырмин - глава одной из ватаг Карачейского рода. Таким образом, права родового управления присваивались этому главному старшине, а не старшинам отдельных родов и ватаг, как бы это следовало.

В 1824 году куртумовские манси были отнесены к разряду оседлых с подчинением их Жуковскому волостному правлению⁹.

Причисление в разряд кочевых, повлекшее за собой рост податного обложения, вызвало в 1826 году возмущение обдорских хантов. Это заставило губернские власти, а затем и Сибирский комитет признать целесообразным перевод в разряд бродячих не только мало отличавшихся по образу жизни от "бродячих, самоедов" обдорских "остяков", но и вообще всех "остяков" Березовского округа¹⁰. Одновременно с них слагалась недоимка по земскому сбору, составившая на 1 сентября 1826 года более 51500 рублей.

В 1827-1830 гг. в Западной Сибири действовала вторая ясачная комиссия, которая в соответствии с § 39 "Устава об инородцах" должна была переобложить новой ясачной податью кочевых и бродячих аборигенов. В качестве побочного предмета ей поручалось проверить, как на местах проведено разделение на разряды и какова система управления "инородцев"¹¹.

Подтвердив правильность распределения по разрядам хантов, манси, и ненцев Тобольской губернии, комиссия отметила, что у них сохранилось старое волостное деление¹². В Тобольском и Туринском округах, по сообщениям комиссии, "у хантов и манси инородных управ не имеется, а с 1824 года в волостях их учреждены родовые управления, которые состоят из старост и старшин, избираемых на

один год"¹³. "Князцы" и старшины всех "остяцких" волостей Березовского округа также получили права родовых управлений¹⁴. Комиссией отмечалось, что "остяки и самоеды отделений Обдорского и Кондинского, кроме разделения на волости, имеют еще свои роды, городки..., в которых есть и старшины. Впрочем улусы сии носят токмо названия, ибо права и обязанности родового управления, на основании §§ 111 и 112 Устава, принадлежат старостам волостей к коим они приписаны"¹⁵. О разделении управления обдорскими хантами и ненцами, оставшимися в одной волости и одном разряде, ничего не было сказано, отмечалось лишь, что для "самоедов" и "остяков" этой волости были составлены разные окладные книги¹⁶. По другим источникам известно, что, после смерти Пайгола, к 30-м гг. XIX в. "самоеды" вновь оказались под управлением Тайшиных¹⁷.

Таким образом, можно заключить, что губернская администрация и ясачная комиссия отождествляли родовое управление с волостью, как у кочевых, так и у бродячих. У кочевых не было создано второй ступени "степного управления" - инородных управ. Родовое управление этого разряда состояло из одного старосты без положенного к нему кандидата. Иначе говоря, в первые десятилетия реализации Устава у аборигенов Западно-Сибирского Севера не произошло принципиальных перемен в надстроечных структурах "инородческого" управления; практически не изменилось социально-административное деление, если не считать введения поразрядной системы.

На наш взгляд, это объяснялось тем, что предложенный в Уставе проект преобразований не учитывал специфику сложившихся у автохтонов Северо-Западной Сибири и фискально-административных институтов. К тому же имевшаяся в Уставе нечеткость в о разделении но-

вых административных единиц допускала возможность различного истолкования его соответствующих параграфов.

Ранее мы выяснили, что обско-угорские волости к началу XIX в. представляли собой самоуправляющиеся окладные объединения, члены которых несли коллективную ответственность за сбор податей. При этом волости являлись достаточно устойчивыми административно-территориальными образованиями. Дробить их на более мелкие окладные единицы было нецелесообразно: образование родовых управлений по отдельным юртам привело бы к увеличению числа фискально ответственных лиц, что могло лишь усложнить процесс сбора повинностей. К тому же, с переводом "остяков" Березовского округа в разряд бродячих, у которого кроме родового управления, никакой другой инстанции не предусматривалось, присвоение прав родовых управлений главам отдельных юртов и "городков" - самостоятельных подразделений в составе угорских волостей Обдорского и Кондинского отделений - нарушало бы сложившуюся и поддерживаемую царской администрацией традицию подчинения этих юрточных старшин волостным "князцам". Поэтому право родового управления присваивалось последним.

Планировавшееся губернским советом создание инородных управ у кочевых "инородцев" Тобольского и Туринского округов, по всей видимости, встретило затруднение из-за нехватки грамотного русского населения. Кроме того, необходим был определенный период, чтобы объяснить "инородческим начальникам" круг их новых прав и обязанностей. Поэтому во главе волостей кочевых хантов и манси двух названных округов в первое время находились родовые управления, а не инородные управы.

Весьма рискованным для коронного ведомства мероприятием, при неустойчивости ненецких родов и ватаг, могло стать наделение правами родовых управлений "самоедских" старшин, если учесть закрепленное Уставом исключительное право старост родовых управлений на сбор ясака с подведомственных им "инородцев". Скорее всего по этой причине губернские власти решили возродить некогда существовавший институт "главного ненецкого старшины", присвоив ему статус старосты родового управления. Интересно отметить, что окладные книги составлялись не для отдельных "самоедских" родов и ватаг, а для волостей, к которым эти роды-ватаги были приписаны.

Итак, основной фискально-административной единицей у аборигенов Западно-Сибирского Севера становился не "административный род", а "ясачная" волость. Придание волостям статуса неделимых податных подразделений ("инородцам" запрещалось самовольно перечисляться их волости в волость¹⁸), на наш взгляд, объяснялось не стремлением законсервировать патриархально-родовые отношения, а невозможностью иным образом обозначить рамки окладных объединений. Территориальные границы волостей были условными. Для их четкого определения требовалось проведение специальных межевых работ, осуществить которые было крайне сложно по причине невыясненности порядка землепользования аборигенов, основанного на обычном праве. Первичный учет населения, которое в массе своей вело бродячий и кочевой образ жизни, возложенный на неграмотных старшин, не мог быть действенным и оперативным. Поэтому административные границы волостей проще было определить личным составом причисленных к ним тяглых "инородцев", связанных круговой порукой в сдаче податей.

Таким образом, местная администрация продолжала держаться старых, испытанных форм, чтобы не разрушать отлаженный механизм фискально-административного принуждения. По-видимому, из этих же соображений исходила и ясачная комиссия, закрепив сложившуюся у аборигенов Северо-Западной Сибири к началу XIX в. систему их социально-административного устройства. Эта система не претерпела изменений до второй половины столетия, но послужила базой для дальнейшего развития институтов "инородческого" управления.

В 1829-1830 гг., когда ясачная комиссия практически завершила свою работу по переобложению коренного населения Тобольской губернии, гражданским губернатором Муравьевым была предпринята ревизия дел "инородцев". Главное внимание при этом уделялось не столько проверке организационных изменений в соответствующих административных структурах, сколько вопросам реализации аппаратом местного управления фискальной и экономической политики "Устава об управлении инородцев". Об этом свидетельствует программа, составленная для ревизоров Светловского и Торопчанинова, отправленных в Пелымское и Сургутское отделение и отчет самого губернатора, посетившего Березовский край¹⁹. В выводах, сделанных Муравьевым по обозрению Северного Приобья в частности отмечалось, что "в образе сбора ясака с инородцев заберезовских не существует ничего из предначертанных для того правил". Одним из главных недостатков в организации ясачного сбора "прекрасного для собирателей, но не для платящих", по мнению губернатора, было отсутствие должного первичного учета ясака и, как следствие, невозможность контроля казенной палатой движения и качества собираемой пушнины. Для устранения этого недостатка, среди прочих мер,

предлагалось лицам, собирающим ясак, завести шнуровые книги, куда бы записывалось "вносимое звание и количество зверя, поступления из того числа в казначейство, продажа остального затем и употребление полученной суммы"²⁰. В соответствии с предложениями губернатора, тобольская казенная палата снабдила земские суды шнуровыми книгами, при этом указывая, что с учреждением инородных управ у кочевых они так же будут снабжены этими книгами, "нет только необходимости отсылать оных к старшинам самоедов, так как у сих Уставом не допускается письмоводства"²¹. В качестве исключения, в березовский земский суд были отправлены книги "особо, для Обдорского волостного правления на записку ясака с бродячих инородцев"²².

Итак, возможность заведения "письмоводства" рассматривалась местной администрацией как главное отличительное качество инородных управ от родовых управлений. Но необходимость организации действенного контроля за деятельностью "инородческих начальников" по фискально-податной части и связанная с этим бюрократизация управленческого процесса (ведение шнуровых книг, составление раскладочных приговоров) привели к тому, что к началу 30-х гг. XIX в., в родовых управлениях Тобольского и Туринского округов и в некоторых волостях Березовского округа организуется более или менее постоянное делопроизводство. К сожалению, делопроизводственные документы родовых управлений этого периода не сохранились, либо потому, что по окончании года все составленные писарем бумаги уничтожались, либо по причине пожаров²³.

В 40-х гг. XIX в. все инородческие волости Тобольского и Туринского округов, Обдорского и Кондинского отделений Березовского округа, в обнаруженных нами архивных материалах, именуется

инородными управами²⁴. 1850-м годом датированы документы, свидетельствующие о существовании расходов на содержание управ, отчислившихся из сумм, уплачиваемых "инородцами" на внутренние волостные повинности²⁵. К 1849-1850 гг. относятся первые из сохранившихся в архивах Ляпинской, Сосьвинской, Куноватской, Обдорской управ бумаги на их имя²⁶. Можно полагать, что в 40-е гг. XIX в. родовые управления перечисленных выше округов и отделений получили не только названия, но права и статус инородных управ, предусмотренные Уставом 1822 г. Только старшины "инородческих" волостей Сургутского отделения, "где письмоводства не производится и инородных управ не находится"²⁷, оставались в правах родовых управлений.

Таким образом, в Тобольской губернии, вопреки закону, инородные управы были созданы не только у кочевых, но и у бродячих, что свидетельствовало о большей приемлемости этого института "действительного степного управления" для непосредственного взаимодействия с государственной административно-бюрократической системой.

В данный период (40-50-е гг.) управы еще не соответствовали требованиям Устава. Они состояли, как правило, из одного головы, именуемого иногда старшиной или "князцом". У аборигенов, ведущих посезонные перекочевки, управа, как фискально-административный и судебный орган, действовала лишь в определенное время года - в период сдачи и положения ясака. Так, например, в Ляпинской и Сосьвинской волостях до 1875 г. существовали "временные управы при сборе ясака" в юртах Щекурьенских и Искарских, а "постоянное пись-

моводство по оным велось в городе Березове"²⁸. Обдорская управа действовала во время Обдорской ярмарки в январе месяце.

Не сразу, с трудом прививались в управах бюрократические порядки. Ревизирующий в начале 50-х годов XIX века Березовский округ коллежский советник Оболенский нашел, что "только в последние годы ясачные книги начали представляться на ревизию в казенную палату, до того же времени все книги без всякой подписи и ни кем не скреплены..."²⁹. Обнаружив, что по многим управам накапливаются значительные остатки от ясака, нигде не регистрируемые, ревизор предложил "обязать заседателей... иметь строгое наблюдение что бы все остатки от ясачных сборов записывались на приход в ясачную книгу", а затем отсылались в казначейство. Сами же книги предлагалось, каждую треть года, представлять управам на ревизию к заседателям³⁰. Критике Оболенского был подвергнут и существующий порядок сдачи ясака "который сдается князям и старшинам не заседателям, как сие следовало бы, а представляется ими прямо через земской суд в частное окружное управление для оценки"³¹.

Подчеркнем, что вопрос о полноте учета собираемой с кочевых и бродячих "инородцев" казенной подати был весьма актуален в условиях неуклонного падения ясачного сбора и, особенно, сокращения его поступлений пушшиной. Так, например, у березовских аборигенов - основных поставщиков "мягкой рухляди" на Западно-Сибирском Севере, в 1835-1840 гг. реальный сбор ясака составил 53,3% от планируемой суммы. При этом на 53% сократились натуральные платежи³².

Неэффективность попыток правительства на протяжении 40-х - 50-х годов XIX столетия стабилизировать процесс поступления ясака в его натуральном виде мерами запретительного характера в области

торговли и налогообложения³³ подстегивали местную администрацию к ужесточению бюрократического контроля за действиями земской полиции и "инородческих начальников" по сбору и регистрации податей. Пожелания Оболенского вскоре приняли форму практических действий. С 1857 года шнуровые книги инородным управам стали выдаваться земскими судами, которые обязаны были наблюдать за их исправным ведением. При этом контрольное отделение тобольской казенной палаты подчеркивало, что если при ревизии шнуровых книг будут обнаружены упущения, то ответственность за таковые будет падать на исправников и заседателей³⁴. В том же году губернское правление обязало инородные управы ежегодно командировать в окружные казначейства писарей с книгами и документами для проверки окладных душ, "чтоб избежать в будущем разность в их счете и устранить значительную по этому вопросу переписку"³⁵.

Предпринятые губернской администрацией меры дали определенные результаты. В волостях, где имелись инородные управы, в середине XIX в. велся регулярный, достаточно подробный, а главное - контролируемый фискально-податной учет. Во второй половине 50-х гг. березовский военно-окружной начальник майор Колпаковский для документального обоснования своего решения о награждении отличившихся "по взносу податей" старшин обращается к книгам инородных управ, так как, по словам Колпаковского, только в них сохранились сведения о том, кто, сколько и какой именно "рухляди" внес в ясак, а также указывалась сумма производившейся в управах первоначальной оценки пушнины³⁶.

С ростом и усложнением делопроизводства все большее значение в деятельности управ приобретают писари. Хотя Устав гласил, что

письмоводитель "никакого участия в управлении не имеет", реальная роль этих лиц становилась много значительнее той, которая им отводилась в законе. Писарь выполнял не только чисто технические обязанности (составление приговоров, ведение переписки и т. д.), которые сами по себе требовали определенных знаний и навыков. Его практической функцией становится разъяснение инородческим начальникам, обществу смысла и порядка применения и исполнения поступавших в Управу распоряжений и предписаний. Нередко писарям приходилось принимать самостоятельные решения по тем или иным вопросам. Все это требовало как знания языка аборигенов, их практических нужд и образа жизни, так и знания основных законоположений, касающихся "инородцев". Понимая исключительность своей роли, писари достаточно часто злоупотребляли собственным положением, самовольно устанавливая дополнительные сборы с населения за оказанные услуги. К.Д.Носилов сообщает о том, что практиковалось прямое назначение писарей в управы местным начальством³⁷. Кадровый состав писарей формировался из грамотных крестьян, отставных канцелярских служащих и даже ссыльнопоселенцев. В районах с достаточно высокой плотностью русского населения должность инородческих писарей очень часто совмещалась писарями крестьянских волостных управлений.

В 40-х-50-х гг. XIX в. вносятся некоторые дополнения и уточнения в статьи Устава, определяющие порядок пребывания в должностях "степного управления". В 1845 г. дополняется параграф, касающийся причин удаления "инородческих начальников". Теперь, наряду с указанными ранее, таковой считался наем для отработки долгов³⁸. В 1853 г., согласно "Высочайше утвержденному" мнению Сибирского

комитета, в должности, занимаемые по выбору у сибирских "инородцев" разрешалось избрать лиц не моложе 21 года, имеющих собственное хозяйство, не опороченных судом и не состоящих под следствием. Срок службы отныне определялся тремя годами, после чего должны были следовать перевыборы³⁹.

В середине XIX в. в Tobольской губернии инородные управы, как форма административного устройства и управления, существовали не только у бродячих и кочевых, но и у оседлых "инородцев" (см. Приложение, схемы 3, 4). Попытка подчинения куртумовских "вогул" русскому волостному управлению была неудачна: по рекомендации ясачной комиссии, вследствие просьбы "инородцев", им было разрешено иметь собственное внутреннее управление "в отвращении притеснений от русских"⁴⁰. В 50-е годы в разряд оседлых переводится население еще трех мансийских волостей Туринского округа, приближавшееся "по образу жизни и качеству промыслов" к крестьянскому⁴¹. Но организация их управления не была преобразована по типу сельского для сибирских крестьян, образца 1822 г. До конца 70-х годов во всех четырех волостях туринских манси так и не было образовано сельских обществ с положенными старшинами и десятниками. Волости управлялись инородными волостными управлениями, которые состояли из старшин, а не из волостных голов и старост, как это требовалось. В составе Кошукского управления указан сотник. По-видимому, сотники были и в других управах оседлых манси, выполняя функции по сбору податей и исполнению наказаний.

Во второй половине 60-х годов происходит ряд изменений в организации управления "кочевыми инородцами" Tobольского округа. В 1865 году четыре "остяцких" волости объединяются под началом двух

инородных управ, а четыре "вогульские" - в одну управу⁴² (см. Приложение, схема 4). Объединение объяснялось тем, что малочисленному населению этих волостей было обременительно содержать собственное управление. К тому же, нередко жители соединяемых подразделений обитали на одних и тех же землях, в одних селениях и пользовались одними угодьями. Одновременно с укрупнением инородных управлений, в 1865 и 1867 гг. две волости "остяков" - Темлячевская и Верх-Демьянская - на правах сельских обществ были причислены соответственно к Самаровской и Демьянской русским волостям⁴³. Ходатайствуя о разрешении приписки аборигенов к русским поселениям, губернская администрация обосновывала эту меру необходимостью "упорядочивания сбора подлежащих с них податей и приучения инородцев к занятию сельским хозяйством". Но попытка принудительного окультуривания "инородцев" не принесла ожидаемых результатов. Податные сборы с них отнюдь не увеличились, а земледелием, и то только в конце XIX века, занимались ханты трех юртов в Демьянской волости⁴⁴, остальные же остались при своих звероловных и рыбных промыслах, "доставляющих более значительные средства"⁴⁵. Искусственность осуществленного объединения была очевидной не только с точки зрения культурно-хозяйственной, но и социально-экономической, так как сохранялись различия в податном обложении и землепользовании крестьян и аборигенов. Формально заключенные в одни административные границы, они продолжали оставаться обособленными друг от друга не только в хозяйственной, но и в общественной жизни. Волостные правления находились в руках русских, а "инородцы в члены этого правления, а так же волостными судьями не выбираются"⁴⁶. Ханты Демьянской волости избирали из своей среды

старосту и кандидата, а Самаровской - голову и двух кандидатов, "хотя к тому нет законных оснований, так как должны были бы участвовать в выборах по волостному управлению"⁴⁷. Судиться аборигены также предпочитали в своей инородческой расправе, несмотря на то, что она обладала меньшими правами, чем волостной суд.

Необходимо подчеркнуть, что причисление "кочевых остяков" к русским волостям, произведенное тобольской администрацией в виде, противоречащем соответствующим положениям "Устава об инородцах", было не случайным. Этот факт свидетельствовал о начавшемся процессе пересмотра правительственной политики в отношении сибирских аборигенов, что выражалось в отказе от провозглашенного в Уставе принципа постепенной трансформации общественно-экономического уклада "инородцев" и признании необходимости их подчинения общероссийскому законодательству. В следующем разделе мы подробнее остановимся на этом вопросе, рассматривая ход подготовки административных преобразований рубежа XIX-XX вв. у коренного населения Западной Сибири.

В отличие от волостей кочевых "инородцев" Тобольского и Туринского округов, где инородные управы выполняли функции обеих ступеней "степного управления", в волостях Обдорского и Кондинского отделений Березовского округа, у разряда бродячих, сложился иной вариант волостного "инородческого" управления. Инородным управам, образованным на базе института волостных "князцов"⁴⁸, подчинялись старшины отдельных городков (юртов), родов и ватаг. И хотя эти старшины официально не наделялись правами родовых управлений, на практике они выполняли функции данного органа.

Необходимо отметить, что сведения, характеризующие положение юрточных, "родовых" старшин обских угров Нижнего Приобья, достаточно противоречивы. Так, по свидетельству Ф.Белявского, эти лица не имели права входить в разбирательство жалоб и тяжб своих подчиненных, а вся их обязанность состояла в сборе ясака и сдаче его "князю". Для разбирательства же споров выбирались специальные мировицики⁴⁹. В то же время, у М.А.Кастрена читаем, что кроме сбора ясака "обязанность старшины - сохранение порядка и согласия в роде... При споре сородичей дело обсуждается старшиной, который тут же произносит решение"⁵⁰. При рассмотрении дел по долгам, разделу имущества, распрям старшина собирал сходку и решал дело с общего согласия схода⁵¹. Ф.Белявский утверждает, что звание старшины было избирательным⁵². М.А.Кастрен же пишет, что старшины обдорских "остяков" наследовали свои должности⁵³.

Материалы IX и X ревизий подтверждают, что у части нижеобских хантов звание старшины передавалось по наследству. Это относится прежде всего к главам так называемых "родов" обдорских хантов (род Тайшиных, Тобольчиных, Нячиных и др.)⁵⁴. Эти объединения-патронимии выделялись наличием в них устойчивого генеалогического ядра, представители которого занимали "приемничеством" должность старшины. В межобщинных и межпатронимийных отношениях генеалогическое ядро выступало как действительный субъект обычного права. Скорее всего именно в таких "родах"-патронимиях старшины выполняли судебные функции, обладая необходимым авторитетом и поддержкой.

Вместе с тем, документы ревизий свидетельствуют о том, что старшины ряда городков-юртов (например, Полуйского и Надымско-

го в Обдорской, Куноватского в Куноватской волости⁵⁵) были выборными. В этих объединениях не наблюдается преобладания какой-либо одной группы кровных родственников. По-видимому, это были соседские общины, составленные из представителей разных патронимий. Вероятнее всего, что старшины таких группировок выполняли только фискальные функции, а за судебным разбирательством подведомственные им "инородцы" обращались к выборным судьям или напрямую к волостному "князцу". Срок пребывания в должности юрточных старшин не регламентировался государством: "смерть или самые недовольствия на правление" служили поводом к перемене "сотенного начальника"⁵⁶.

О родовых и ватажных старшинах "самоедов" известно, что главной их обязанностью было "собрать членов своего подразделения в известное время" и отправиться "для положения и взноса ясака" в волости, к которым они приписаны. В этом собрании на суд старшин выносились все имеющиеся несогласия и неприятности. Старшина при этом основывал свои решения "на собственном или общем суждении о деле"⁵⁷.

На приговоры юрточных, родовых и ватажных старшин и сходов недовольные приносили жалобы "князцам". Хотя, по сообщению А.Г.Воронова, у хантов "случай заявления недовольствия на решения старшин и сходов весьма редки"⁵⁸. Основной обязанностью "князцов", как второй степени словесной расправы, было поддержание согласия между представителями разных общин своей волости, прежде всего решение споров, возникающих "о пастбищах и ловищах". Степень авторитетности суда "князцов" у "инородцев" Березовского края, исследователями этого периода оценивается по-разному. К.Д.Носилов пи-

шет, что у сосьвинских манси "слово князя считается высшей инстанцией и безапелляционно"⁵⁹, А.Г.Воронов подчеркивает, что у "остяков" Нижнего Приобья "князцы и теперь пользуются ... большим уважением"⁶⁰. В то же время в "Сведениях об обычаях инородцев Березовского округа" находим: "в настоящее время уважение к решениям князцов почти утратилось... в важных случаях, по значительной краже или по присвоению чужих угодий, инородцы обращаются прямо к русским чиновникам, преимущественно к тем, кто бескорыстными действиями умел снискать большое доверие..."⁶¹. Комментируя данное замечание, необходимо отметить, что автохтонное население избегало, как правило, единоличного разбирательства "князцов" и старшин, так как такой суд, в большинстве случаев, не имел традиции. Чаще всего судебные функции принадлежали всему обществу или авторитетной его части. Кроме того, одной из причин недоверия к решениям старшин и "князцов" было то, что "в последнее время", по замечанию К.Д.Носилова, суд их "стал не беспристрастным"⁶². Коллективный же суд инородной управы, предусмотренный Уставом 1822 г., мог собираться в полном составе чрезвычайно редко. В силу этих обстоятельств, аборигены все чаще прибегают для разбора своих неотложных споров к российским властям. Впрочем, эту практику, для данного периода, не стоит рассматривать как устоявшееся правило, скорее это была наметившаяся тенденция.

Волостные "князцы" Обдорской, Куноватской, Ляпинской, Сосьвинской, Казымской и Подгородной волостей сохраняют в середине XIX века свой наследственный сан. Если "князем становился несовершеннолетний, ему назначался опекуном ближайший родственник. Ближайший же родственник занимал место умершего князя, если

последний не имел наследника"⁶³. Особое положение среди прочих продолжают занимать "жалованные князцы" Тайшины и Артанзиевы. Правда, не совсем ясно, правами какого, личного или наследственного, дворянства обладали титулованные представители этих фамилий. Как бы то ни было, их потомки получали определенные преимущества. Указом Сибирского комитета от 1 ноября 1832 г. "инородцы", пользующиеся правом личного дворянства, и их дети освобождались от уплаты ясака и телесных наказаний⁶⁴. Но самое главное, что на основании грамот 1768 года за Тайшиными и Артанзиевыми продолжали признаваться их наследственные права по управлению подведомственными им "остяками" и "самоедами".

В связи с этим, стоит вернуться к сюжету, с главным самоедским старшиной Пайголом, и ответить на вопрос, почему по смерти последнего обдорские ненцы вновь перешли под управление Тайшиных. На наш взгляд, дело здесь не только в степени влиятельности князя и главного старшины (отношение "самоедов" к тому и другому было неоднозначно) и даже не в том, что обдорские ханты в 1827 г. были переведены в разряд бродячих, хотя это могло сыграть роль повода. Все становится ясным из распоряжения тобольского губернатора, данного им в 1830 г. березовскому земскому суду. В нем губернатор, напомнив содержание "дарованных предкам Матвея Тайшина монарших грамот", делает строжайший выговор членам суда за прием ясака от "самоедских" старшин помимо Тайшина и предписывает "не допускать на будущее время подобного нарушения Высочайшей Воли и прав князя"⁶⁵. В 1856 году очередной тобольский губернатор в сообщении архиепископу Евлампию подчеркивает, что "светская власть, имея в виду Высочайше дарованные грамоты, не может не руководствоваться

ими в отношении оных лиц [Ивана Тайшина и Семена Атранзиева - А.К.] во всех касающихся их делах"⁶⁶. Это заявление тем более показательно, если учесть напряженные отношения, которые сложились в 30-е-50-е годы между представителями Обдорской духовной миссии и Тайшиными. По словам Иринарха, первая Обдорская миссия столкнулась с "фанатически настроенной партией языческого населения во главе ... с князем Матвеем Тайшиным"⁶⁷. Его сын, Иван, по словам священника Попова, "нередко участвовал в совершении языческих жертв... в чем был обличен..., ныне же... князец, забрав у всех некрещеных остяков главных идолов, хранит их у себя и для жертвоприношения к нему собирается множество даже некрещеных, и будто бы князец сам принимает на себя обязанности шамана"⁶⁸. Данное обстоятельство чрезвычайно любопытно, так как дает представление еще об одном компоненте, лежавшем в основе традиционного авторитета обдорских "князцов". Гражданский губернатор Деспот-Зенович позднее заметит по этому поводу: "князец Иван Тайшин, хоть и считается христианином, но на самом деле закоренелый приверженец шаманства и находит все виды, чтобы поддержать старую веру, доставившую в прежнее время его роду власть и силу между заведываемыми им остяками и самоедами"⁶⁹. Впрочем, в отношениях со светской властью Тайшины проявляли полную лояльность, прекрасно понимая степень своей зависимости от нее. Прибывшему в 1826 г. в Обдорск губернатору Бантыш-Каменскому Матвей Тайшин не преминул заметить, что "воля хана [русского царя - А.К.] для него священна"⁷⁰. Березовский военнокругной начальник отметил, что князь Иван Тайшин принимал "все меры чтобы соблюсти пользу Кабинета"⁷¹. Верховная власть ценила

эти старания, одаривая своих верноподданных вниманием и подарками.

В Обдорской управе, где Тайшины, как и Артанзиевы в Куноватской, "наследственно управляли на правах волостных голов", в 50-е годы XIX века присутствует "один из ближайших к Обдорску старшин по избранию князя"⁷². В составе Куноватской управы упоминается старшина Русьмеленхов⁷³. В 1858 г., вследствие просьбы "остяцкого" и "самоедского" старшин о дозволении присутствовать в Обдорской управе "во все время приема ясака, а не тогда только, когда вносят ясак инородцы ими управляемые", Совет главного управления Западной Сибири признал нужным, чтобы кроме головы "был избираем еще выборный от народа"⁷⁴. Интересно отметить, что один из претендентов на должность выборного - "остяк" Еръ Пайн, по его словам, происходил от князя Мамрука и собирался отыскать утраченное предками княжеское достоинство⁷⁵. Тем не менее, главными соперниками Ивана Тайшина за власть стали "самоедские" старшины.

В 1863 г. "самоедский" старшина Илбада Седлеев рода Карачеев подал прошение на имя Его Императорского Величества с жалобой на притеснения со стороны князя Тайшина и просил разрешить сдавать ясак не князю, а прямо в государственную казну⁷⁶. Ознакомившись на месте с обстоятельствами дела, тобольский губернатор Деспот-Зенович отметил, что "жалоба самоедов на князя Тайшина вызвана сколько действительными поступками его, столько же и давним желанием самоедов иметь своего собственного князя, не подчиненного остяцкому"⁷⁷. "Замечательно,- отмечает губернатор,- что ни один остяк не предъявил жалобы на Тайшина, а между тем, без всякого сомнения, и остяки подвергались не меньшим поборам". Общий итог, к которому

пришел губернатор, проанализировав сложившуюся ситуацию, был неожиданно категоричен: "Подчинение особого по языку... и правам самоедского племени остяцкому князю... представляется политической ошибкой"⁷⁸. Обосновывая необходимость "назначить особого самоедского князя", Деспот-Зенович подчеркивает, что тот не преминул бы принять христианство, так как многие старшины "самоедов" желают креститься (отметим, что Пайгол в 1826 году выступал решительным противником христианизации). "Этим можно было бы воспользоваться, - продолжает губернатор, - в виду расхождения между самоедами христианства и образования", главной преградой на пути которого, по его мнению, было влияние Тайшина и "остяцких" шаманов⁷⁹. Что привело губернатора к таким выводам - позиция деятелей Обдорской миссии или его личные убеждения, не ясно. Главное, что предложение это было принято Советом главного управления. Правда, Совет обосновывал необходимость предлагаемой меры тем, что "подчинение самоедов остяцкому родоначальнику не согласно с постановлением для управления инородцев"⁸⁰. Проводя реорганизацию, местные власти не отказались от модели централизованного управления разрозненными ненецкими ватагами. В то же время, была учтена неэффективность института главного старшины, не обеспеченного достаточным авторитетом. Поэтому "самоедам" предлагалась форма коллегиального самоуправления по типу инородной управы, которая и была организована в 1865 году⁸¹.

Таким образом, царская администрация сделала серьезный шаг, направленный на ликвидацию особых прав Тайшиных, ставших препятствием для царского фиска и политики христианизации на Обском Севере. К концу XIX в. представители этой фамилии окончательно

теряют свое привилегированное положение. Сын Ивана Тайшина - Семен ни разу в документах "князем" не назван, он находился в Обдорской "остяцкой" управе на правах старшины. С 1897 г. управу возглавил Николай Кылимов⁸².

Одним из результатов поездки Деспота-Зеновича в Березовский округ было его предложение учредить особую комиссию для пересмотра всех учреждений об управлении "инородцами" данного округа. Мотивировалось это тем, что прежние узаконения "во многом не полны и не соответствуют современному ходу развития этого края"⁸³. В 1866 году специальная комиссия подготовила "Проект наказа инородческим управлениям Березовского округа", в котором конкретизировались основные положения "Устава об инородцах" применительно к местным условиям. "Проект" закреплял сложившееся в волостях аборигенов единообразное управление через инородные управы под началом голов (это звание не привилось, во второй половине века лица, стоящие во главе управ, чаще именуются старшинами). Родовые старшины должны были "по очереди или по назначению начальства исполнять обязанности выборных", а где таковых старшин не имелось, эти звания замещались по выбору общества⁸⁴. Во всех волостях полагалось заведение письмоводства. При управах и в каждом "более значительных юртах" учреждалась должность десятника. Инородческим головам Обдорской, Куноватской и Кодской волостей назначалось жалование из сумм, собираемых на внутренние волостные повинности⁸⁵. С учетом некоторых особенностей сложившейся в Березовском округе практики сбора податей авторы "Проекта" разработали инструкции по сдаче-приему ясака. Кроме того, определялись по-

рядок и формы делопроизводства, которыми должны были руководствоваться "инородческие писаря".

Помимо прочего в "Проекте наказа" предусматривалось, что в соответствии с его положениями будут управляться "остяки" Сургутского отделения⁸⁶, с учреждением у них инородных управ⁸⁷.

Вопрос об образовании управ у автохтонов Среднего Приобья был вновь поставлен в 1868 году сургутским окружным исправником Браминым⁸⁸ и находился в стадии обсуждения еще более десяти лет. Изучение материалов переписки, которая велась по этому поводу между губернскими и окружными чиновниками, дает достаточно четкое представление о том, какими соображениями руководствовалась местная администрация, создавая инородные управы, не только у "бродячих" Сургутского округа, но и у остальных, отнесенных к этой категории, "инородцев" Тобольской губернии.

Из сообщения Брамина и его преемников, участвовавших в рассмотрении поднятого им вопроса, видно, что порядок управления "бродячих", предусмотренный Уставом (через родовых старост без писарей), сохранял его организацию на устаревшем уровне, когда "...старшины не могут исполнять в должном виде... начальственных распоряжений и относящихся собственно до их управления обязанностей"⁸⁹. Исправников, в связи с этим, не устраивало три основных момента: 1) отсутствие в родовых управлениях документально оформленного учета окладных сборов и ясачных плательщиков; "... старшины не могут представить... правильно причитающегося за их ватаги... сбора..., так же нет расчета в том какие инородцы вносят сполна... и сколько остается обязанными", 2) невозможность составления неграмотными старшинами приговоров по раскладке податей и по другим

нуждам "инородцев", "почему ожидают прибытия к ним исправника или приезжают для этого... со своими старшинами в Сургут... отвлекаясь от промыслов"⁹⁰, 3) отсутствие канала регулярной связи для обмена информацией между родовыми управлениями и окружной полицией. Требование заведения документально оформленного фискально-податного учета в родовых управлениях вполне объяснимо, если учесть, что при хронических недоимках и укрывательстве "ясачных душ" местная администрация, согласно Уставу, имела очень ограниченный набор средств для воздействия на родовых старост. Поэтому закономерным было стремление поставить процесс сбора и раскладки повинностей под контроль чисто бюрократическим средствами - введением писарей, на которых были бы возложены обязанности первичного учета сборов и составление раскладочных приговоров. С введением писарей, к тому же, появлялась возможность передачи на места функций либо несвойственных, либо обременительных для окружного исправника.

Видя наглядный опыт решения этих проблем в соседнем Березовском округе, где уже более двадцати лет существовали "инородческие волостные управления", тобольское губернское правление в своем журнальном определении от 10 января 1873 года отметило, что "на этих же условиях желательно иметь волостные правления в Сургутском округе"⁹¹.

Следует заметить, что расходы на содержание волостных писарей по Сургутскому отделению (округу) предусматривались еще сметами 1865-1868 гг.. Но из-за трудности "приискания грамотных людей", малонаселенности "инородческих" волостей, а главное, в виду значительных затрат на жалование писарям, назначение их во все две-

надцать волостей, по мнению тобольской казенной палаты, "не представлялось необходимым"⁹². Учитывая это обстоятельство, местная администрация решила пойти по пути укрупнения административных единиц. Было разработано два проекта объединения волостей, один - упоминавшимся уже Браминим, второй - окружным исправником Боярским⁹³. Принят был последний, и, по решению губернского правления, приводился в исполнение с начала 1879 года⁹⁴. В соответствии с утвержденным планом 12 "иностранческих" волостей преобразовывались в 5 иностранных управ. Строго говоря, преобразовывалось не двенадцать, а семнадцать (на 1879 г.) волостей (см. Приложение, схема 4). В четырех случаях под одним названием (Ваховской, Лумпокольской, Салтыковой, Подгородно-Юганской) фигурировало несколько самостоятельных территориально-окладных подразделений (ранее мы называли их "под-волостями", "сотнями"), возглавляемых собственными старшинами. Обнаруженные нами в фонде тобольского губернского статистического комитета материалы⁹⁵ позволили уточнить, какие подразделения в состав каких управ вошли.

Вновь образованные управы получали статус "иностранческих" волостных правлений. За прежними волостями сохранились права родовых управлений. Таким образом, у "остяков" Сургутского округа вводилась двухстепенная форма "степного управления". Каждая управа возглавлялась старшиной (звание головы здесь не привилось) с двумя кандидатами при нем. Волостные начальники переизбирались через три года на общем сходе и утверждались губернскими властями⁹⁶. Старшинам и кандидатам выдавались печати установленного образца, которыми скреплялись все исходящие документа управ. Родовые управления в волостях малоллюдных, таких как Салымская и

Селярская Тундринской управы, состояли из одного старосты⁹⁷, в более крупных (например, Юганских) волостях - из старосты и его помощника⁹⁸.

В связи с крайним недостатком грамотных людей сургутское полицейское управление, по согласованию с губернским начальством, разрешило "допустить к исполнению обязанностей писарей сразу в двух управах одним лицом"⁹⁹. Роль, которую играли писари в "инородческих" правлениях иллюстрирует выдержка из приговора хантов Юганской управы: "вся ответственность по делам... и по всем сборам... кроме того и взыскание недоимок за долговой хлеб лежит на писаре"¹⁰⁰. Поэтому нередко, письмоводителям, естественно, не без их инициативы, "инородческие" общества доплачивали сверх положенного жалования дополнительные суммы, достигавшие иногда половины писарского оклада.

Первоначально управы выступали в качестве своеобразных "справочных бюро", куда поступали циркуляры и распоряжения вышестоящих инстанций, доводившиеся писарями до сведения старшин и населения. Фискальная и судебная функции по-прежнему реализовывались родовыми управлениями. В 1884 году по итогам ревизии дел инородных управ сургутский окружной исправник писал, что ни в одной из них "не составляется раскладочных приговоров на сбор ясака и мирских повинностей, которые собираются выбранными большинством сотскими [родовыми старостами - А.К.] без всяких на то указаний"¹⁰¹. В связи с этим предписывалось: сбор повинностей производить не сотским, а волостным начальникам совместно с писарями. Кроме того, исправник "ставил на вид" старшинам и кандидатам, что они "не делают никакого разбирательства по жалобам инородцев"¹⁰². Дан-

ная ситуация свидетельствовала об искусственности новых органов, не вписавшихся в сложившуюся систему самоуправления аборигенов Среднего Приобья.

Процесс реальной передачи управленческих функций с внутриволостного на межволостной уровень происходил постепенно, по мере осознания населением своей общности в рамках новых территориально-административных границ. Важную роль в этом процессе играли общие (мирские) сходы, ставшие основным институтом общественного самоуправления жителей инородных управ. Сход представлял собой общий сбор мужской части населения, состоящей "в окладе ясаком и повинностей". Он собирался, как правило, один раз в год в определенном месяце. Только на этих сходах решались такие вопросы, как выбор волостных начальников, наем писарей, раскладка повинностей¹⁰³, назначение дополнительных сборов по внутренним нуждам, выбор присяжных оценщиков и переводчиков, о постройке церквей и общественных зданий, о приеме в общество новых членов или удалении из него. Решения на сходах принимались двумя третями голосов. Принятые постановления (приговоры) оформлялись в письменном виде, скреплялись печатями старшин и кандидатов, тамгами голосовавших, свидетельствовались в полицейском управлении и отправлялись на утверждение губернского правления¹⁰⁴.

Степень межволостной интеграции, а значит и сфера компетенции общих сходов в разных управах была неодинаковой. Так, например, в Юганской и Локосовской управах выбор родовых старост осуществлялся на сходе управы¹⁰⁵, а в Тундринской - на сходах отдельных волостей¹⁰⁶. Но несмотря на эти различия, волости повсеместно сохраняли статус самоуправляющихся коллективов, выступавших пер-

вичными социальными и фискально-административными единицами по отношению к управам. В общественных приговорах 80-90-х годов списки голосовавших непременно составлялись по родовым управлениям (волостям), а не в общем порядке. Попытки окружной полиции передать в руки старшин инородных управ функции сбора ясака, что, кстати, противоречило § 176 Устава, не имели успеха. В той же Юганской управе и в начале XX в. этот сбор "чинился покурточно" родовыми старостами¹⁰⁷, в связи с чем интересно отметить, что общие сходы управ здесь не приурочивались ко времени сдачи ясака¹⁰⁸, как это было принято, например, в большинстве волостей Березовского округа.

Крайне редко инородные управы Сургутского округа действовали в качестве органа судебной власти. Местные жители предпочитали обращаться для разбирательств в свои родовые управления или напрямую к русским властям. Неоднократно сургутскому полицейскому управлению приходилось отсылать жалобы "инородцев" в их управы, так как эти дела не были рассмотрены в первых двух степенях словесной расправы¹⁰⁹. За 80-90-е годы лишь дважды юганские ханты обращались за разбирательством к начальству своей управы¹¹⁰. Для сравнения отметим, что за этот же период в двух Обдорских управах было рассмотрено 113 дел¹¹¹. Интересно и то обстоятельство, что там суд вершился, нередко, старшинами и даже одним старшиной единолично, старшина же Юганской управы обсуждал дело обязательно при участии нескольких авторитетных лиц и выносил свое решение в соответствии со вкладывающимся общим мнением.

В последние десятилетия XIX века инородные управы аборигенов Тобольской губернии представляли собой постоянно действующие органы управления, имевшие свои резиденции в одном из русских

селений, расположенных на территории "инородческой" волости (управы) или в наиболее крупных юртах, где кроме писаря все время находился сам старшина или один из его кандидатов. Большое место в деятельности управ начинает занимать решение различных хозяйственных вопросов, связанных прежде всего с обеспечением коренного населения "предметами народного продовольствия", и контролем за работой хлебозапасных магазинов. К концу века значительно увеличивается и усложняется делопроизводство. Кроме текущей переписки по различным вопросам, ежегодно в окружные полицейские управления направляются сведения к годовому отчету, содержащие информацию о составе населения, о строениях, пожарах, деятельности хлебозапасных магазинов¹¹². Ежемесячно и по третям года исправникам представлялись ведомости о количестве казенных, мирских, земских и общественных поборов и недоимках разного рода, о ярмарках и оборотах на них, об имущественном состоянии и занятиях коренного населения. В каждой управе были заведены книги на записку общественных приговоров, окладных сборов, решений инородческих судов, расходная и квитанционная книги, реестры входящих и выходящих документов¹¹³ и др.

С переводом в конце столетия "инородцев" Березовского и Сургутского округов (за исключением "самоедов" и обдорских "остяков") в разряд кочевых¹¹⁴ их сословно-административная принадлежность была приведена в соответствие с имеющимся у них составом управления. Этим мероприятием подводился своеобразный итог реализации "Устава об управлении инородцев" у аборигенов Северо-Западной Сибири. Организация их управления, как оказалось, достигла формы

наиболее близкой к предложенной в Уставе модели из тех, что были возможны при специфике местных условий.

Необходимо отметить, что несмотря на все особенности проведения "инородческой" реформы 1822 г. на Западно-Сибирском Севере были соблюдены ее основные принципы: сохранение традиционной основы аборигенного самоуправления, его частичная рационализация при дифференцированном подходе к категориям автохтонного населения с различным уровнем общественно-экономического развития.

В процессе введения Устава у коренных народов севера Тобольской губернии можно выделить три этапа:

1. 1823-1830-е гг. В этот период осуществлено разделение аборигенов на разряды и переобложение их новой ясачной податью. Но принципиальных изменений в системе "инородческого" управления не произошло. Главной причиной этого явилось то, что административная перестройка, в том виде, в каком она предусматривалась Уставом, могла привести к разрушению "ясачных" волостей - основы фискально-административной организации аборигенов Северо-Западной Сибири и значительно усложнить осуществление фискальной политики в данном регионе. Поэтому было закреплено прежнее волостное устройство, на базе которого началось формирование новых институтов автохтонного самоуправления.

2. 1840-е-середина 1860-х гг. На данном этапе идет процесс реорганизации родовых управлений в инородные управы, что было вызвано необходимостью упорядочения организации податного учета на местах и передачи на волостной уровень функций, обременительных для земской полиции. Создание инородных управ у разряда бродячих свидетельствовало о том, что данный институт был более приемлем

для непосредственного взаимодействия с государственным административно-бюрократическим аппаратом, чем родовое управление.

3. 1866-1890-е гг. Период дальнейшей рационализации системы "инородческого" управления. Инородные управы закрепляются в качестве ее основного института. Они превращаются в постоянно действующие органы, приближающиеся по своим функциям к волостным правлениям русских крестьян. У "бродячих" Сургутского округа вводится двухступенное управление. К концу века практически ликвидируется привилегированное положение "князцов" нижеобских хантов. Почетные подарки и "добровольные приношения" для волостных старшин заменяются фиксированным по размеру жалованием.

Выделяются три типа инородных управ, сложившихся в XIX в. у коренного населения указанного региона. Напомним при этом, что инородной управой именовался как орган управления, так и административное объединение, состоящее под началом этого органа.

1 - Управы обских угров Тобольского и Туринского округов. В территориально-административном отношении соответствовали "инородческим" волостям (напомним, что во второй половине 60-х гг. XIX в. некоторые волости были укрупнены за счет присоединения соседних) и не имели в своем составе более мелких административных образований (родовых управлений). Выполняли функции обеих ступеней "действительного степного управления". Возглавлялись выборными старшинами (головами).

2 - Управы, созданные в "инородческих" волостях Обдорского и Кондинского отделений Березовского округа (за исключением Кодской и Обдорской "самоедской"). Во главе этих управ стояли представители "княжеских" династий, передававшие свои должности по наследству. В

составе управ, как административных объединений, находились самоуправляющиеся подразделения (юрты, городки, роды, ватаги). Старшины этих подразделений, хотя и не были официально наделены правами родовых управлений, фактически выполняли функции последних.

3 - Управы, созданные у аборигенов Сургутского округа. Представляли собой территориально-административные объединения нескольких волостей, за главами которых закреплялись права родовых управлений. Выполняли функции второй ступени "степного управления". Возглавлялись выборными старшинами. Этот тип был наиболее близок к модели инородной управы, разработанной авторами Устава. К нему можно отнести также Обдорскую "самоедскую" и Кодскую управы, с той оговоркой, что старшины входящих в состав этих управ хантыйских волостей (сборов) и ненецких ватаг официально не наделались правами родовых управлений.

Все вышесказанное позволяет нам не согласиться с выводом В.Г.Марченко о том, что система Устава не привилась на Обском Севере¹¹⁵. *Другое дело, что реализация положений Устава не превратилась в самоцель. Реформа проводилась поэтапно, с учетом особенностей социально-административной организации коренного населения Западно-Сибирского Севера.*

Мы не можем согласиться и с мнением В.Г.Марченко о том, что якобы не оправдал себя предложенный в Уставе и осуществленный на практике синтез элементов государственного и традиционного управления. *Напротив, как нам представляется, была найдена достаточно гибкая и эффективная (с рядом оговорок) форма взаимодействия государственных управленческих структур с общественной организацией*

аборигенов. Несмотря на свои недостатки, в тех условиях это был наиболее приемлемый вариант, позволивший коренным народам Северо-Западной Сибири занять свою специфическую нишу в общей системе административных и экономических связей Российской империи.

Тем не менее, во второй половине XIX века "инородческий" Устав был подвергнут ревизии, а на рубеже XIX-XX веков предприняты шаги, направленные на ликвидацию сложившейся к этому времени системы управления автохтонным населением Сибири. Чем были вызваны такие перемены в административной политике по отношению к сибирским "инородцам"? Ответу на этот вопрос посвящен следующий раздел настоящей работы.

Раздел 3. АДМИНИСТРАТИВНЫЕ РЕФОРМЫ КОНЦА XIX - НАЧАЛА XX ВЕКОВ

В 40-50 гг. XIX в., когда процесс реализации "Устава об управлении инородцев" практически не был еще завершен, в правительственных кругах начинают раздаваться голоса, ставящие под сомнение правильность и приемлемость основополагающих принципов формирующейся системы управления сибирскими аборигенами.

Подобные настроения усиливаются после неудачных попыток сибирской администрации и правительства законодательно оформить нормы обычного права народов Сибири. Не останавливаясь подробно на этом сюжете¹, отметим, что задачи унификации юридических обычаев разных этнических и этнотерриториальных групп автохтонного населения и приведения их в известное соответствие с нормами общероссийского права оказались трудновыполнимыми. В конце 40-х гг., после многолетних обсуждений проектов сводов "степных законов", рядом высокопоставленных чиновников было высказано мнение о нецелесообразности превращения свода в действующее законодательство. Сторонник этой точки зрения генерал-губернатор Восточной Сибири Н.Н.Муравьев аргументировал свою позицию в частности тем, что "при действии общих законов, к которым инородцы стали более и более обращаться, прежние обычаи и предания слабеют, исчезают и ... что едва ли в скором времени не представится необходимым распространить на них действие законов общих"².

Рассуждения об отмирании обычного права, о том, что оно "являлось пройденным этапом для большинства народов Сибири" (поддержанные, кстати, некоторыми современными исследователя-

ми³), были явным преувеличением. Безусловно, традиционная обычно-правовая культура народов Сибири выглядела во второй половине XIX в. иначе, чем одно-два столетия назад. Она претерпела известную модернизацию, связанную прежде всего с расширяющимися контактами аборигенного и пришлого русского населения. При этом влияние русского правосознания и правопорядка было особенно сильно там, где коренные жители переходили к сельскому хозяйству. Поэтому с обычаями древнейшего времени и нормами обычного права соседствовали государственно-правовые нормы, что отражало переходное состояние юстиции малых народов: от доправовой культуры к государственному суду и праву. Вместе с тем, как отмечает В.А.Зибарев, этот процесс к концу XIX-началу XX в. у аборигенов Сибирского Севера не был завершен. Последняя его фаза выражала скорее тенденцию, чем реальное явление. Судоустройство и судопроизводство этих народов было примитивным. Правовой основой суда оставался обычай⁴.

На наш взгляд, отказ от идеи создания специального судебно-правового кодекса для сибирских аборигенов свидетельствовал прежде всего о том, что в среде глав губернских администраций и некоторых влиятельных правительственных чиновников пересматривается отношение к Сибири как к национальной окраине в пользу ее быстрого превращения в полноценную часть империи. Интересна в этой связи позиция тобольского губернатора В.А.Арцимовича. Отмечая, что Сибирь является важной частью России, для которой необходимо "усиление политического значения русского населения", он ратовал за "коренную" реформу управления аборигенами на русификаторских началах⁵.

Начиная с 40-х гг. все чаще высказываются пожелания об ускорении перевода сибирских "инородцев" из бродячих и кочевых в оседлое состояние. К такому выводу, в частности, пришла комиссия министерства государственных имуществ, проводившая в 1840-1841 гг. ревизию в Сибири⁶. В 1856 г., рассмотрев отчет по управлению Западной Сибирью, Александр II написал: "обратить внимание на бродячих и нельзя ли мало-помалу сделать оседлыми, по крайней мере кочевыми"⁷. В ответ на это замечание западно-сибирский генерал-губернатор доносил, что обращение бродячих в оседлые "встречает препятствия постановленные самой природою", так как в тундрах Березовского и Сургутского округов хлебопашество по суровости климата недоступно, и местное население "получает свое существование от звероловства, рыболовства и содержания оленей"⁸. При этом генерал-губернатор добавил, что "местному начальству удалось некоторых ["инородцев" - А.К.] сделать оседлыми вблизи русских поселений, где почва этому позволяла"⁸.

Учитывая вышесказанное, отметим, что все-таки до второй половины 60-х гг. XIX в. национальная программа царизма в районах Зауралья, сформулированная Вторым Сибирским комитетом, исходила из "неизменности главных оснований Сибирского учреждения 1822 г."⁹. подчеркивая незыблемость прав Кабинета на ясачную ренту с народов Сибири и выражая традиционные пожелания улучшения быта аборигенов и привлечения их к оседлости, правительство не предполагало возможности серьезных реформ в скором будущем¹⁰.

Ситуация значительно изменилась после того, как постановлением Государственного совета от 18 января 1866 г.¹¹ власти заявили о своем намерении распространить основные положения реформы 19

февраля 1861 г. на население Сибири¹². Отныне, как отмечает Л.М.Дамешек, развитие правительственной программы в отношении коренных народов края находилось в неразрывной связи с разработанной крестьянской реформой для Сибири в целом, и стремлении к пересмотру "Устава об управлении инородцев". Активизации работ в данном направлении в Тобольской губернии способствовал ее перевод в 1882 г. на одинаковое положение с губерниями Европейской России.

Вопрос о распространении соответствующих статей Общего положения о крестьянах на оседлых и ведущих оседлый образ жизни кочевых аборигенов обсуждался в центре и на местах практически непрерывно в течение 70-х-90-х гг. XIX в. При этом администрация Тобольской губернии, несмотря на отрицательные результаты осуществленной в 1864-1867 гг., по инициативе губернатора А.Дюгамеля, приписки "инородцев" двух "остяцких" и одной татарской волостей Тобольского округа к волостям русских крестьян, продолжала ожидать "устранения всех крупных недостатков дореформенного управления оседлыми... от причисления последних к русским волостям, управляемым по положению 19 февраля 1861 г."¹³ Дважды, в 1871 г. и 1876 г., в министерства внутренних дел и государственных имуществ с предложениями на этот счет обращались тобольский губернатор А.С.Сологубов и генерал-губернатор Западной Сибири Н.Казнаков, основывавшийся на решениях губернских советов¹⁴. Тобольский губернский совет в своем постановлении 1876 г. отмечал, что "разбросанность селений оседлых инородцев... удаленность от волостных правлений... препятствует успешному сбору податей и административному надзору. Волостные начальники инородческих волостей, как и сами инородцы, беспечны к улучшению своего экономического по-

ложения и уплате следующих с них податей, к тому же волостные начальники не понимают своих обязанностей и потому не в состоянии объяснить требования закона"¹⁵. Предлагая причислить всех "оседло проживающих среди русских селений" аборигенов к русским волостям, губернский совет считал, что в порядке землепользования "инородцев" надо оставить в прежних границах и правах. В отношении общественной службы, кроме волостной, аборигенам предлагалось нести одинаковые обязанности с теми крестьянами волостей, к которым они будут причислены. "Право же быть на должности по волостному управлению" должно было обуславливаться "принадлежностью к православному вероисповеданию"¹⁶.

Члены комитета министров, рассмотрев предложения, представленные Н.Казнаковым, вынесли решение дополнить их новыми сведениями, с учетом которых можно было бы определить значение предлагаемых мер¹⁷.

В 1878 г. генерал-губернатор поручил тобольскому губернатору по специально составленной программе собрать все необходимые сведения о коренных жителях¹⁸. Распоряжение было исполнено, но к рассмотрению собранных сведений местная администрация приступила только через десять лет.

Весной 1889 г. в пяти округах губернии: Тобольском, Туринском, Тюменском, Ялуторовском и Тарском - были образованы специальные комиссии, которым поручалось всесторонне исследовать вопрос о возможности и целесообразности присоединения оседлых аборигенов к русским волостям¹⁹. Свою работу комиссии завершили в 1891 г. При этом положительное заключение было дано только одной - Туринской. Входящие в нее чиновники признали возможным

причисление всех оседлых и кочевых "вогулов" округа к русским волостям, так как эти "инородцы" по образу жизни, вероисповеданию и обычаям "ни чем не отличаются от крестьян и являются в настоящее время вполне обруселыми"²⁰. Интересно отметить, что еще в 1889 г. Табаринским, Гаринским и Пелымским крестьянскими волостными сходами Туринского округа были представлены приговоры с ходатайствами о причислении к ним кочевых и оседлых "вогул" при условии уравнивания крестьян и аборигенов в правах землепользования²¹.

Тобольская комиссия, наоборот, высказалась против проектируемых нововведений, принимая во внимание, что, во-первых, "инородческие" сходы желая присоединиться к русским волостям не выразили, во-вторых, учитывая, что традиции общественной жизни, нравы, обычай и экономическое положение аборигенов не имеют ничего общего "с таковыми же у русских, которые к инородцам относятся враждебно"²². Только Демьянский и Самаровский волостные сходы высказались за присоединение к ним аборигенов, "имея ввиду что инородческие земли пойдут в раздел с русскими и не придется платить за аренду". Распространение Общего положения о крестьянах на коренных жителей Тобольская комиссия также не считала возможным ввиду "крайней неразвитости инородцев"²³.

Аналогичной точки зрения придерживалась комиссия Тарского округа. Тюменская и Ялуторовская комиссии, хотя и высказывались в пользу организации самоуправления аборигенов на основании Общего положения о крестьянах, выступили против объединения русских и "инородцев" в рамках единых административных единиц²⁴.

Однако заключения комиссий не были приняты во внимание губернским советом, члены которого постановили ходатайствовать пе-

ред министром внутренних дел о разрешении причисления оседло проживающих аборигенов к русским волостям и о распространении на них действия закона 1 марта 1883 г.²⁵, введившем в Тобольской и Томской губерниях институт чиновников по крестьянским делам²⁶.

Позиция губернских властей по вопросу распространения положений 19 февраля 1861 г. на оседлое "инородческое" население так же была заранее predetermined. Не дожидаясь завершения работы окружных комиссий, тобольское губернское правление в 1890 г. циркулярным распоряжением попыталось ввести у оседлых порядок волостного и сельского управления, указанного в ст. 87 "Положения о сельском состоянии"²⁷, то есть, присвоенного населению, у которого вводилось действие Общего положения о крестьянах. Однако, вскоре обнаружилась поспешность и непродуманность этого шага.

В 1894 г. губернский совет вынужден был отменить решение губернского правления "как несогласное с законом"²⁸, ибо оно, по мнению совета, основывалось на неправильном толковании ст. 14 и 16 "Положения об инородцах"²⁹. "Оседлые инородцы, - подчеркивается в решении совета, - сравниваются с русскими крестьянами исключительно в правах и обязанностях по сословию, в составе же и обязанностях волостного управления, если они и сравниваются с русским населением, то только с тем, у которого не введено Общее положение о крестьянах, на что указывает прямой смысл ст.1 (прим.2) Особого приложения к закону о состояниях 1890 г. и ст. 70 (прим.) Сибирского Учреждения 1892 г., действие же законодательного акта о введении в Тобольской губернии Общего положения о крестьянах не распространяется на инородческое население, оставив закон об инородцах в полной силе"³⁰.

Отметим, что согласно ст. 70 (прим.) Учреждения Сибирского, определяющей состав и порядок сельского управления там, где не были введены в действие положения 19 февраля 1861 г., волостное правление должно было состоять из волостного головы, волостного старосты и писаря. Образование сельских обществ не предполагалось, но для каждого селения избирались старшины и десятники, подчиненные волостным управам. Сельские старшины составляли волостной сход, имея согласие всех или $2/3$ домохозяев селения, как поступить на сходе по указанному в повестке вопросу. В ведении волостных правлений находился суд в маловажных делах. В порядке судопроизводства они должны были подчиняться окружным судам. Головы и старосты утверждались губернатором, старшины - полицейским управлением³¹.

Из сведений, представленных в 1894 г. окружными исправниками, видно, что в большинстве волостей аборигенов, предполагаемых к соединению с русскими волостями, не только не было введено управление, указанное в ст. 87 "Положения о сельском состоянии", но и правила ст. 70 (прим.) Сибирского Учреждения действовали не в полном объеме. Состав управления в "иностранческих" волостях отличался разнообразием, выбор должностных лиц, по свидетельствам исправников, "производится произвольно, по установившемуся в известной местности обычаю; та или иная обязанность по волостному правлению возлагается на избираемых помимо какого-нибудь законного указания"³². Так, в Тобольском округе у кочевых "остяков" и "вогулов" иностранные управления состояли из головы и старосты, при каждом из которых находилось по два кандидата. Старшины для отдельных селений не избирались. Только с 1892 г., в одной Меньше-Кондинской волости, стали выбираться сборщики податей (десятники)³³. Иностран-

ные управления туринских "вогулов" состояли под наблюдением старшин и помощников. В волостях оседлых этого округа, хотя и были образованы сельские общества (с 1879 г.), но институт сельских старшин долго отсутствовал³⁴.

Тем не менее, тобольский окружной исправник считал, что сложившиеся формы организации "инородческого" самоуправления приемлемы и могут быть сохранены и на будущее время³⁵. При этом имела ввиду прежде всего нецелесообразность замены существующего состава управления на более сложный, предусмотренный Общим положением о крестьянах, согласно статей которого волостное правление должно было состоять из волостного старшины, двух заседателей (помощников), писаря; кроме того, учреждался особый волостной суд в составе 4-12 выборных судей; образовывались сельские общества с избранием сельских старост, сборщиков податей и т.д.³⁶.

И все же необходимость перемен была очевидна. Она диктовалась не только стремлением к скорейшей унификации административной организации русских крестьян и "инородцев", но и рядом существенных социальных, экономических и демографических сдвигов, произошедших у автохтонного населения, проживавшего в районах наиболее активного торгово-промышленного и земледельческого освоения. Проникновение товарно-денежных отношений в систему традиционного хозяйства обских угров способствовало росту экономической самостоятельности отдельных семей в рамках патронимий и территориально-соседских общин - юртов. Это, в свою очередь, вело к постепенному распаду данных объединений. Демографическое давление со стороны русского населения, значительно усилившееся во второй половине XIX в. и сопровождавшееся вытеснением "инородцев",

сокращением их землепользования и обрусением части аборигенов, стимулировало рост не только межюртовых, но и межволостных миграций. Последние, разрушая сложившуюся в волостях социальную, в том числе родственную, микроструктуру, ослабляли преемственность состава волостей³⁷. Пришельцы не сразу включались в новую для них систему внутриволостных связей, "часто держались обособленно в делах общественного управления и отказывались признать власть над собой... местного волостного начальства, избегая обращаться к нему за разбирательством своих споров и тяжб"³⁸, предпочитая суд русских чиновников. Местное волостное начальство, в свою очередь, считало, что переселенцы не подчинены им, а начальство волостей, к которым были приписаны переселившиеся, давно отвыкло считать их своими членами, хотя и приезжало за взысканием податей. Нередко, переселившиеся "отказывались платить окладные сборы и общественные повинности по прежнему обществу и, напротив, платили мирские сборы на новом месте жительства за право пользования землей, которую получили в надел или арендовали земельные участки у отдельных лиц за плату по взаимному соглашению"³⁹.

Таким образом, складывалась ситуация, когда в пределах одной волости "проживали представители разных родов не имеющие экономической связи с прежним местом причисления, кроме платежа новинностей", а "круг ведения инородной управы определялся не территориально, а личным составом проживающих в разных местах ее членов"⁴⁰. По причине разбросанности населения волостные сходы собирались нерегулярно, а если и собирались, то в незаконном составе.

Основываясь на этих фактах, губернские власти пришли к выводу о том, что "ввиду естественного разрушения родового строя" ста-

рые порядки управления и суда перестали удовлетворять практическим потребностям, органы управления, "приуроченные" Уставом М.М.Сперанского к "родовому управлению", утратили всякое значение, кроме обязанностей по сбору податей и повинностей⁴¹.

Комментируя данное заключение, подчеркнем, что подобная аргументация неприемлемости системы Устава, использованная российскими чиновниками конца XIX столетия и перенесенная в область новейшей историографии, не только страдает терминологическими неточностями, но и не вносит достаточной ясности в объяснение причин сложившейся ситуации. Во-первых, как мы уже выяснили, инородные управы обских угров, якобы "приуроченные к родовому подразделению" имели в своей основе территориально-административные объединения - "ясачные" волости, процесс разрушения монолитности которых связан с сегментацией соседских общин, а не кровных родов. Во-вторых, необходимо напомнить, что еще в 1858 г. вышел закон, разрешавший разделение "инородческих родов" (см. ст.62 "Положения об инородцах"), которым определялся порядок перечисления выделившихся "родов" и семей и их устройства на новом месте. При этом заметим, что § 108 самого Устава (ст. 60 "Положения об инородцах") допускал соединение под началом одной управы "стойбищ не бывших прежде в общей зависимости". Таким образом, с точки зрения юридической, имелись все условия для формирования волостей (инородческих управ) по территориальному признаку. Тем не менее и на рубеже XIX-XX вв. приписка "инородцев" продолжала осуществляться "не по месту их постоянного жительства, а по месту причисления предков"⁴². Почему? Ответ на этот вопрос состоит, по видимому, в том, что несмотря на наличие правил о разделении

"родов", сохранялся принцип породовой (а фактически, поволостной) раскладки и сбора ясака, взятый за основу второй ясачной комиссией. Указы 1827 и 1835 гг. точно фиксировали размер ясачной ренты. Проводившиеся ревизии (последняя, десятая, была в 1858-1862 гг.) могли лишь изменить число плательщиков, но не размер обложения⁴³.

В этих условиях уменьшение числа "дельных работников", в частности, из-за их причисления к другому обществу, увеличивало тяжесть податного обложения на оставшихся членах окладного коллектива и вело к неплатежеспособности "инородцев" и, следовательно, росту недоимок по платежам. Поэтому "инородческие" волости (в данном случае волости обских угров Тобольского и Туринского округов) продолжали функционировать прежде всего как формально-окладные подразделения.

Таким образом, проведению административных преобразований на началах общих крестьянских установлений у сибирских аборигенов должен был непременно предшествовать пересмотр форм и принципов их податного обложения.

Рассмотрение вопросов, связанных с податными обязанностями народов Сибири, было одним из предметов специальной комиссии барона Медема, образованной при министерстве государственных имуществ в 1873 г. Комиссия занималась разработкой планов практической реализации в сибирских губерниях положений об административном и поземельном устройстве, изданных для государственных крестьян Европейской России⁴⁴. В отношении бродячих комиссия не предложила ничего нового, признав "возможным оставить их при настоящем порядке"⁴⁵ управления податного обложения. В отношении же кочевых проектировалась замена ясака и других уплачиваемых ими

сборов "оброчной на землю податью". С этой целью предусматривалось проведение землеустройства кочевых и оседлых тем же порядком, что и русских крестьян, то есть с выделением в собственность душевых наделов. Это, в свою очередь, требовало точного определения границ угодий, находившихся во владении аборигенов. Л.М. Дамешек подчеркивает, что именно в разработке проектов поземельной реформы члены комиссии видели свою первейшую задачу, так как считали, что затем удобнее будет судить о мерах, которые должны быть приняты в отношении административного устройства "инородцев"⁴⁶. Комиссия осознавала, что межевые работы потребуют времени и больших затрат. Поэтому она полагала, что землеустройство и связанная с ним податная реформа могут быть осуществлены не ранее чем через 10 лет⁴⁷.

На практике подготовка землеустроительных работ заняла не одно, а несколько десятилетий и отодвинула сроки реализации податной и административной реформ на конец 90-х гг. XIX столетия.

В окончательном виде порядок землеустройства кочевых и оседлых "инородцев" был определен законами 23 мая 1896 г. и 4 июня 1898 г. Предусматривалось, что получив поземельное устройство, кочевые аборигены при выдаче им отводных записей будут перечислены в разряд оседлых⁴⁸. Перевод в разряд оседлых должен был сопровождаться обложением крестьянскими окладами в соответствии с положениями закона 19 января 1898 г. "О замене взимаемых в Сибири подушных сборов государственною поземельною и оброчною податью", и введением общественного крестьянского самоуправления⁴⁹.

Таким образом, механизм уравнивания кочевых и оседлых инородцев с сословием государственных крестьян был выработан. Подат-

ная и административная реформы были поставлены в зависимость от хода землеустройства коренных народов.

Одновременно с изданием законов, определявших изменения в сословном и экономическом положении двух названных категорий "инородческого" населения, правительство решает распространить на управление русскими и аборигенными жителями Сибири институт земских участковых начальников, который был введен в Европейской России в 1889 г. Одним их главных инициаторов этого проекта был иркутский генерал-губернатор А.П.Игнатьев, считавший, что осуществление данной меры будет "самым практическим" шагом на пути полного подчинения аборигенов русскому законодательству, а в конечном итоге и обрусению. Предложение А.П.Игнатьева было поддержано императором Александром III; министрам внутренних дел и государственных имуществ было поручено разработать соответствующий законопроект с учетом местных особенностей, работа над которым началась в 1892 г., а 2 июня 1898 г. царем было утверждено "Временное положение о крестьянских начальниках"⁵⁰.

Действие "Временного положения..." не распространялось на всю Сибирь. Его введение не предполагалось в тех районах, в которых из-за отдаленности и малочисленности населения, преимущественно "инородческого", не вводилось общественное крестьянское управление образца 1861 г. В Тобольской губернии к таким районам были отнесены Березовский и Сургутский уезды⁵¹.

Круг деятельности крестьянских начальников был достаточно широк. Прежде всего им поручался "надзор за всеми установлениями крестьянского и инородческого управления". В отношении коренного населения крестьянским начальникам принадлежало: "1) исполнение

лежащих на полиции, согласно Положению об инородцах, обязанностей по общему наблюдению за инородческим управлением и попечению о нуждах инородцев; 2) разрешение в качестве третьей степени словесной расправы судебных дел инородцев, подведомственных их родовым управлениям" (ст.35). По смыслу второго пункта, как позднее было разъяснено министром внутренних дел, крестьянские начальники могли выступать в качестве словесной расправы третьей степени лишь в отношении аборигенов, имеющих свой сословный инородческий суд, т.е. в отношении кочевых и бродячих. Оседлые на решение своих волостных расправ должны были апеллировать к окружному суду, а позднее - к уездному съезду крестьянских начальников⁵².

Таким образом, крестьянским начальникам предоставлялись те административные права, которыми раньше в отношении аборигенов обладали чиновники земской полиции. Причем эти права были несколько расширены. В компетенцию начальников передавалось: утверждение повестки дня волостных сходов и рассмотрение принятых сходами постановлений (ст.16). На крестьянских начальников возлагался разбор споров, превышающих подсудность волостных судов на сумму не свыше 2 тысяч рублей: 1) по найму на сельхозработы; 2) по отдаче в наем земли (ст.36). Неисполнение распоряжений крестьянского начальника могло повлечь за собой штраф не более 15 рублей или арест не свыше трех дней (ст.40).

Крестьянские начальники наделялись административными правами в отношении должностных лиц всех категорий волостного и сельского управления, вплоть до отстранения от должности и вхождения в уездный съезд крестьянских начальников с предложением о

"совершенном увольнении должностных лиц от службы или предания их суду" (ст.42).

В каждом уезде учреждался уездный съезд крестьянских начальников под председательством одного из этих начальников, назначаемого в Тобольской губернии министром внутренних дел (ст. 55, 57). Съезд подчинялся губернскому управлению. Он выступал как вторая апелляционная инстанция для рассмотрения приговоров, вынесенных крестьянскими начальниками. С 1903 г. на съезды было возложено рассмотрение жалоб на решение волостных расправ⁵³.

Итак, административные преобразования 1898 г. были, с одной стороны, шагом, направленным на унификацию управления сибирских "инородцев" с русским крестьянским населением, с другой - мероприятием, призванным усилить административно-полицейскую опеку над народами края. Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что, несмотря на то, что закон о крестьянских начальниках санкционировал более широкое, чем раньше вмешательство во внутреннее самоуправление аборигенов, он не отменял основ "Положения об инородцах". В своем журнальном определении от 1 февраля 1903 г. тобольское губернское управление отмечало: "Закон от 2 июня 1898 коснулся инородцев только в смысле переложения обязанностей по наблюдению за их управлением и судом с полиции на крестьянских начальников. но самые управление и суд... остались те же какими были в 1822 г., с незначительными изменениями, введенными позднейшими законами"⁵⁴.

К числу последних относились "Временные правила о применении судебных уставов к губерниям и областям Сибири" 13 мая 1896 г. В соответствии с ними от полицейских управлений были отняты след-

ственные и судебные функции, и в порядке судопроизводства инородные управы стали подчиняться окружным судам⁵⁵. Исковые дела кочевых и бродячих аборигенов начинались в окружных судах "не прежде как по неудовольствию на решения во всех степенях словесной расправы", причем в решении исковых дел "инородцев" эти суды должны были "основываться на степных законах и обычаях"⁵⁶. Кроме того, законом 13 мая 1896 г. в Сибири вводился институт мировых судей. Их ведению передавались иски "инородцев подлежащие ведомству их собственных сословных судов" в случае, "если на представление иска разбору мирового судьи последует взаимное между истцом и ответчиком соглашение"⁵⁷.

Положения 13 мая 1896 г. и 2 июня 1898 г. значительно усложнили структуру судебно-административной надстройки над "инородческим" самоуправлением. Процесс перераспределения функций между существовавшими и вновь созданными органами, которые в ряде случаев дублировали и подменяли друг друга, осложнялся неточностями и противоречиями, содержащимися в самом законодательстве. Так, у аборигенов, не подведомственных крестьянскому управлению, споры по пользованию землею не подлежали ведению крестьянских начальников и оставались в обязанностях окружных (уездных) исправников⁵⁸, хотя с преобразованием судебных учреждений в Сибири, как уже отмечалось, полицейские чины лишались права судебного разбирательства. Такой порядок по замечанию тобольского губернского управления "не был согласен с общим направлением законодательства"⁵⁹. Недомолвка правил 13 мая 1896 г. относительно того, обязаны ли преобразованные окружные суды рассматривать жалобы оседлых "инородцев" на решение их волостных

расправ, и такая же недомолвка ст. 35 закона о крестьянских начальниках привели к тому, что судебные дела оседлых "очутились в невозможном положении"⁶⁰. В последнем случае понадобилась специальная переписка губернатора с министром внутренних дел для выяснения смысла и порядка применения этих статей⁶¹.

В процессе реализации "Временного положения" правительство окончательно пришло к мысли о необходимости реорганизации не только местного управления народами Сибири, но и их самоуправления. Документом, отразившим правительственные взгляды по данному вопросу, явились "Правила об управлении инородцами в местностях, на которые распространяется действие временного положения о крестьянских начальниках", составленные делопроизводителем земского отдела МВД И.И.Крафтом⁶². В "Записке...", которая была предпослана "Правилам...", ее автор попытался дать исторический очерк организации управления народами Сибири и обосновать основные принципы предстоящей административной реформы⁶³. Не останавливаясь подробно на характеристике этого документа, отметим, что при всей критике И.И.Крафтом системы 1822 г. радикальность его собственного проекта была весьма относительна. Фактически им предлагалась некая переходная модель, соединившая в себе правила "Положения об инородцах" и нормы существующего законодательства об управлении государственных крестьян. Новации касались прежде всего форм и способов реализации управленческих функций - проведение принципа разделения административной и судебной власти, четкая регламентация состава и прав органов коллективного самоуправления (сходов, съездов), усиление опеки со стороны земских чиновников (в лице крестьянских начальников). Вместе с тем, автор

"Правил..." не мог не учесть специфики социального и хозяйственного уклада кочевых, что выразилось уже в самом факте сохранения поразрядной системы, предложенной М.М.Сперанским. Отказавшись от устаревшей терминологии Устава 1822 г., заменив "инородную управу" "волестью", а "родовое управление" - "группой улусов", И.И.Крафт оставляет в качестве первичной социально-экономической единицы традиционную общину - "улус", члены которой связаны общностью землепользования "по существующим в каждой области обыкновениям".

"Правила.." И.И.Крафта не получили силу закона, тем не менее они представляют интерес как документ, отразивший противоречивость правительственной позиции конца XIX в. по вопросу об управлении сибирскими аборигенами, в которой стремление к унификации административного устройства "инородческого" и крестьянского населения сталкивалось с пониманием невозможности немедленной реализации этой задачи.

С активизацией хода аграрных преобразований в Сибири вопрос о ликвидации особенностей поземельного, податного и административного устройства "инородцев", проживающих в зоне интенсивного земледельческого освоения, встал довольно остро. Наиболее серьезным препятствием на пути этого процесса было сохранение поразрядной системы. Согласно ст.4 и 26 "Положения об инородцах" перевод из кочевых в оседлые мог осуществляться только во время очередной ревизии (переписи). Но с прекращением общих переписей сложилась ситуация, "когда при отсутствии власти, могущей осуществить такое перечисление и при существовании ограничительного закона - трудно рассчитывать, что сами инородцы когда-либо добровольно изъявят

желание на подобное перечисление"⁶⁴, так как такой переход должен был сопровождаться ростом податного обложения.

В 1896 г. иркутским генерал-губернатором был поднят вопрос об отмене действия указанных статей⁶⁵. Тобольское губернское управление после долгих обсуждений в сентябре 1898 г. признало эту меру целесообразной, хотя и не нашло возможным ныне же перечислить в следующий разряд кочевых "инородцев" Тобольского и Туринского уездов, которые несмотря на то, что "подходят под тип оседлых...", еще не успели обосновать свой хозяйственный быт"⁶⁶.

Как уже говорилось, законом от 4 июня 1898 г. перевод в разряд оседлых был поставлен в зависимость от процесса землеустройства кочевых племен. Однако темпы землеустроительных работ были крайне низкими. Так, например, в Тобольском уезде к 1903 г. из 14 "инородческих" волостей "в известность съемкою на планы" было приведено только две, и девять - отчасти. В Туринском уезде из 11 волостей землеустройство затронуло лишь две⁶⁷.

До определенного момента центральные власти смотрели сквозь пальцы на сложившуюся ситуацию. Но форсирование переселенческого движения (оно значительно активизировалось после революции 1905-1907 гг.) вызвало необходимость ускоренного образования колонизационного земельного фонда, что, в свою очередь, требовало скорейшего завершения землеустройства русского и "инородческого" населения Сибири и распространения на последнее общих порядков крестьянского управления. Данные обстоятельства и решительная позиция министра внутренних дел П.А.Столыпина, ставшего к тому времени председателем Совета министров, позволили сдвинуть с

мертвой точки процесс реформирования самоуправления сибирских "инородцев".

В январе 1909 г. П.А.Столыпин предписал сибирским губернаторам незамедлительно переводить на положение оседлых всех аборигенов, получивших земельные наделы, по законам 23 мая 1896 и 31 мая 1899 гг. Сроки выдачи отводных записей теперь во внимание не принимались. По настоянию министерства внутренних дел при перечислении кочевых в оседлые становилось необязательным и такое условие, как занятие хлебопашеством⁶⁸.

В мае 1909 г. П.А.Столыпин, обращая внимание тобольского губернатора Д.Ф.Гагмана на то, что многие "инородцы" губернии, проживающие оседло и занимающиеся земледелием, продолжают числиться в разряде кочевых и управляются по правилам, установленным для этого разряда, указал, что отсутствие ревизий не освобождает администрацию от обязанностей переводить аборигенов в более высший разряд. "Перечисление возможно в любой момент", - подчеркнул премьер-министр⁶⁹.

Вскоре земский отдел МВД затребовал от губернского присутствия отчет о мерах по перечислению кочевников в категорию оседлых. На этом основании в ноябре 1909 г. тобольское губернское присутствие предписало крестьянским начальникам представить соответствующие предложения к 1 февраля следующего года⁷⁰. Но такой темп работ уже не устраивал П.А.Столыпина. В циркулярном письме от 9 декабря 1909 г. на имя тобольского губернатора он напомнил, что "требуется принять скорейшие меры к введению у оседлых инородцев общественного управления и суда по Общему положению о крестьянах и переводу кочевых в оседлые"⁷¹. При этом П.А.Столыпин не согла-

шался с планируемыми сроками проведения административной реформы. По его мнению, в тех волостях оседлых, "кои не нуждаются в переформировании", следовало ныне же ввести действие Общего положения о крестьянах. Признавая, что больше времени на это понадобится в тех волостях, где потребуются предварительная реорганизация сельских обществ, премьер-министр подчеркнул, что и ее "можно сделать без специальных исследований, опираясь на уже имеющиеся материалы у уездных исправников"⁷².

Получив прямое указание П.А.Столыпина на немедленное проведение соответствующих преобразований, губернская администрация, тем не менее, закончила рассмотрение проектов реорганизации общественного управления оседлых и кочевых "инородцев" даже позднее, чем планировала - лишь в сентябре 1910 г.⁷³

Инструктируя уездных исправников и крестьянских начальников по вопросу проектирования нового административного устройства оседлых и кочевых аборигенов, на управление которыми предполагалось распространить действие положений 19 февраля 1861 г., общее присутствие тобольского губернского управления заметило, что у этих "инородцев" сложилось "в настоящее время" два типа волостей. К первому относились волости "образованные из смежных селений". В них "волостные сходы избираются в составе установленном Общим положением о крестьянах, раскладка повинностей производится не волостными управами, а сходами и при том не по числу рабочих душ, а по основаниям избираемым самим сходом; состав волостных управ пополняется волостными заседателями, которые исполняют обязанности волостных судей..., при чем волостные управы принимают к своему рассмотрению все дела в пределах подсудности установленных Общим

положением о крестьянах для волостных судов. В некоторых волостях образованы сельские общества"⁷⁴. Введение в таких волостях Общего положения о крестьянах, по мнению губернского управления, не должно было вызвать особых затруднений. Ко второму типу относились волости, образованные не из смежных селений, в которые были "сведены инородцы, связанные общностью происхождения и живущие в разных местах..., в пределах чужих волостей. Какого-либо сельского управления в таких волостях обычно не существует, а деятельность волостных управ, вернее, волостного головы и писаря, заключается только в хранении и сдаче казенных денег и выдаче видов на жительство. Все общественные дела, кроме выборов в должности по волостному правлению, решаются инородцами... на их частных собраниях..."⁷⁵. Введению в этих волостях общих крестьянских установлений должно было предшествовать переформирование их по территориям с причислением "инородцев" к волостям по месту их жительства, а не приписки, а также образование сельских обществ из одного или нескольких смежных селений. Такое переформирование должно было производиться без желания аборигенов. Однако при образовании волостей и сельских обществ, как подчеркивалось в определении губернского присутствия, "необходимо иметь ввиду существующий антагонизм между отдельными племенами"⁷⁶. В этом случае рекомендовалось образовывать в пределах одного или нескольких селений два сельских общества. "Что касается соединения разноплеменных инородцев в одну волость, то таковое не должно иметь препятствий, так как волостное общество составляется для совместного административного, а не хозяйственного управления, что составляет принадлежность сельского общества"⁷⁷. По этим же соображениям допускалось включение

"инородческих" сельских обществ в русские волости, если они "находятся в пределах одной из таковых, и нельзя избежать такового соединения". Для избежания включения "инородческих" сельских обществ в русские волости разрешалось "или образование инородческой волости из селений, расположенных смежно в пределах русских волостей, или, в исключительных случаях, соединение в одну волость инородческих селений, расположенных чересполосно, если чересполосица.. не вызовет затруднений в правильном действии общественного управления обеих волостей и не увеличит тягот повинностей". Образование сельских обществ должно было быть поставлено в зависимость от землепользования входящих в их состав "инородцев", так как по силе ст. 40 Общего положения о крестьянах "необходимо чтобы селения, входящие в состав одного общества, пользовались всеми угодьями, или некоторыми из них сообща, или имели другие общие хозяйственные выгоды"⁷⁸.

Первоначальные проекты реформирования "инородческих" волостей составлялись крестьянскими начальниками каждым по своему участку, затем они обсуждались на уездном съезде крестьянских начальников и передавались на рассмотрение общего присутствия Тобольского губернского управления, где окончательно утверждались или возвращались на доработку.

Предложения, представленные крестьянскими начальниками Туринского уезда, были рассмотрены в течение лета 1910 г. и утверждены постановлениями губернского управления от 18 июня и 27 августа⁷⁹.

Интересно отметить, что крестьянские начальники высказались против объединения вновь образуемых "инородческих" сельских об-

ществ и волостей с русскими обществами в рамках одних административных единиц. Несмотря на это, в отношении оседлых "вогул" двух Табаринских, Куртумовской и Кошукской волостей губернское управление не нашло оснований для обособления "инородцев" от русского населения. Из семи волостей кочевых "вогул", также разделенных на сельские общества, пять были оставлены в прежнем составе, а Сосьвинская и Тахтанская объединены в одну Тахтанскую "инородческую" волость⁸⁰.

Постановлением губернского управления от 10 сентября 1910 г. были утверждены проекты, представленные крестьянскими начальниками Тобольского уезда. В соответствии с ним упразднились Назымская и Нарымская "остяцкие" волости. Их население объединялось в несколько самостоятельных сельских обществ, которые присоединялись к ближайшим русским волостям. Разделялись на сельские общества, но не расформировывались Кондинская и Меньше-Кондинская волости, как состоящие из смежных селений и "имеющие определенную территорию". Темлячевское и Верхне-Демьянское сельские "инородческие" общества были оставлены в составе Самаровской и Демьянской волостей русских поселян, к которым были причислены ранее на особых условиях⁸¹.

Утвержденные проекты принимались к исполнению с 1 января 1911 г. С этого срока во всех "инородческих" волостях и сельских обществах Тобольского и Туринского уездов, вводилось управление и суд по правилам Общего положения о крестьянах; числящиеся в разряде кочевых переводились в оседлые, уплачиваемый ими ясачный сбор исключался из окладных книг, а уездным съездам крестьянских начальников предписывалось исчислить для этих "инородцев" оклады

государственной оброчной подати "по соразмерности" с окладами соседних крестьянских обществ⁸².

Новые оклады, "проектированные" податными инспекторами и рассмотренные уездными съездами крестьянских начальников, были утверждены летом 1911 г. Оклады оброчной подати по признанию самих податных инспекторов очень сильно превышали размеры платившегося "инородцами" ясака, так как в большинстве случаев они исчислялись с 25-50 % повышением против бывших окладов ясачного сбора. Вместе с тем, отмечалось, что и такие увеличенные оклады, по сравнению с суммами оброчной подати крестьян соседних волостей, "являются несравнимо меньшими" и "соразмерны с экономическим положением инородцев"⁸³.

Если переобложение и формальный перевод кочевых аборигенов Тобольского и Туринского уездов в оседлые не потребовали, в общем-то, значительного времени, то реформирование волостей затянулось на несколько лет и не было закончено даже к 1914 г. Данная ситуация объяснялась прежде всего медленным ходом землеустроительных работ, обусловленным "невыясненностью прав инородцев на землю", а так же тем, что землеустройство сопровождалось изъятием части угодий, находившихся в пользовании аборигенов. Образующийся земельный фонд использовался как средство борьбы с малоземельем крестьян тех волостей, к которым причислялись "инородческие" общества. Естественно, что это вызывало недовольство и протесты со стороны коренного населения и не способствовало ускоренному проведению межевания.

Таким образом, опережающие, по отношению к землеустройству, темпы административной реформы обрекали ее на половинчатость и незавершенность.

В отличие от коренного населения Тобольского и Туринского уездов автохтоны Березовского и Сургутского уездов вплоть до 1917 г. продолжали управляться в соответствии с правилами "Положения об инородцах". Но вопрос о реорганизации управления ставился и для них. Так, в декабре 1902 г., рассмотрев мнения березовского и сургутского исправников относительно изменения порядка управления "инородцами" губернии, общее присутствие тобольского губернского управления постановило "считать необходимым введение в указанных уездах действия "Временного положения о крестьянских начальниках" ... и распространения на кочевых остяков и вогулов Общего положения о крестьянах"⁸⁴. Те "инородцы", которые не могли быть признаны оседлыми, а именно, "самоседы" и "остяки" Обдорского и часть "остяков" севера Сургутского уезда, по мнению общего присутствия, могли быть подчинены правилам об управлении "самоедов" Архангельской губернии. Одним из инициаторов этих предложений выступил тобольский губернатор Лаппа-Старженецкий. Позиция, занятая губернатором, во многом определила содержание итогового заключения, принятого губернским присутствием, хотя сделанные в нем выводы разделялись не всеми членами губернской администрации.

Управляющий государственными имуществами Фролов-Багрев, указывая на бедственное положение коренных жителей, отмечал, что введение у них Общего положения о крестьянах, для "усвоения" которых аборигены не обладают достаточным уровнем развития, "поколеблет весь уклад их жизни". Обосновывая преждевременность и

неподготовленность этой меры, статский советник подчеркнул, что "быт инородцев... не изучен и отличен от быта русских крестьян... землепользование не определено и права инородцев на земли не выяснены"⁸⁵.

Позиция губернатора была подвергнута резкой критике неприменным членом губернского правления по крестьянским делам коллежским советником Рождественским. Отмечая низкую платежеспособность коренного населения, он считал, что расходы на содержание одинаковых с крестьянами органов общественного управления будут непосильны для аборигенов. Саму идею распространения Общего положения о крестьянах на кочевых и бродячих "инородцев" Рождественский назвал "несерьезною мыслью", которую не находил даже нужным опровергнуть, отослав "лиц интересующихся этим" к работам Ядринцева и Якобия. В знак своего несогласия с принятым решением, Рождественский отказался от подписи журнала губернского присутствия⁸⁶.

Подробные возражения на предложения сторонников реформы сложившегося на севере губернии порядка "инородческого" самоуправления были представлены советником губернского присутствия Павлиновым. Особую авторитетность суждениям этого чиновника придает то обстоятельство, что в свое время он служил в должности обдорского отдельного заседателя и был хорошо знаком как с практикой местного управления "инородцами", так и с особенностями "общественного быта" аборигенов. Общее положение о крестьянах, подчеркивал Павлинов, совершенно не учитывает специфику кочевого образа жизни "остяков, вогулог и самоедов", при котором "будет невозможно назначить сроки для волостных и сельских сходов и вести

предусмотренное новым порядком судопроизводство"⁸⁷. Незачем опережать развитие народов, которые "недалеко ушли в своем прогрессе с 1822 года", считал Павлинов. Основное достоинство существующей формы управления, на его взгляд, заключалось в том, что она "проста и не сложна". И пусть уж лучше "инородцы" остаются с такой "устаревшей формою", "нежели производить с ними опыт распространения.. совершенно чуждого для них по духу... закона 19 февраля 1861 г."⁸⁸ - резюмирует Павлинов.

По мнению Л.М.Дамешека, вывод к которому пришел советник губернского присутствия, был неприемлем в своей основе. Исследователь сравнивает его с проектами "секретных" комитетов времен Николая I, неоднократно рассматривавших крестьянский вопрос, но так и не предложивших ничего нового и конструктивного⁸⁹. Можно согласиться, что предложения Павлинова в какой-то мере были консервативны. Но вот степень их неприемлемости, на наш взгляд, Л.М.Дамешек преувеличена. Необходимо учесть, что речь шла, прежде всего, о кочевых и бродячих аборигенах северных районов Тобольской губернии, а не обо всем ее "инородческом" населении.

Павлинов признавал, что небольшая группа "остяков" и "вогулов" Тобольского и Туринского уездов "усвоила русскую культуру более своих северных соплеменников"⁹⁰, имея ввиду, что восприятие русских традиций в хозяйственной деятельности (земледелие и скотоводство) и быту ("живут в хороших избах"), переход к полуоседлой и оседлой жизни, рост смешанных браков⁹¹ ("чаще женятся на русских"), способствовавшие утрате этно-культурной специфики и ослаблению силы обычного права "инородцев", делало эту часть автохтонного на-

селения наиболее подготовленной к введению управления и суда на общих с крестьянами основаниях.

Иная ситуация наблюдалась в Березовском и Сургутском уездах. Здесь ясачное население большинства волостей, в первую очередь тех, которые территориально соответствовали бассейнам обских притоков, сохраняло высокую степень этносоциальной монолитности. Волости по Оби, хотя и представляли собой гетерогенные в этническом отношении общности, но доля русского населения в них составляла очень незначительный процент (от 4% до 8,5%)⁹². Браки с русскими были явлением весьма редким⁹³. В процессах этнической миксации участвовали, главным образом, представители аборигенных этносов, при этом их взаимная аккультурация в социальной и экономической сферах происходила на базе стадильно равных форм общественных и производственных отношений.

Несмотря на то, что большая часть "остяков" и "вогулов" Обско-го Севера была крещена ("самоеды", в массе своей, оставались некрещеными) и в некоторых "инородческих" волостях имелись церкви, фактически, коренное население не было приобщено к христианству. Аборигены оставались "приверженцами идолопоклоннической веры". Повсеместно сохранялись традиционные культы зооморфных и антропоморфных духов-предков и духов-покровителей, о чем имеются многочисленные свидетельства в работах исследователей XIX-начала XX вв. (М.А.Кастрен, К.Д.Носилов, А.А.Дунин-Горкавич, М.Б.Шатилов и др.). Показательно, что церковнослужителям неоднократно приходилось обращаться в инородческие управы, дабы волостное начальство "принудило инородцев к исполнению христианского долга"⁹⁴.

Отмечая формальный характер христианизации, Павлинов подчеркивает, что присяга на кресте, которую приносили лица избираемые в должности по волостному "инородческому" управлению, "ничего не значит" для присягающих в отличие от традиционной присяги на лапе медведя, которая почитается у "инородцев" священной⁹⁵. Клятва-присяга, в своей традиционной форме, являлась также важным элементом суда аборигенов. В случае невозможности доказать вину подозреваемого он должен был присягнуть на невинность, после чего считался оправданным⁹⁶.

Вообще, судопроизводство, являвшееся органической частью системы "инородческого" управления у аборигенов Обского Севера, как и сама эта система в целом, сохраняло архаичные, патриархальные черты. Отправление судебных функций не было полностью узурпировано "туземной администрацией". Правовой основой деятельности органов самоуправления оставался обычай. Важная роль принадлежала наиболее опытным, старшим по возрасту мужчинам. В большинстве случаев утвердился суд общих собраний (сходок); население избегало единоличного разбирательства родовых старост и "инородческих" старшин. При этом можно отметить некоторые локальные отличия и особенности. У "инородцев" Березовского уезда юрточные, родовые и ватажные старшины к началу XX в., по-видимому, окончательно утратили право судебных разбирательств и их функции ограничились сбором ясака, учетом "сородичей", получением и раздачей "предметов народного продовольствия"⁹⁷. Исковые дела рассматривались в инородных управах, причем, как уже отмечалось, разбирательства могли производиться единолично "инородческим" старшиной. Но, как правило, практиковался коллегиальный суд состоящих при управах стар-

шин и кандидатов во время общих сходов "инородцев". У "самоедов", кроме того, по свидетельству Б.М.Жидкова, существовал суд посредников - "выборных судей", которые "разбирали столкновения между своими соплеменниками только в период ярмарки в Обдорске"⁹⁸.

Несколько иная ситуация наблюдалась в судопроизводственной практике аборигенного населения Сургутского уезда. Здесь основная масса дел рассматривалась в родовых управлениях родовыми старостами в согласии с обществом. М.Б.Шатилов, характеризуя "родовых управителей-сотников" ваховских хантов, отмечает, что "власть их чужда совершенно формальных моментов... сохранила в значительной мере патриархальный характер. Сотник не администратор в общепринятом смысле слова, он народный судья... "старшина" - "мыр-ох" - глава народа... Сотник совместно с собранием "ике" - стариков (самостоятельных охотников) решает некоторые хозяйственные дела, а так же рассматривает судебные дела по мелким преступлениям и гражданским тяжбам"⁹⁹. Обязательная сила судебных решений собрания "ике", отмечает М.Б.Шатилов, "заключается в особенностях всего уклада жизни остяка, в его психологии, сознании непреложности приговора, воли народного собрания".

Интересно отметить, что в начале XX в. "родовой суд" при Юганской управе составляли не старшина и его кандидаты, а старшина и старосты подведомственных управе родовых управлений (волостей)¹⁰⁰. Такой состав "инородческой" расправы был более авторитетен, и, вероятно, существовал в других управах Сургутского уезда. В постановлениях "родовых судов" указывалось, что дела обсуждались при общем собрании "инородцев" (у юганских "остяков" такие сходы на рубеже XIX-XX вв. были два раза в году: мае-июне и де-

кабре-январе). Правда, общие сходы управ к концу первого десятилетия XX века представляли собой уже не сбор всех домохозяев, а съезд "выборных представителей от юрт района управы"¹⁰¹.

Любопытна характеристика, которую дал Сургутский исправник существующему порядку судопроизводства у хантов подведомственного ему уезда, иллюстрирующая разницу в правосознании аборигенов и человека воспитанного в условиях государственно-правовой системы: "...возникающие претензии... рассматриваются сходами, ...где конечно не может быть и речи о правильном и беспристрастном решении дел, так как в этом случае право всегда отстается за теми, кто пользуется по своему положению в обществе наибольшим влиянием"¹⁰².

Если суд родовых старост и в конце XIX-начале XX веков всецело находился во власти обычного права, то в судебной практике инородных управ наблюдается применение общегосударственных юридических норм. Так, например, в отношении "инородца" Юганской управы Семена Кучвачева, нанесшего "тяжкие оскорбления священнику", в качестве меры пресечения были применены ст.496 и 498 "Устава о благоустройстве в казенных селениях". Свое решение волостное начальство объяснило тем, что, во-первых, "для инородцев такого подробного и разностороннего сельского судебного устава, каков издан для крестьян... не имеется"; во-вторых, что Кучвачев был уже ранее наказан за аналогичный проступок, но это не возымело действия¹⁰³. В постановлении управы указывалось, что это не первый случай, когда "по необходимости приходится применять... судебный устав изданный для крестьян"¹⁰⁴.

Необходимо отметить, что ввиду неграмотности "инородческих" старшин, порядок применения общегосударственного законодательства лежал фактически на ответственности писарей. В своем предписании инородным управам от 19 мая 1902 г. сургутское полицейское управление указывало, что по вине писарей допускается неправильность в определении меры наказания в приговорах "инородческого" суда, руководствовавшегося статьями "Устава о благоустройстве в казенных селениях"; писари "как видно не только не ознакамливают лиц, составляющих инородческий суд, ...с надлежащими узаконениями и распоряжениями начальства, но сами небрежно относятся к тем распоряжениям"¹⁰⁵.

Все же, в судопроизводственной практике инородных управ Обского Севера применение судебных крестьянских установлений было не правилом, а скорее прецедентом¹⁰⁶. Это отличало ее от таковой же в большинстве волостей Тобольского и Туринского уездов, где, по замечанию М.А.Кастрена, сделанному еще в середине XIX в., "инородцы следуют русскому судебному порядку"¹⁰⁷. Здесь, где аборигены постепенно переходили к производящим формам хозяйства, где интенсивность контактов "инородцев" и русских была намного выше (в ряде волостей), чем в районах Нижнего и Среднего Приобья, где во второй половине XIX века автохтонам активно навязываются общие с государственными крестьянами судебно-административные порядки, престиж обычного права падал, а область его применения сокращалась, охватывая главным образом сферу семейно-брачных отношений. Коренное население вынуждено было следовать новым юридическим нормам и формам, необходимым для регулирования взаимоотношений, возникающих в результате внешних связей.

Аборигены Северного Приобья так же были объектом действия двух противоречащих друг другу систем права - государственного и обычного, и их судебной-правовой комплекс тоже был подвержен деформации и модернизации, но в значительно меньшей степени, чем у обских угров Тобольского и Туринского уездов. Развитию этих процессов препятствовало, с одной стороны, ограничение вмешательства местной полиции в сферу компетенции традиционного суда, определенное Уставом 1822 г., не нарушенное позднейшими узаконениями и соблюдаемое, насколько можно судить по сохранившимся документам, на практике; с другой - то, что обычно-правовая культура этой части автохтонного населения Северо-Западной Сибири продолжала оставаться культурой народов, ведущих промысловое и промыслово-оленоводческое, т.е. преимущественно присваивающее хозяйство, и регулировала прежде всего сферу распределения и потребления, а не сферу производства и обмена¹⁰⁸. Юридическим обычаям¹⁰⁹ этой, по сути, доправовой стадии, в большей мере, чем обычному праву вообще, присущи такие черты, как приоритет коллективного интереса над интересом индивидуума, примирительная направленность, призванная главным образом к поддержанию согласия в отношениях между членами коллектива, а не к охране прав субъекта как таковых. Отсюда - архаичность форм, многообразие специфических черт, отражающих быт мелких и мельчайших сообществ людей. Известны случаи, когда суд инородной управы отказывался судить человека, совершившего преступление на подведомственной ей территории в виду того, что у той административной группы населения, к которой принадлежал обвиняемый, были другие обычаи¹¹⁰.

Безусловно, существенное влияние на весь социально-экономический уклада аборигенов Северного Приобья оказывал процесс проникновения в их среду товарно-денежных отношений. Конкретным выражением действия этого процесса были: окончательная коммутация ясака (к 1910 г. 95% вносимого "инородцами" Тобольской губернии ясака собиралось деньгами¹¹¹) и развитие среди части коренных жителей, включенных в сферу русского рыбной промышленности предпринимательства, товарного рыболовства. Тем не менее, сущность или, если так можно выразиться, формационная принадлежность отношений, складывавшихся в материально-практической деятельности автохтонов, кардинальным образом не изменялась. Лишь в некоторых случаях (например, в рамках хозяйственных объединений тундровых ненцев - парм) производственные связи приобретали характер отношений эксплуатации¹¹². У обско-угорского и ненецкого населения продолжали существовать как индивидуально-семейная, так и "родовая" собственность на угодья. Распространенная в литературе оценка коллективной и семейной собственности как стадияльно различных форм производственных отношений в данном случае неприемлема. Все формы отношений по производству (от индивидуальной до "родовой") составляли органичное целое. К примеру, в приобских районах, в наибольшей степени затронутых процессом товаризации хозяйства, существовали формы коллективного (юртового) владения угодьями, тогда как у глубиннотаежных групп, расселенных в "медвежьих углах", напротив, преобладала семейная собственность на хозяйственную территорию¹¹³.

Специфика традиционных отраслей хозяйства (например, таких, как крупнотабунное оленеводство) и то обстоятельство, что абориге-

ны, как правило, в течении годового хозяйственного цикла переходили от одного вида хозяйственной деятельности к другому, сочетая оленеводство, охоту, рыболовство и собирательство, требовали постоянных или посезонных перекочевков. Поэтому подавляющая масса сургутских и березовских "инородцев" продолжала вести кочевой и бродячий образ жизни и, по признаниям уездных исправников, была "еще очень далека от перехода к оседлости"¹¹⁴.

Тем не менее, оба исправника высказались за перевод кочевых "остяков" и "вогулов" в разряд оседлых, и, более того, считали, что эти аборигены могут быть присоединены к соседним русским волостям, "с тем, чтобы русские крестьяне были наделены землей и рыболовными угодьями из инородческих владений"¹¹⁵. Именно в этом, на наш взгляд, и состояла главная цель предполагаемых административных преобразований у коренного населения Северного Приобья. Все рассуждения о том, что якобы устаревшие формы управления кочевыми, установленные в 1822 г., "не соответствуют современным бытовым условиям и уровню развития гражданственности среди инородцев"¹¹⁶, были в данном случае, не более чем данью установившейся в чиновничьих кругах моде на критику Устава М.М.Сперанского. Надуманность этих аргументов становится особенно очевидной, когда мы знакомимся со следующими строками из доклада сургутского исправника общему губернскому присутствию: "При введении общего положения о крестьянах полное упразднение родов [родовых управлений - А.К.] и образование сельских обществ не вызовет замешательство и споры о землепользовании, почему упразднение родов должно выразиться лишь в переименовании их в сельские общества по возможности без территориальных изменений"¹¹⁷.

Таким образом, предлагалась формальная замена названий: родовых управлений на сельские общества, инородных управ на волости, без какой-либо структурной перестройки. Заявления исправника о том, что "предоставленные родам угодья должны поступить в пользование тех обществ, селения которых составляют ныне роды или волости"¹¹⁸, и что при этом, якобы, сохранялся статус-кво в землепользовании "инородцев", были полуправдой. Было ясно, что в случае перевода в оседлые "инородцы" должны были получить фиксированные душевые наделы по закону 23 мая 1896 г. Кроме того, они вынуждены были бы "поделиться" с соседними русскими поселянами, объединению аборигенов с которыми, в рамках одних административных единиц, исправник не видел препятствий. То есть, на деле произошло бы не только ограничение землепользования "инородцев" (если в данный момент его порядок регулировался нормами обычного права, то с переводом в оседлые стал бы определяться государством), но и его сокращение.

Вопрос о землепользовании имел еще один, очень важный аспект. Наибольший интерес для русских промышленников представляли рыболовные угодья, владельцами которых были "инородческие" общества. Продажа угодий запрещалась, поэтому купцам и крестьянам приходилось арендовать рыболовные "пески". С середины XIX в. государство поставило под свой контроль процесс оформления арендных контрактов, так как зачастую контракты (заключавшиеся частным порядком через инородные управы) составлялись на невыгодных для аборигенов условиях, нередки были и случаи закладки и незаконной продажи "песков"¹¹⁹. С ростом товарности рыбопромысла аборигены все чаще отказывают в аренде и сами используют угодья, обменивая рыбу на товары и необходимые для уплаты ясака деньги.

Тем не менее, масштабы рыбопромысла на арендованных "песках" достигали значительных размеров. Уже в середине XIX в. березовскими хантами было отдано в "кортому" (аренду) 150 участков на сумму 6050 рублей, а арендаторы получили с них рыбы на сумму 99500 рублей¹²⁰. Причем зачастую арендодатели нанимались в работники к арендаторам, которые занимались выполнением организаторских и торгово-снабженческих функций. В этих условиях "вотчинниками" становились, по сути, русские предприниматели, а "инородцы", попадая в зависимость от арендаторов, "делались как бы крепостными людьми"¹²¹. В данной ситуации раздел рыболовных угодий, на которые в первую очередь претендовали бы русские поселенцы двух северных уездов, в случае присоединения их волостей к волостям "инородцев", мог привести к полному разорению той части автохтонного населения, экономическую основу жизнедеятельности которого составляло рыболовство.

На установление фактического подчинения "инородческого" большинства русскому меньшинству были направлены предложения исправников относительно состава волостного управления. В волостях со смешанным населением за русскими должны были оставаться должность помощника волостного старшины (при неграмотности "инородческих" старшин помощник сосредоточил бы всю власть в своих руках) и половина мест в волостном суде¹²².

Вышесказанное позволяет нам признать правомерность вывода статского советника Павлинова о том, что в случае распространения на автохтонов Северного Приобья Общего положения о крестьянах "...инородцы не только не получают самоуправления на началах закона 19 февраля 1861 г., но даже утратят и последнюю долю своей само-

стоятельности, ...будут поработаны русскими экономически и духовно"¹²³.

Введение "общего для русских и аборигенов административного управления" считал преждевременным мероприятием и такой известный знаток Обского Севера, как А.А.Дунип-Горкавич. Реализацию этой идеи он признавал возможной "только в виде исключения на территории где инородцы более обрусели"¹²⁴. При этом главным вопросом, как считал исследователь, был вопрос о землепользовании: выяснение и определение прав инородцев на землю, изучение условий экономического быта населения и приведение в известность всех занимаемых им угодий должно было лечь в основу дальнейших преобразований административного и экономического строя в этом крае.

Итак, на рубеже XIX-XX вв. царское правительство осуществило ряд преобразований в сфере поземельного, податного и административного устройства автохтонных народов Сибири. Комплекс этих мероприятий представлял собой наиболее крупную, со времен М.М.Сперанского, реформу, предпринятую в отношении сибирских аборигенов. Действие реформы было направлено на упразднение организации "инородческого" управления, построенной на принципах Устава 1822 г., на полное подчинение аборигенов общегосударственным законам и приравнение их к сословию государственных крестьян с введением соответствующей системы податного обложения и землепользования, а также сельского крестьянского управления.

Пересмотр сложившейся системы управления автохтонным населением вызывался целым рядом причин субъективного и объективного порядка, основными из которых были следующие:

1. Стремление царских властей ускорить распространение на всю территорию Сибири, в полном объеме, общероссийского административного и судебного законодательства. Естественно, что данный процесс был направлен, в первую очередь, на упразднение особой организации управления коренными народами, которая во-многом и обуславливала сохранявшуюся до конца XIX столетия специфику административных порядков в сибирских губерниях.

2. Проведение столыпинской аграрной реформы и связанная с этим переселенческая политика, требовавшая формирования колониационного земельного фонда и, следовательно, ускоренного проведения землеустройства старожильского и коренного населения на востоке страны. Особенно остро этот вопрос стоял в Западной Сибири, в частности, в Tobольской губернии, где по причине большого притока переселенцев довольно быстро обнаружился земельный дефицит.

3. Существенные сдвиги, произошедшие в социально-экономическом укладе коренных народов, которые были обусловлены проникновением российского капитализма и распространением товарно-денежных отношений в автохтонной среде, а так же инокультурным влиянием со стороны русского населения. Структурная и качественная перестройка традиционного хозяйства аборигенов сопровождалась, в ряде случаев, их активной аккультурацией и ассимиляцией (обрусением), в результате чего часть "инородческого" населения (имеются ввиду группа южных манси и часть иртышских хантов) утрачивала существенные черты этносоциальной и этнокультурной самобытности. Активизация миграционных процессов и рост эконо-

мической самостоятельности отдельных семей вели к разрушению традиционной общинной и волостной социальной микроструктуры.

В этих условиях обнаруживается кризис сложившихся форм и принципов податного обложения "инородцев", недостаточность обычно-правовых норм для реализации органами аборигенного самоуправления своих судебнорегулирующих функций, неэффективность деятельности институтов волостного управления автохтонов. При этом необходимо учитывать, что степень выраженности данных процессов и явлений существенно отличались у различных групп коренного населения.

В своем стремлении к скорейшей унификации управления "инородцами" и русскими крестьянами сторонники этой идеи, как правило, преувеличивали степень готовности аборигенов к восприятию общероссийских административно-управленческих и судебных порядков. Тогда как, за небольшим исключением, общественно-экономическое развитие народов Северо-Западной Сибири не создало к концу XIX-началу XX вв. той базы, которая бы сделала возможным естественный переход основной части коренных жителей этого края к государственным формам управления и суда, существовавшим в этот период у русского крестьянского населения.

Территориально-общинные и территориально-волостные связи автохтонов не утратили своего традиционного характера, базируясь на различных формах коллективного владения угодьями и коллективной ответственности за сдачу податей. Отношения родства и свойства, хотя и не определяли сущности социальной организации обских угров (у ненцев переход от кровнородственных отношений к территориально-соседским не был завершен), продолжали оказывать

влияние на формирование межобщинных и межволостных контактов. Основой регулирования всех социальных и экономико-производственных отношений было обычное право. В абсолютном большинстве случаев территория *"инородческих"* волостей была заселена преимущественно или почти исключительно аборигенными жителями. В условиях усиления демографического давления со стороны русских переселенцев актуализируется значение *этих образований как особых самоуправляющихся административно-экономических территорий с режимом приоритетного проживания и природопользования коренного населения, сохраняющего специфические особенности в социальной, хозяйственной, языковой и культурно-бытовых сферах.* Этнотерриториальная и этносоциальная монолитность волостей была значительно разрушена только у части обских угров Тобольского и Туринского уездов, вследствие ассимиляции со стороны русских и интенсивных межволостных миграций. Тем не менее, и здесь, преобразования, потребовавшие принудительно-административных мер, к концу рассматриваемого периода находились в незавершенном состоянии. На большую же часть аборигенного населения региона реформы конца 1890-х и 1911 гг. не были распространены. У автохтонов Березовского и Сургутского уездов, остававшихся в разряде кочевых и бродячих (см. Табл. 2), то есть не приравненных в административном и податном отношении к русскому крестьянскому сословию, сохранялась старая, образца 1822 г., система институтов *"инородческого"* управления (см. Приложение, схемы 4, 5). *Последние, при формальном сходстве в выполняемых функциях с органами крестьянского самоуправления, имели существенное отличие, выразившееся в той специфической роли, кото-*

**Распределение коренного населения севера
Тобольской губернии по сословно-административным разрядам после
реформы 1910-1911 годов***

Уезд	Этническая принадлежность	Сословно-административный разряд	Количество душ обоого пола**	В % к общему количеству
<u>Тобольский</u>	манси(вогулы)	оседлые	1265	
	ханты (остяки)	оседлые	2234	
<u>Туринский</u>	манси	оседлые	4053	
Итого оседлых			7552	26
<u>Сургутский</u>	ханты	кочевые	5999	
<u>Березовский</u>	манси	кочевые	2303	
	ханты	кочевые	8721	
Итого кочевых			17023	57,6
	ненцы (самоеды)	бродячие	4461	
Итого бродячих			4461	16,4
Итого бродячих и кочевых			21484	74
Итого всех			29036	100

* Составлено по: РГИА. Ф.1291. Оп.84. Д.15. Ч.2. Л.74-108.

** Дано по состоянию на 1901 год.

рую они играли как промежуточное звено, осуществлявшее адаптированное взаимодействие общественной организации автохтонов с государственно-административной системой; тогда как органы крестьянского волостного и сельского управления являлись естественным элементом общегосударственной системы, полностью находившиеся в сфере ее административно-правового влияния. Первичное звено управления аборигенами Обского Севера не было окончательно унифицировано и сохраняло локально варьирующие черты этнического своеобразия, которые определялись спецификой отдельных территориальных групп коренного населения.

Таким образом, можно констатировать, что в результате административных преобразований конца XIX-начала XX вв. организация "инородческого" управления, сформировавшаяся на территории Северо-Западной Сибири в предыдущий период, не была окончательно упразднена. В несколько трансформированном виде она продолжала существовать у аборигенов Северного Приобья и в первые полтора десятилетия XX в. Основные принципы "Устава об управлении инородцев", а так же предложенные в нем административно-управленческие формы, в том виде, в каком они сложились у коренных народов региона, в целом, показали свою приемлемость и жизнеспособность на данном этапе исторического развития этих народов в составе Российского государства.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Специфика организации местного управления коренными народами Сибирского Севера определялась двумя основными факторами. Первый состоял в своеобразии колониального положения Сибири: несмотря на то, что в территориально-политическом отношении этот регион к XVIII в. представлял собой органическую часть Российской империи, его интеграция в общегосударственную административную систему не была завершена. Этот процесс, длившийся еще два столетия, шел по линии постепенной замены особого порядка управления сибирских губерний и приближения его к таковому же в центральных районах России. Второй фактор заключался в существовании значительной разницы между уровнем формационного развития северо-сибирских народов и государства-метрополии, в связи с чем встала задача поиска таких форм взаимодействия, которые бы, с одной стороны, адекватно воспринимались аборигенным социумом и, в то же время, позволяли включить его в систему социальных, экономических и административных связей развитого государства.

Установив в начальный период освоения Сибири (конец XVI-XVII вв.) даннические отношения с коренным населением, русские власти заимствовали введенную здесь татарскими завоевателями организацию сбора ясака, использовали в своих интересах исторически сложившиеся социальную и потестарную аборигенные структуры. Но уже с XVII в., на основе традиционных объединений автохтонов, начинается формирование новых фискально-административных единиц. С начала XVIII в. дань-ясак постепенно трансформируется в феодальную ренту. Инструкция 1728 г. впервые определяет права и обя-

занности "туземного управления" народов Сибири, а позднее намечается отход от методов прямого колониального управления на практике.

Таким образом, уже с рубежа XVII-XVIII вв. идет активный процесс соподчинения стадияльно различных социально-экономических и соответствующих им властно-управленческих систем. В результате этого синтеза складывается *качественно новая система низового управления и социально-административного устройства аборигенов, интегрировавшая государственные и традиционные методы и формы.* Определяя ее как систему косвенного управления, подчеркнем принципиальное отличие последней от формы косвенного управления, существовавшей в предшествующий (конец XVI-XVII вв.) период и возникшей в условиях военно-политической, а не административно-правовой зависимости северосибирских народов от Русского государства.

Рассматриваемая система исследовалась как целостное социальное образование, внутренние свойства которого характеризуются системно-компонентным, системно-структурным, системно-функциональным и системно-интегративным аспектами.

Важнейшими структурными единицами рассматриваемой системы являлись, во-первых, особые институты управления (старшины, "князцы", родовые управления, инородные управы, общественные сходы); во-вторых, специфические социально-административные объединения ("ясачные" волости и роды, ватаги, юрты), в рамках которых указанные органы управления реализовывали свои функции. Причем, качественные их характеристики не могли быть сведены к качествам первоначальных компонентов двух "материнских" систем (традиционной и государственной), в процессе взаимодействия которых эти ин-

ституты формировались. При образовании новой системы исходные составляющие претерпевали заметные изменения, нередко теряя некоторые прежние свойства и, напротив, актуализируя менее значимые ранее качества и приобретая новые. Так, например, с введением нового административного устройства сходят на нет социальные функции племенных "княжеств" обских угров: превратившись в этнографические и территориальные группировки, эти объединения составили основу ясачных волостей. Одновременно с этим "князцы" теряли статус военачальников, а главной их доблестью становились сбор и сдача ясака. По мере того, как вся полнота первичных фискально-административных и судебных функций переходила в руки "князцов"-старшин, ликвидировался институт ясачных сборщиков, и т.д.

В процессе развития вновь созданной системы не только изменялись свойства исходных компонентов, но также образовывались и новые части, которые до ее возникновения отсутствовали и не могли возникнуть в рамках какой-либо из первоначальных систем. Наиболее показательным примером в этом отношении могут служить инородные управы и родовые управления.

Учитывая, что сами формы власти и управления - производные от механизма централизации социально-экономических отношений, автор считает, что в рассматриваемой им системе определяющую, *системообразующую роль* играли: опосредуемая через властно-управленческие связи специфическая форма отношений по производству - обобщественная собственность на пушнину в виде ясака (в его натуральной или денежной форме), складывавшаяся в рамках социально-административных объединений автохтонов (родов, ватаг, волостей) и, органически связанные с ней, феодално-рентные отношения.

Именно они определяли содержание основных функций соответствующих институтов управления и порядок иерархической подчиненности последних. Вместе с тем, на форму и содержание феодально-рентных отношений оказывали влияние территориально-волостные, территориально-общинные и внутриобщинные связи, характер которых определялся традиционными социально-экономическими и социально-бытовыми отношениями, в том числе отношениями родства и свойства. Фискальный фактор являлся главным, но не единственным интегрирующим моментом административно-волостной организации. Качественную специфику управленческим связям рассматриваемой системы придавала юридическо-правовая база, на основе которой они реализовывались. Если внутри системы эти связи строились в соответствии с нормами обычного права, то в отношениях с государством - в соответствии со специальным законодательством.

Понимая под функцией способ проявления системой своих наиболее существенных качеств во взаимодействии с другими объектами системного порядка, автор выделяет две основные функции рассматриваемой системы:

1. **Коммуникативную**, которой обеспечивался процесс адаптированного взаимодействия общественной организации коренного населения и государства.

2. **Фискальную**, которой обеспечивались сбор и поступление податей (в первую очередь, ясачной), в уплате которых выражалось особое сословно-податное положение "инородцев", их зависимость от собственника земли, совладельцами которой выступали Кабинет и государственная казна.

В процессе исторической эволюции системы косвенного управления у аборигенов Северо-Западной Сибири можно выделить три периода:

I. XVIII в.-20-е гг. XIX в. - н а ч а л ь н ы й п е р и о д, когда формируется структурно-компонентная основа системы, складываются институты, реализующие ее стержневые функции. Прежде всего это социально-административные объединения (волости, административные роды, ватаги), - связующие звенья между аборигенной социальной и хозяйственной микросистемами, с одной стороны, и российской административной и экономической макросистемами - с другой, а так же стоявшие во главе этих объединений "князцы" и старшины - лица, обладавшие реальным авторитетом в автохтонной среде и наделенные первичными фискально-административными и судебными функциями.

Внутри этого периода можно выделить два этапа:

1 - переходный, охватывает первые шесть десятилетий XVIII в. Характеризуется существованием институтов и методов прямого колониального управления и при попытках официального наделения "иноверческих" начальников административной и судебной властью;

2 - датируется 60-ми гг. XVIII в.-20-ми гг. XIX в. Знаменуется окончательной отменой прямого колониального управления и уничтожением даннических отношений. В результате деятельности первой ясачной комиссии (1763-1769 гг.) происходит унификация форм и принципов ясачного обложения. Ясачные волости оформляются в достаточно устойчивые административно-территориальные единицы, у населения которых складывается коллективная ответственность за сбор и сдачу повинностей. Признаются де-юре и расши-

ряются административные и судебные полномочия "князцов" и старшин, в их руки передаются функции сбора ясака.

II. 20-е-конец 90-х гг. XIX в. - период дальнейшей интеграции традиционного и государственного начал. Важнейшие изменения связаны с реализацией "Устава" 1822 г. Процесс рационализации "инородческого" управления вступает в качественно новую фазу: за счет организации делопроизводства расширяются коммуникативные возможности системы; слой "аборигенной администрации" окончательно вычленяется из потестарной структуры; предпринимается попытка создания для автохтонов синтезированного судебного законодательства; возникают новые социально-административные и управленческие институты, с появлением которых усложняется структурно-компонентный состав системы и она приобретает свой наиболее завершенный вид. При известной степени унификации, данная система продолжает сохранять локальное своеобразие у различных этнотерриториальных групп коренного населения региона.

III. Конец 90-х гг. XIX в.-1917 г. - период частичной отмены косвенного управления, которая была осуществлена у разряда оседлых и некоторой части кочевых аборигенов Тобольской губернии в результате проведения серии административных и экономических реформ в течение 1898-1911 гг. Реформы, направленные на унификацию управления русским крестьянским и "инородческим" населением, коснулись тех районов (Тобольский и Туринский уезды), где процесс распространения общероссийских административных и судебных порядков, а так же интенсивное земледельческое и торгово-промышленное освоение вошли в наиболее острое противо-

речие с особенностями управления, податного обложения и землепользования аборигенов. К тому же, значительная часть проживавших тут "инородцев" утрачивала свою этнокультурную специфику, испытывав сильное влияние со стороны пришлого русского населения.

Вместе с тем, на обширной территории Нижнего и Среднего Приобья коренное население сохраняло важнейшие черты традиционного хозяйственного уклада и традиционной культуры, свою этносоциальную специфику и этнотерриториальную монолитность, продолжало уплачивать ясак. В этих условиях оставались актуальными коммуникативная и фискальная функции системы косвенного управления, продолжали действовать ее основные институты, сохраняя тем самым и саму систему, окончательная ликвидация которой была осуществлена здесь только в первые годы Советской власти.

В заключение необходимо подчеркнуть, что автор настоящей работы не абсолютизирует предложенную им схему, но считает, что она позволяет во многом по-новому взглянуть на процесс создания и развития колониально-административной системы у коренных народов Западно-Сибирского Севера. В принципе, такой подход, сориентированный на выявление региональной и локальной специфики, может быть применен к изучению аналогичных административных структур, существовавших в рассматриваемый период, в других национальных районах к востоку от Урала. Это поможет воссоздать общую (а не обобщенную), во всем ее разнообразии, картину организации управления аборигенами Сибири.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Структура низового административного управления у хантов, манси и ненцев
Тобольской губернии в XIX - начале XX вв.

1800 - 1822 гг.

Схема 1*

Тобольский уезд Ниžний земский суд Земский исправник		Турунский уезд Ниžний земский суд Земский исправник		Табаринское комиссарство Частный земский комиссар
Денисковское комиссарство Частный земский комиссар	Усениновское комиссарство Частный земский комиссар	Пельмское комиссарство Частный земский комиссар	Табаринское комиссарство Частный земский комиссар	
ВОЛОСТИ		ВОЛОСТИ		
ханты	манси	манси		
Меньше- Кондинская старшина	Больше- Кондинская старшина	Верхне- Кондинская старшина	Больше- Кондинская старшина	Ниже- Табаринская старшина
Тарханская старшина	Кондинская старшина	Вагильская старшина	Листвиничья старшина	Верхне- Табаринская старшина
Темлячевская старшина	Леушинская старшина	Ворыньская старшина	Сосьвинская старшина	Кошукская старшина
Туртасская старшина	Ландинская старшина	Верхне-Пельмская старшина	Тахтанская сотник	
Нарымская старшина				
Верхне-Демянская старшина				
Назымская старшина				

Березовский уезд Н. жний земский суд Земский исправник			
Сургутское комиссарство (с 1804 г.) Частный земский комиссар	ВОЛОСТИ ханты	Мало- Юганская сотник	Обдорское комиссарство Частный земский комиссар
Ланская Подгородная сотник	Сосвинская князец	Дяпинская ^{xxx} князец	ВОЛОСТИ ^{xx} ханты
Больше-Юганская сотник	Подгородная князец	Казымская князец	Обдорская князь
Салтыкова по р.Обь сотник	Подгорная князец	РОДЫ ненцев:	РОДЫ ненцев:
Салтева по р.Вах сотник	Колесные городки сборы:	Айвасада Кюрцы Ракли Ванцын Логачи Недевятковой станции	Каменной стороны
Селиарская сотник	Троицкий Сухорукловский Малоатлымский Большееатлымский Шеркальский Чемашевский	Карачи Ану-Карачи Ванюты Язынги Яптыков Муртуков 19 старшин	Низовой стороны
Аганская сотник	Салымская сотник	Карачи Тазу-Карачи Айваседы Яур Аседа Солли Сигунеев Нярачи Адер 10 старшин	
Пирчина сотник	Пимская сотник		
	Ваховская сотник		

^xСоставлено по: ТФ ГАТО. Ф.154. Оп.8. Д.347. Л.21-59, 179об-196, 466об-502; Д.357. Л.1-94об, 129-246; Д.404; Д.1029. Л.1об.; Миненко Н.А Северо-Западная Сибирь в XVIII-первой половине XIX вв. - Новосибирск, 1975. С.217-219

^{xx}В материалах VII ревизии данные о старшинах отдельных ненецких родов, городков и сборов обских угров указанных волостей не приведены.

^{xxx}К этим волостям так же были приписаны ненцы, но роды и старшины их в материалах VII ревизии не указаны.

Тобольский округ Земский суд Исправник		Туринский округ Земский суд Исправник	
Денщиковское отделение Отдельный заседатель		Пельмское отделение Отдельный заседатель	
ВОЛОСТИ			
ханты		манси	
разряда кочевых		разряда кочевых	
<u>М.чье-</u> <u>Кондинская</u> родовое управление старшина	<u>Верхне-Демьянская</u> родовое управление старшина	<u>Больше-</u> <u>Кондинская</u> родовое управление старшина	<u>Верхне-</u> <u>Табаринская</u> родовое управление староста
<u>Тарханская</u> родовое управление старшина	<u>Назымская</u> родовое управление старшина	<u>Кондинская</u> родовое управление старшина	<u>Нижне-</u> <u>Табаринская</u> родовое управление староста
<u>Темлячевская</u> родовое управление старшина	<u>Нарымская</u> родовое управление старшина	<u>Леушинская</u> родовое управление старшина	<u>Кожуцкая</u> родовое управление староста
<u>Туртасская</u> родовое управление старшина		<u>Ландинская</u> родовое управление старшина	манси разряда оседлых <u>Куртумовская</u> волост. правление
			<u>Ворынская</u> родовое управление староста
			<u>Вагильская</u> родовое управление староста
			<u>Сосьвинская</u> родовое управление староста
			<u>Тахтанская</u> родовое управление староста
			<u>Верхне-</u> <u>Кондинская</u> родовое управление староста
			<u>Больше-</u> <u>Кондинская</u> родовое управление староста

Сургутское отделение Отдельный заседатель		Березовский округ Земский суд Исправник		Кондинское отделение Отдельный заседатель	
ВОЛОСТИ					
ханты		манси		ханты	
разряда бродячих (с 1826 г.)		бродячих (с 1826 г.)		бродячих (с 1826 г.)	
Юганская- Подгородная родовое управление 2 старшины	Мало- Юганская родовое управление старшина	Тром- Юганская родовое управление 2 старшины	Сосьвинская родовое управление староста-"князец" юрточный старшина	Подгородная родовое управление староста-"князец" юрточный старшина	Кодские городки родовое управление староста сборы: Троицкий Сухорукровский Малоатлымский Большаеатлымский Шеркальский Чемашевский Нагакарский
Больше-Юганская родовое управление 2 старшины	Салтыкова родовое управление 2 старшины	Аганская родовое управление старшина	Дяпинская родовое управление староста-"князец" юрточный старшина	Казымская родовое управление староста-"князец" юрточный старшина	
Сальмская родовое управление старшина	Селирская родовое управление старшина	Ваховская родовое управление 3 старшины	2 родовых ненец- ких старшины	3 родовых ненец- ких старшины	
Шимская родовое управление старшина	Пирчина родовое управление старшина	Думпокольская родовое управление 3 старшины			

Березовский округ Обдорское отделение Отдельный заседатель		ВОЛОСТИ	
Обдорская		Куноватская	
ханты разряда бродячих (с 1826 г.)	ненцы разряда бродячих	ханты разряда бродячих (с 1826 г.)	
Родовое управление староста-князь	Главный старшина	Родовое управление староста-князь	
ГОРОДКИ:			
городки:		городки:	
Обдорский 5 старшин	Полуйский старшина	Каменной стороны	Низовой стороны
Войкарский старшина	Надымский старшина	Карачен 7 старшин	Карачен 7 старшин
Войтважский старшина	Шурьшкарский старшина	Ану-Карачен 3 старшины	Адер 2 старшины
Ерважский старшина	Вылпослинский старшина	Ванюты 4 старшины	Яур старшина
		Яптыков 2 старшины	Сигунесв ?
		Муртюков 2 старшины	Аседы ?
		ненцы разряда бродячих старшина	

*Составлено по: ГАОО. Ф.3. Оп.1. Д.850. Л.52-53, 271-272об.; Д.851. Л.1, 506-6, 10, 67-74, 85-86, 99-155;
Д.967. Л.1, 406, 6-151; Д.1052. Л.906-139.

Тобольский округ Земский суд Исправник		Туринский округ Земский суд Исправник	
Деницковское отделение (участок) Отдельный (участковый) заседатель		Пельмское отделение (участок) Отдельный (участковый) заседатель	
ВОЛОСТИ			
ханты		манси	
разряда кочевых		разряда оседлых	
<u>Меньше- Кондинская</u> инородная управа голова	<u>Верхне- Демьянская</u> инородная управа голова	<u>Верхне- Табаринская</u> инородная управа старшина	<u>Больше- Кондинская</u> инородная управа голова
<u>Тарханская</u> инородная управа голова	<u>Нарымская</u> инородная управа голова	<u>Нижне- Табаринская</u> инородная управа ?	<u>Верхне- Пельмская</u> инородная управа голова
<u>Темлячевская</u> инородная управа голова	<u>Назымская</u> инородная управа старшина	<u>Кошукская</u> инородная управа старшина, сотник	<u>Вагильская</u> инородная управа голова
<u>Тургаская</u> инородная управа староста	<u>Ландинская</u> инородная управа ?	<u>Куртумовская</u> инородная управа старшина	<u>Усть-Кондинское</u> инородное управление голова
ВОЛОСТИ			
		<u>Ворынская</u>	<u>Листвиничная</u>

Березовский округ
Земский суд
Исправник

Сургутское отделение(участок) Отдельный (участковый) заседатель		Кондинское отделение (участок) Отдельный (участковый) заседатель	
ВОЛОСТИ		ВОЛОСТИ	
ханты разряда бродячих		манси разряда бродячих	ханты разряда бродячих
<u>Юганская-Подгородная</u> родовое управление старшина	<u>Мало-Юганская</u> родовое управление старшина	<u>Тром-Юганская</u> родовое управление 2 старшины	<u>Подгородная</u> инородная управа голова-"князец"
<u>Больше-Юганская</u> родовое управление 3 старшины	<u>Салдынская</u> родовое управление староста(старшина)	<u>Аганская</u> родовое управление старшина	<u>Дяпинская</u> инородная управа голова-"князец" старшина ненцев
<u>Пирчина</u> родовое управление староста (старшина)	<u>Ваховская</u> родовое управление 3 старшины	<u>Салтыкова</u> родовое управление староста, старшина	<u>Казымская ВОЛОСТЬ</u> ханты инородная управа голова-"князец"
<u>Пимская</u> родовое управление старшина	<u>Селянская</u> родовое управление старшина	<u>Думпокольская</u> родовое управление 3 старшины	<u>ВАТАГИ</u> ненцев разряда бродячих
		Канина старшина Нянзина старшина Либина старшина	Изюрюмина старшина Пандина старшина Лебинская старшина
			Кодская инородная управа голова сборы: Троицкий Сухоруковский Малоатлымский Большацтыльский Низямский Щеркальский Чемашевский Карымкарский

Березовский округ Обдорское отделение (участок) Отдельный (участковый) заседатель		
ВОЛОСТИ		
<u>Обдорская.</u> инородная управа голова-князь, 2 старшины		<u>Куноватская.</u> инородная управа голова-князь, старшина
ханты разряда бродячих	ненцы разряда бродячих	ханты разряда бродячих
<u>Обдорский городок</u> Род Тайшина старшина Род Тобольчина старшина Род Осмарова старшина Род Нячина старшина 6 юрточных старшин	<u>Каменной стороны</u> Род Карачей - 7 вагаг 7 старшин	<u>Низовой стороны</u> Род Карачей - 6 вагаг 6 старшин
	Род Ану-Карачей - 2 вагаги 2 старшины	Род Сигуней старшина
	Род Вануйто - 3 вагаги 5 старшин, 2 помощника	Род Тазу-Карачей старшина, помощник
	Род Яптик - 2 вагаги 2 старшины	Род Адер - 2 вагаги 2 старшины
	Род Муртюк - 2 вагаги 2 старшины	Род Соломы старшина
		Род Яур старшина, помощник

*Составлено по: ТФ ГАТО. Ф.154. Оп.8. Д.622. Л.1-34; Д.624. Л.14-68; Д.625. Л.3-27; Д.634. Л.23-145; Д.754. Л.18-291; Д.755 Л.2-339; Д.756; Д.814. Л.28-348; Д.854. Л.280б; Д.992; Д.993.

Тобольский округ Окружное полицейское управление (с 1868 г.) Окружной исправник		Туринский округ Окружное полицейское управление (с 1868 г.) Окружной исправник	
Деничковский участок Заседатель		Пельымский участок Заседатель	
ханты разряда кочевых	манси разряда оседлых кочевых	манси разряда оседлых	манси разряда кочевых
<u>Самаровская</u> волость Темлячевское инородч. с/о голова, 2 кандидата	Кондинское инород. управл голова, 2 канд. староста, 2 канд.	<u>Верхне-Табаринская</u> волость инород. управл. старшина Кошкинское с/о**	<u>Верхне-Кондинская</u> волость инород. управл. старшина, помощник
<u>Демьянская</u> волость Верхне-Демьянское инородч. с/о староста, 2 канд.	ВОЛОСТИ: <u>Дуртасская</u> <u>Назымская</u>	<u>Нижне-Табаринская</u> волость инород. управл. старшина Чулинское с/о**	<u>Верхне-Пельымская</u> волость инород. управл. старшина, помощник
<u>Меньше- Кондинская</u> волость инород. управл. голова, 2 канд. староста, кандидат	Нарымское инородное управление голова, 2 канд. староста, 2 канд.	<u>Кошукская</u> волость инород. управл. старшина Гузевское с/о** Кошукское с/о**	<u>Сосьвинская</u> волость инород. управл. старшина, помощник
	ВОЛОСТИ: <u>Нарымская</u> <u>Тарханская</u>	<u>Курдумовская</u> волость инород. управл. ?	<u>Тахтанская</u> волость инород. управл. старшина, помощник

Сургутский округ (с 1868 г.)
Окружное полицейское управление
Окружной исправник

ханты разряда бродячих (кочевых с конца 1880-х гг.)			
Тундринская инородная управа (с 1879 г.) старшина, 2 кандидата		Лумпокольская инородная управа (с 1879 г.) старшина, 2 кандидата	
<u>Пимская</u> волость родовое управление староста	<u>Подгородно-Юганская</u> (Балытская) волость родовое управление староста	<u>Салымская</u> волость родовое управление староста	<u>Ваховская</u> (выше по р. Обь) волость род. управл. староста
	<u>Селийрская</u> волость родовое управление староста	<u>Салтыкова</u> (по р. Обь) волость род.управл. староста	<u>Лумпоколь-ская</u> (по р.Обь) волость род.управл. староста
	<u>Юганская</u> волость родовое управление староста	<u>Тром-Юганская</u> волость род.управл. староста	<u>Аганская</u> волость род.управл. староста
Юганская инородная управа (с 1879 г.) старшина, 2 кандидата			
<u>Подгородно-Юганская</u> волость род.управл. староста, помощник	<u>Мяло-Юганская</u> волость род.управл. староста, помощник	<u>Ваховская</u> (ниже по р.Обь) волость род. управл. староста	<u>Ваховская</u> (ниже по р.Обь) волость род. управл. староста
	<u>Больше-Юганская</u> волость родовое управление	<u>Лоховская</u> инородная управа (с 1879 г.) старшина, 2 кандидата	
	<u>Верхне-Больше-Юганская</u> волость (с 1880 г) староста	<u>Ларьятская</u> инородная управа (с 1879 г.) старшина, 2 кандидата	
	<u>Средне-Больше-Юганская</u> волость (с 1880 г) староста	<u>Ваховская</u> (по р.Вах) волость род.управл. староста	<u>Лумпоколь-ская</u> (по р.Вах) волость род.управл. староста
	<u>Нижне-Больше-Юганская</u> волость (с 1880 г) староста		

Березовский округ
Окружное полицейское управление (с 1868 г.)
Окружной исправник

Кондинский участок Заседатель		Обдорский участок Заседатель	
КОЛОСКИ			
манси разряда бродячих (кочевых с конца 1880-х гг.)	ханты разряда бродячих (кочевых с конца 1880-х гг.)	ханты разряда бродячих (кочевых с конца 1880-х гг.)	ханты разряда бродячих ненцы разряда бродячих
Сосьвинская инородн. управа старшина, помощник	Подгородная инородн. управа старшина, помощник	<u>Куноватская</u> инородн. управа старшина, помощник	<u>Обдорская</u> "Остяцкая" инородн. управа старшина, 2 выборных
Ляпинская инородн. управа старшина, помощник	<u>Казымская</u> инородн. управа старшина, помощник ненцы разряда бродячих	<u>Кудская</u> инородн. управа старшина, помощник	
ненцы разряда бродячих старшина			

× Составлено по: ТФ ГАТО. Ф.152. Оп.34. Д.11-12об.; 14-14об.; 36-36об.; Оп.40. Д.320. Л.8, 25-29об.; Ф.417. Оп.1. Д.404. Л.1-4, 8-8об, 11-12; Д.405. Л.19-21об, 27-28об, 41-42, 48-49, 55-55об.; Д.5411. Л.1, 11-12, 25-43об.; Ф.421. Оп.1. Д.1. Л.8, 56-57, 69; Обдорской управы книга для записи приговоров по тжжам, спорам и проступкам инородцев (1881-1901) . - Томск, 1970. С.23-117.

×× Указанные сельские общества были образованы в 1879 году.

1898 - 1914 гг.

Схема 5*

Тобольский уезд ^{xx}		Туринский уезд ^{xx}	
Уездное полицейское управление Исправник	Уездный съезд крестьянских начальников	Уездное полицейское управление Исправник	Уездный съезд крестьянских начальников
Становой пристав III стана Крестьянский начальник III участка		Стан.прист. I стана Крест. начальник I участка	Становой пристав II стана Крестьянский начальник II участка
инородческие с/о ханты разряда кочевых ^{xxx} (оседлых с 1911 г.)	инородн. управление ханты разряда кочевых ^{xxx} (оседлых с 1911г.)	инородн. управлен. манси разряда оседлых	инородные управления манси разряда оседлых
	Темлячевское Самаровской волости	Кондинское	Верхне-Пельимское
Верхне-Демьянское Демьянской волости	Назымское	Куртумовское старшина, 3 кандидата (до 1909 г.) 4 кандидата (с 1909 г.)	Верхне-Табаринское старшина 3 кандидата Кошкинское с/о
	Нарымское		Больше-Кондинское
	Меньше- Кондинское		Нижне-Табаринское старшина 3 кандидата Чулинское с/о
			Усть-Кондинское
			Тахтанское
			Сосьвинское
			Вагильское
			Кошукское старшина, 3 канд. Кошукское с/о Гузевское с/о

Березовский уезд
Уездное полицейское управление
Уездный исправник

Становой пристав Кондинского стана		Становой пристав Обдорского стана	
инородные управы ^{xxx}		инородные управы ^{xxx}	
манси разряда кочевых	ханты разряда кочевых	ханты разряда бродячих	ненцы разряда бродячих
	Подгородная	Обдорская "Остяцкая"	Обдорская "Самоедская"
Ляпинская ненцы разряд бродячих	Кодская	Куноватская ненцы разряда бродячих	Каменной стороны 21 вагага, во главе со своими старшинами
	Казымская		
ненцы разряда бродячих			
вагаги:			
У6 старшина	Нянку старшина		
Хал старшина	Лянке старшина		
Тоци старшина	Нечу старшина		

Сургутский уезд	
Уездное полицейское управление Уездный исправник	
Становой пристав I стана	Становой пристав II стана
Полицейский урядник I участка	Полицейский урядник III участка Полицейский урядник IV участка
инородные управы ^{xxx}	
ханты разряда кочевых	ханты разряда кочевых
Юганская	
Тундринская	Ларьятская
Локосовская	Лумпокольская

^xСоставлено по: ТФ ГАТО. Ф.344. Оп.1. Д.216. Л.182, 184об, 187об, 221об, 224; Ф.417. Оп.1. Д.411. Л.1-23об; Ф.421. Д.210. Л.146-147; РГИА. Ф.1291. Оп.84. Д.154. Л.227-230, 247-248; Дунин-Горкавич А.А. Тобольский Север. Т.1 - СПб., С.77-78, 106-115.

^{xx}Преобразование инородческих волостей аборгенов Тобольского и Туринского уездов, переведенных в 1911 г. в разряд оседлых, не было завершено к 1914 г., о чем свидетельствуют данные губернского статистического комитета (См.: ТФ ГАТО. Ф.417. Оп.1. Д.415. Л.1-27). О составе органов управления в этих волостях после 1911 г. точных сведений у автора не имеется.

^{xxx}Состав органов управления кочевых и бродячих указан в схеме 4.

ПРИМЕЧАНИЯ

ВВЕДЕНИЕ

¹ Миллер Г.Ф. Описание Сибирского царства. - СПб., 1750; Он же. История Сибири. Т.1. - М.; Л., 1937, Т.2. - М.; Л., 1941; Гагемейстер Ю.А. Статистическое обозрение Сибири. СПб., 1854. Ч.1-3; Корф М.А. Жизнь графа Сперанского. В 2-х тт. - СПб., 1861.

² Вагин В.И. Исторические сведения о деятельности графа Сперанского в Сибири с 1819 по 1822 гг. - СПб., 1872; Шашков С.С. Сибирские инородцы в XIX столетии // Исторические этюды - СПб., 1872. Т.2; Ядринцев Н.М. Сибирь как колония. - СПб., 1882; Буцинский П.Н. Заселение Сибири и быт первых ее насельников. - Харьков, 1889.

³ Ядринцев Н.М. Указ. соч. С.150 - 159.

⁴ Там же. С.108.

⁵ См., например: Кастрен М.А. Путешествие по Лапландии, Северной России и Сибири (1838-1844, 1845-1849) // Собрание старых и новых путешествий. - М., 1860. Т.6; Миддендорф А. Путешествие на Север и Восток Сибири // Записки РГО. - СПб., 1878 Ч.2. С.619-833.; Кушелевский Ю.И. Северный полюс и земля Ямал: Путевые записки. - СПб., 1868.

⁶ Мельников С. Сведения о мансах, кочующих в Березовском уезде // Вестник РГО - 1852. Ч.V. Кн.2. Отд.6. Смесь; Попов Г. Остяцкие князья (1864-1884) // Русская старина. - 1890. Т.68. №11. С.457-460; Оглоблин Н. Остяцкие князья в XVII веке // Русская старина. - 1891. Т.71. №8. С.395-401; Патканов С.К. Стародавняя жизнь остяков и их богатыри по былинам и сказаниям // Живая старина. - 1891. Вып. III. С.85-116, Вып. IV. С.67-108; Турский Д. Остяки. - М., 1898 и др.

⁷ Дунин-Горкавич А.А. Тобольский Север. В 3-х тт. Т.1. - СПб., 1904; Т.2. - Тобольск, 1910; Т.3. - Тобольск, 1911.

⁸ Дунин-Горкавич А.А. Указ. соч. Т.3. С.137.

⁹ Там же. С.139.

¹⁰ Миненко Н.А. Историография Сибири (период феодализма). - Новосибирск, 1978. С.32.

¹¹ Степанов Н.Н. К вопросу об остяко-вогульском феодализме // Советская этнография. - 1936. №3. С.19-34. Отметим, что позднее С.В.Бахрушин несколько смягчил категоричность своих суждений на этот счет. (См.: Бахрушин С.В. Основные линии истории обских угров // Учен.зап. ЛГУ. Сер.: востоковедческих наук - 1948. №105. Вып.2. С.257-287).

¹² Бахрушин С.В. Остяцкие и вогульские княжества в XVI-XVII вв. // Бахрушин С.В. Научные труды. - М., 1955. Т.3. Ч.2. С.110,114,141; Он же. Основные линии...

С.264

¹³ Бахрушин С.В. Остяцкие и вогульские княжества... С.151.

¹⁴ Бахрушин С.В. Ясак в Сибири XVII века // Бахрушин С.В. Научные труды. - М., 1955. Т.3. Ч.2. С.51-53.

¹⁵ Бахрушин С.В. Сибирские туземцы под русской властью до революции 1917 года // Советский Север. - 1929. №1. С.85-86.

¹⁶ Нечкина М.В. К вопросу о формуле "наименьшее зло" // Вопросы истории - 1951. №4. С.44-48; Якунин А.О. О применении понятия "наименьшее зло" в оценке присоединения к России нерусских народностей // Вопросы истории - 1951. №11. С.83-86.

¹⁷ Цит. по: Шунков В.И. Труды С.В.Бахрушина по истории Сибири // Бахрушин С.В. Научные труды. - М., 1955.Т.3 Ч.1. С.10.

¹⁸ Цит.по: Горюшкин Л.М., Миненко Н.А. Историография Сибири дооктябрьского периода (конец XVI - начало XX в.). - Новосибирск, 1984. С.30.

¹⁹ Мурзина А.И. К вопросу о социальном строе народов Северо-Запада Сибири // Учен.зап. ЛГУ. Сер.: востоковедческих наук. - 1948. №105. Вып.2. С.290; Она же. Манси (вогулы) в XVIII в. и первой половине XIX в. // Учен.зап., ЛГУ. Сер.: факультет народов Севера - 1953. №157. Вып.2. С.226.

²⁰ Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. // Труды института этнографии. - М., 1960. Новая серия. Т.55. С.67-68.

²¹ Долгих Б.О. Племя у народностей Севера // Общественный строй у народов Северной Сибири. - М., 1970. Гл.ХII. С.338-339.

²² Там же. С. 359-360.

²³ История Сибири с древнейших времен до наших дней. - Л., 1968. Т.2. Гл.1. С.95, Т.1. Гл.8. С.356.

²⁴ Соколова З.П. Социальная организация хантов и манси в XVII-XIX вв. // Проблемы фратрии и рода. - М., 1983. С.160.

²⁵ Соколова З.П. Эндогамный ареал и этническая группа (на материалах хантов и манси). - М., 1990. С.27.

²⁶ Соколова З.П. Социальная организация обских угров и селькупов // Общественный строй у народов Северной Сибири. - М., 1970. Гл.IV. С.125-126.

²⁷ Бабаков В.Г. К вопросу о разложении традиционной племенной организации обских угров // Проблемы истории СССР. - М., 1973. С.457-459.

²⁸ Бабаков В.Г. Историческое место фратрии в структуре социальных связей западно-сибирских угров // Советская этнография. - 1988. №3. С.40.

²⁹ Мартынова Е.П. Структура социальной организации хантов в XVIII-XIX вв. // Проблемы исторической интерпретации археологических и этнографических источников Западной Сибири - Томск, 1990. С.85-86.

³⁰ Хомич Л.В. Ненцы. (Историко-этнографические очерки). - М., Л., 1966. С.144.

³¹ Миненко Н.А. Северо-Западная Сибирь в XVIII-первой половине XIXв. - Новосибирск, 1975. С.179.

³² Васильев В.И. Проблемы формирования северо-самодийских народностей. - М., 1979. С.92-93, 99, 157-169, 183.

³³ Васильев В.И. Социальная организация азиатских ненцев, энцев и нганасан // Общественный строй у народов Северной Сибири. - М., 1970. Гл.VI. С.190.

³⁴ Бабаков В.Г. Историческое место фратрии... С.47.

³⁵ Рафиенко Л.С. Управление Сибирью в 20-80 гг. XVIII в.: Автореф. дисс... канд.ист.наук. - Новосибирск, 1968.

³⁶ Рабцевич В.В. К вопросу об управлении аборигенным населением Западной Сибири в 80-х годах XVIII в.-первых десятилетиях XIX столетия // Вопросы истории Сибири досоветского периода (Бахрушинские чтения, 1969). - Новосибирск, 1973. С.234-244; Она же. Местное управление Западной Сибири в 80-х гг. XVIII в. - первой четверти XIX в.: Автореф. дисс... канд.ист.наук. - Новосибирск, 1973; Мищенко Н.А. Северо-Западная Сибирь... .

³⁷ Рабцевич В.В. Местное управление Западной Сибири...: Автореф... С.18.

³⁸ Рабцевич В.В. К вопросу об управлении аборигенным населением... С.244.

³⁹ Мищенко Н.А. Северо-Западная Сибирь... С.183.

⁴⁰ Рабцевич В.В. Местное управление Западной Сибири... : Автореф... С.18-19.

⁴¹ Мищенко Н.А. Северо-Западная Сибирь... С.181-182.

⁴² Мурзина А.И. Реформа Сперанского в Западной Сибири // Учен. зап. ЛГУ. - 1950. №115. Вып.1. С.101-116; Парусов А.И. Ревизия и реформа аппарата управления Сибири в 1819-1822 гг. // Учен.зап. Горьковского ун-та им.Лобачевского. - 1964. Вып.72. Т.1. С.41-92.

⁴³ Светличная Л.И. "Устав об управлении инородцев" М.М.Сперанского (1822 г.) // Учен.зап. Тюменского гос.пед.ин-та - 1957. Вып.1. С.5-73; Дамешек Л.М. Устав об управлении инородцев М.М.Сперанского и Г.С.Батенькова // Памяти декабристов. - Иркутск, 1975. С.21-46; Марченко В.Г. Система управления сибирскими аборигенами в "Уставе об управлении инородцев" 1822 г. // Археология и этнография Приобъя. - Томск, 1982. С.153-164; Хоч А.А. Административная политика М.М.Сперанского в Сибири и "Устав об управлении инородцев" 1822 г. // Вестник МГУ. Сер.8, История. - 1990. №5. С.40-49.

⁴⁴ Марченко В.Г. Указ.соч. С.162.

⁴⁵ Марченко В.Г. Введение "Устава об управлении инородцев" у малых народов Обского Севера // Ленинская национальная политика КПСС и малые народы Севера. - Томск, 1984. Вып.2. С.173-181.

⁴⁶ Там же. С.180-181.

⁴⁷ Марченко В.Г. Управление и суд у малых народов Севера Сибири и Дальнего Востока в царской России: Автореф. дис... канд.ист.наук. - Томск, 1985.

⁴⁸ Там же. С.17.

⁴⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.12. С.723-724.

⁵⁰ Марченко В.Г. Управление и суд у малых народов... : Автореф.... С.16.

⁵¹ Там же.

⁵² Там же. С.12.

⁵³ Марченко В.Г. Управление и суд у малых народов Севера Сибири и Дальнего Востока в царской России: Дисс... канд.ист.наук - Томск, 1985. С.99-100.

⁵⁴ Там же. С. 89-106.

⁵⁵ Дамешек Л.М. Ясачная политика царизма в Сибири в XIX-начале XX века. - Иркутск, 1983.

⁵⁶ Дамешек Л.М. Внутренняя политика царизма и народы Сибири (XIX-начало XX века). - Иркутск, 1986.

⁵⁷ Островский И.В. Административная реформа у местных народов Сибири в начале XX века // Община и семья в сибирской деревне XVIII-начало XX вв.: Межвузовский сборник научных статей. - Новосибирск, 1989. С.91-107.

⁵⁸ Зибарев В.А. Юридические обычаи малых народов Севера // Происхождение аборигенов Сибири и их языков: Материалы Всесоюз.конф. - Томск, 1976. С.167-169; Он же. Из истории обычного права народов Севера // Советская этнография. - 1986. №2. С.73-79.; Он же. Влияние присоединения Сибири к России на юридические обычаи народов Севера // Смена культур и миграции в Западной Сибири. - Томск, 1987. С.46-47.

⁵⁹ Зибарев В.А. Юстиция у малых народов Севера (XVII - XIX вв.). - Томск, 1990.

⁶⁰ Там же. С.112-113.

⁶¹ Там же. С.36.

⁶² Там же. С. 35.

⁶³ Там же. С.39-40, 88, 93.

⁶⁴ Афанасьев В.Г. Общество: системность, познание, управление. - М., 1981. С.19.

⁶⁵ Кузьмин В.П. Принцип системности в методологии диалектического и исторического материализма // Вопросы философии. - 1980. №2. С.51.

⁶⁶ Медушевский А.Н. Общество и государство в русском историческом процессе // Вестник МГУ. Сер.12, Социально-политические исследования. - 1993. №1. С.22.

⁶⁷ Медушевский А.Н. Административные реформы в России в сравнительно-исторической перспективе (научно-аналитический обзор). - М., 1990. С.18.

⁶⁸ Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. - М., 1983. С.35.

⁶⁹ Куббель Л.Е. Очерки потестарно-политической этнографии. - М., 1988. С.25.

⁷⁰ Медушевский А.Н. Административные реформы в России... С.1.

⁷¹ См.: ПСЗ-1. Т.38. №29126; ПСЗ-2. Т.2. №1611; ПСЗ-3. Т.18. Отд.1. №14908, 15503. Т.23. Ч.1. №23320.

⁷² См.: Сычевский. Историческая записка о китайской границе, составленная советником Троицкосавского пограничного управления Сычевским в 1846. - М., 1875. С.32-36.; Бульчев И. Путешествие по Восточной Сибири. - СПб., 1856. Ч.1. С.251-264.

⁷³ Значительная часть материалов из фондов Российского государственного архива древних актов (РГАДА), характеризующих фискально-административную политику правительства в отношении сибирских народов и порядок управления аборигенами Западно-Сибирского Севера в XVIII в., была введена в научный оборот Н.А.Миненко, данные которой использованы в настоящей работе (См.: Ми-

неяко Н.А. Северо-Западная Сибирь в XVIII-первой половине XIX вв. - Новосибирск, 1975. С.230-241).

⁷⁴ **Некоторые сведения о законах и обычаях инородцев Березовского округа // Тобольские Губернские Ведомости - 1860. №8, 9, 10; Сборник обычного права сибирских инородцев. / Изд. Д.Я.Самоковасова - Варшава, 1876; Дмитриев-Мамонтов А.И. Голодников К.Н. Юридические обычаи остяков Березовского округа. Юридические обычаи остяков Сургутского округа. Юридические обычаи самоедов Березовского округа. // Памятная книжка Тобольской губернии на 1884 г. - Тобольск, 1884. С.17-47.; Носилов К.Д. Юридические обычаи мансов // Сборник материалов по этнографии. - М., 1883. Вып.3; Воронов А.Г. Юридические обычаи остяков Западной Сибири и самоедов Томской губернии // Записки РГО по отделению этнографии. Т.18. Сборник народных юридических обычаев. - СПб., 1900. Т.2.**

⁷⁵ См. например: **Зибарев В.А. Изучение обычного права народностей Севера в русской историографии XIX в. // Вопросы методологии и историографии: Докл. научн. конф. - Томск, 1974. Вып.2. С.54-56. Он же. Обычное право малых народов Севера: Обзор литературы и источников // Методологические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири. - Томск, 1981. С.30-34.**

⁷⁶ **Зибарев В.А. Изучение обычного права... С.56.**

⁷⁷ **Обдорской управы книга для записи приговоров по тяжбам, спорам и проступкам инородцев (1881-1901). / Подготовка к печати, предисловие, примечания В.А.Зибарева. - Томск, 1970.**

⁷⁸ **Зуев В.Ф. Описание живущих Сибирской губернии в Березовском уезде инноверческих народов остяков и самоедов // Труды института этнографии. - М.; Л., 1947. Новая серия. Т.V; Фшпер И.Э. Сибирская история. - СПб., 1774. Георги И.Г. Описание всех в Российском государстве обитающих народов. - СПб., 1776. Ч.1; Белявский Ф. Поездка к Ледовитому морю. - М., 1833; Абрамов Н.А. Описание Березовского края // Тобольские Губернские Ведомости. - 1858. №20-23.; Жид-**

ков Б.М. Полуостров Ямал. // Записки РГО по общей географии. Т.49. - СПб., 1913.; Шатилов М.Б. Ваховские остяки (Этнографические очерки) // Труды Томского краевого музея. Т. 4. - Томск, 1931.

Раздел I.

¹ Пятков С.К. Тип остяцкого богатыря по остяцким былинам и героическим сказаниям. - СПб., 1891. С.13.

² Шатилов М.Б. Ваховские остяки // Труды Томского краевого музея. - Томск, 1931: Т.4. С.27,79-80.

³ Анисимов А.Ф. О строе военной демократии и начальных формах политеизма // Ежегодник Музея истории религии и атеизма. - М.; Л., 1962. Сб.6. С.341-342.

⁴ Бахрушин С.В. Основные линии истории обских угров // Учен.зап. ЛГУ. Сер.: востоковедческих наук - 1948. №105. Вып.2. С.259.

⁵ Бахрушин С.В. Остяцкие и вогульские княжества в XVI-XVII вв. // Бахрушин С.В. Научные труды. - М., 1955. Т.3. Ч.II. С.151.

⁶ Степанов Н.Н. К вопросу об остяко-вогульском феодализме // Советская этнография. - М.; Л., 1936. №3. С.28.

⁷ Бахрушин С.В. Остяцкие и вогульские княжества... С.101, 114, 145.

⁸ Мартынова Е.П. Южные ханты XVII-XIX вв. : Дис... канд.ист.наук. М. - 1986. С.38-39.

⁹ Хомич Л.В. Ненцы. - М.; Л., 1966. С.144-146.

¹⁰ Бахрушин С.В. Самоеды в XVII в. // Бахрушин С.В. Научные труды. М., 1955. Т.3. Ч.II. С.10.

¹¹ Васильев В.И. Социальная организация ненцев, энцев и нганасан. // Общественный строй у народов Северной Сибири. - М., 1970. Гл.VI. С.188.

12 Подробнее о положении угорских "князцов" и их взаимоотношениях с Московским государством в этот период см.: Бахрушин С.В. Научные труды. - М., 1955. Т.3. Ч.II. С.86-152.

13 "Поминки" - вид полудобровольных приношений, носивших характер дофеодальной дани.

14 Бахрушин С.В. Основные линии истории обских угров... С.271.

15 Подробнее об этом см.: Там же. С.277-278.

16 Тобольские Губернские Ведомости. - 1860: №8. С.68.

17 Бахрушин С.В. Ясак в Сибири в XVII в. // Бахрушин С.В. Научные труды. - М., 1955. Т.3. Ч.II. С.58; Миненко Н.А. Северо-Западная Сибирь в XVIII-первой половине XIX вв. - Новосибирск, 1975. С.230-249.

18 Копылов А.И. К вопросу о принципе ясачного обложения и порядке сбора ясака в Сибири // Изв. СО АН СССР. Сер.: обществ. наук. Вып.1. - Новосибирск, 1969. №1. С.59-60.

19 Миненко Н.А. Указ.соч. С.238.

20 Там же. С. 236-237.

21 Там же. С. 237.

22 Имеется в виду Инструкция С.Л. Владиславича-Рагузинского от 22 июля 1728 г.

23 Именной Указ Анны Иоановны 1740 г. и Указ Сената в Сибирскую губернскую канцелярию 1760 г. (См.: ТФ ГАТО. Ф.156. 1761 г. №17. Л.1.).

24 Миненко Н.А. Указ.соч. С. 239.

25 См.: Бульчев И. Путешествие по Восточной Сибири. - СПб., 1856. Ч.1. С.251-258.

26 Обзорение главных оснований местного управления Сибири. - СПб., 1841. С.27. Судебные права сибирских "инородцев" были позднее подтверждены Именным Указом, данным Тобольскому и Иркутскому Генерал-Губернатору Се-лифонтову 23 мая 1803 г. (См.: ПСЗ-1 Т.27. №2077. П.IX.)

²⁷ **ТФ ГАТО. Ф.152. Оп.39. Д.5. Л.299.** Необходимо подчеркнуть, что и в этот период возраст, при прочих равных условиях, нередко оказывался решающим фактором, влияющим на результат выбора главы традиционной группировки. И.Г.Георги отмечает, что у манси старостой деревни "бывает тот, кто превосходит всех летами". (См.: **Георги И.Г.** Описание всех в Российском государстве обитающих народов. - СПб., 1776. Ч.1. С.70.).

²⁸ **Головнев А.В. Конев А.Ю.** Община у народов Нижнего Приобья во второй половине XIX-начале XX вв. // Община и семья в сибирской деревне XVIII-начала XX вв. - Новосибирск, 1989. С.90.

²⁹ **Зуев В.Ф.** Описание живущих Сибирской губернии в Березовском уезде иноверческих народов остяков и самоедов // Труды института этнографии. - М.; Л., 1947. Новая серия. Т.V. С.52.

³⁰ Там же.

³¹ **Абрамов Н.А.** Описание Березовского края // Тобольские Губернские Ведомости. - 1858. №20. С.376.

³² Предок Матвея Тайшина - Тайша Гындин уже в 1703 г. носил титул князя. (См.: **Миненко Н.А.** Указ.соч. С.183).

³³ **Бахрушин С.В.** Самоеды в XVII в. ... С.12.

³⁴ **Зуев В.Ф.** Указ.соч. С.52. Здесь необходимо сделать уточнение. Дело в том, что ни один из князей сам не занимался производительным трудом. Они имели работников, которые пасли для них оленей, ловили рыбу и т.д. Тайшины были очень состоятельными людьми. В начале XIX в. обдорскому князю принадлежало 8 тыс. оленей и 20 тыс.руб. денег. (См.: **Абрамов Н.А.** Об остяцких князьях // Тобольские Губернские Ведомости - 1857. №24. С.217-218; **Белявский Ф.** Поездка к Ледовитому морю. - М. 1833. С.84).

³⁵ **Миллер Г.Ф.** Описание Сибирского царства. - СПб., 1750. С.122-123.

³⁶ См.: **ГАОО. Ф.3. Оп.1. Д.851, 967, 1052.**

³⁷ **Фишер И.Э.** Сибирская история. - СПб., 1774. С.132.

- ³⁸ См.: Сборник обычного права сибирских инородцев / Изд. Д.Я.Самоковасова. - Варшава, 1876. С.15.
- ³⁹ Фишер И.Э. Указ.соч. С.132.
- ⁴⁰ ТФ ГАТО. Ф.329. Оп.14.Д.22. Л.120об.
- ⁴¹ Миненко Н.А. Указ.соч. С.245.
- ⁴² Соколова З.П. Социальная организация хатнов и манси в XVIII-XIX вв. Проблемы фратрии и рода. - М., 1989. С.153.
- ⁴³ ТФ ГАТО. Ф.329. Оп.14. Д.24. Л.83об.
- ⁴⁴ Там же. Ф.154. Оп.8. Д.347,357,404.
- ⁴⁵ Марченко В.Г. Управление и суд и малых народов Севера Сибири и Дальнего Востока в царской России: Дис. ... канд.ист.наук. - Томск, 1985. С.55.
- ⁴⁶ Миненко Н.А. Указ.соч..С.180-181.
- ⁴⁷ Марченко В.Г. Введение "Устава об управлении инородцев" у малых народов Обского Севера // Ленинская национальная политика КПСС и малые народы Севера. - Томск, 1984. Вып.2. С.174-175.
- ⁴⁸ Марченко В.Г. Управление и суд у малых народов ... : Дис... С.55,69-70.
- ⁴⁹ Мартынова Е.П. Структура социальной организации хантов в XVIII-XIX вв. // Проблемы исторической интерпретации археологических и этнографических источников в Западной Сибири. - Томск, 1990. С.85.
- ⁵⁰ Соколова З.П. Социальная организация обских угров и селькупов // Общественный строй у народов Северной Сибири. - М., 1970. Гл.IV. С.125-126.
- ⁵¹ ТФ ГАТО. Ф.154. Оп.8. Д.993. Л.245.
- ⁵² Там же. Д.404. Л.26-232; Ф.329. Оп.14 Д.24. Л.46об.
- ⁵³ Там же. Ф.154. Оп.8. Д.357. Л.1-1об; Мартынова Е.П. Южные ханты в конце XVIII в. (по материалам IV-V ревизий) // Социально-экономические проблемы древней истории Западной Сибири. - Тобольск, 1988. С.78.
- ⁵⁴ Куббель Л.Е. Очерки потестарно-политической этнографии. М., 1988. С.25.
- ⁵⁵ Миненко Н.А. Указ.соч. С.181,183.

⁵⁶ См., например: **Рабцевич В.В.** К вопросу об управлении аборигенным населением Западной Сибири в 80 гг. XVIII в.-первых десятилетиях XIX столетия // Вопросы истории Сибири досоветского периода (Бахрушинские чтения, 1969). - Новосибирск, 1973. С.244; **Марченко В.Г.** Управление и суд у малых народов Севера Сибири и Дальнего Востока в царской России: Автореф. дис...канд.ист.наук. - Томск, 1985. С.11.

⁵⁷ **Маркс К., Энгельс Ф.** Соч. 2-е изд. Т.25. Ч.2. С.358,360.

⁵⁸ **Марченко В.Г.** Управление и суд у малых народов... : Дис... С.69-70; **Рабцевич В.В.** Местное управление Западной Сибири в 80 гг. XVIII в.-первой четверти XIX в.: Автореф. дис... канд.ист.наук. - Новосибирск, 1973. С.19.

⁵⁹ **Марченко В.Г.** Управление и суд у малых народов...: Дис... С. 64,69-70.

⁶⁰ **ТФ ГАТО.** Ф.154. оп.8. д.1029. Л.1об.

⁶¹ **Мищенко Н.А.** Указ.соч. С.219.

⁶² **ТФ ГАТО.** Ф.154. Оп.8. Д.73,74,75¹, 76,347.

⁶³ **Мартынова Е.П.** Южные ханты в конце XVIII в... С.78.

⁶⁴ **ТФ ГАТО.** Ф.154. Оп.8. Д.347. Л.388.

⁶⁵ **Там же.** Д.357. Л.1-1об.

⁶⁶ **Там же.** Л.184; **Мартынова Е.П.** Южные ханты в конце XVIII в... С.78.

⁶⁷ **ТФ ГАТО.** Ф.154. Оп.8. Д.357. Л.93об.

⁶⁸ **Бахрушин С.В.** Остяцкие и вогульские княжества... С.150-151.

⁶⁹ **ГАОО.** Ф.2. Оп.1. Д.31.

⁷⁰ **Тобольские Губернские Ведомости** - 1858. №23. С.422.

⁷¹ **ГАОО.** Ф.3. Оп.1. Д.851. Л.166-296.

⁷² **Шатилов М.Б.** Указ.соч. С.17-27.

⁷³ **Мищенко Н.А.** Указ.соч. С.182; **Соколова З.П.** Социальная организация хантов и манси... С.152-153.

⁷⁴ Подробнее см.: **Абрамов Н.А.** Описание Березовского края... 1858. №20. С.375-376.

⁷⁵ **ТФ ГАТО.** Ф.154. Оп.8. Д.404. Л.9,215об, 316, 480, 644об.

- 76 Подробнее см.: Бахрушин С.В. Основные линии истории обских угров... С.279.
- 77 ТФ ГАТО. Ф.154. Оп.8. Д.404. Л.26-232.
- 78 Миненко Н.А. Указ.соч. С.179.
- 79 Старшины Куноватских, Ляпинских, а также Казымских "самоедов" не указаны в документах VII ревизии, но они фигурируют в материалах 2-й ясачной комиссии (См.: ГАОО. Ф.3. Оп.1. Д.851. Л.85,115,129)
- 80 Белявский Ф. Указ.соч. С.84.
- 81 ТФ ГАТО. Ф.152. Оп.39. Д.495. Л.42.
- 82 Миненко Н.А. Указ. соч. С.179.
- 83 ТФ ГАТО. Ф.154. Оп.8. Д.756. Л.206-9606.
- 84 Миненко Н.А. Указ.соч. С.179-181.
- 85 Обзорение главных оснований ... С. 25.
- 86 Подробнее см.: Миненко Н.А. Указ.соч. С.247-248; Дамешек Л.М. Ясачная политика царизма в Сибири в XIX-начале XX в. - Иркутск, 1983. С.25-32.
- 87 Обзорение главных оснований ... С.26.
- 88 ТФ ГАТО. Ф.329. Оп.14. Д.24. Л.4706.
- 89 Термин "инородцы", применительно к сибирским аборигенам, стал использоваться с 20-х годов XIX в.
- 90 ТФ ГАТО. Ф.329. Оп.14. Д.22. Л.12006.
- 91 См.: ПСЗ-1. Т.11. №8236; Т.21. №15630; Т.27. №20771.
- 92 Обзорение главных оснований.. С.27.
- 93 Там же. С.25.

Раздел 2.

¹ ПСЗ-1. Т.38. № 29126.

² Мурзина А.И. Реформа Сперанского в Западной Сибири // Учен.зап.ЛГУ. - 1950. Вып.1. №115. С.101-106; Миненко Н.А. Северо-Западная Сибирь в XVIII - пер-

вой половине XIX века. - Новосибирск, 1975; Дамешек Л.М. "Устав об управлении инородцев" М.М.Сперанского и Г.С. Батенькова // Памяти декабристов (к 150-летию со дня восстания). - Иркутск, 1975. С.21-45.

³ Миненко Н.А. Указ.соч. С.225.

⁴ Марченко В.Г. Управление и суд у малых народов Севера Сибири и Дальнего Востока в царской России: Дис... канд.ист.наук. - Томск, 1985. С.82.

⁵ Цит.по: Дамешек Л.М. Внутренняя политика царизма и народы Сибири (XIX- начало XXвека). - Иркутск, 1986. С.40.

⁶ Подробнее см.: Маркова И.Б. Управление Сибирью в 20-60 гг. XIX в.: Дис... канд.ист.наук. - Новосибирск, 1985.

⁷ ГАОО. Ф.3. Оп.1. Д.300. Л.17-20об, 22-23, 239.

⁸ Там же. Л.25об. - 26.

⁹ Там же. Д.967. Л.1об.

¹⁰ ПСЗ-2. Т.2. №1200.

¹¹ Там же. № 1611. § 4.

¹² ГАОО. Ф.3 Оп.1. Д.967. Л.3; Д.850. Л.271об; Д.851.Л.1, 4об.

¹³ Там же. Д.850. Л.272об; Д.967. Л.4.

¹⁴ Там же. Д.851. Л.1. В Сургутском отделении, по всей видимости, правами родовых управлений были наделены главы сотен-волостей.

¹⁵ Там же. Л.5об. - 6.

¹⁶ Там же. Л.11об-12.

¹⁷ ТФ ГАТО. Ф.152. Оп.39. Д.107. Л.13об.; Абрамов Н.А. Описание Березовского края // Тобольские Губернские Ведомости -1858. №21.С.389.

¹⁸ В 1858 году правительство вынуждено было узаконить процесс перечисления аборигенов вследствие массовых переходов, вызванных ростом миграционных процессов. В результате, во второй половине столетия сложилась ситуация, аналогичная той, которая была накануне второй ясачной реформы: численный состав волостей и родов изменился, а размер оклада оставался прежним. Этот недостаток был одним из наиболее существенных в системе управления

сибирскими аборигенами, который, впрочем, врядли мог быть преодолен в тех условиях.

¹⁹ **ТФ ГАТО.** Ф.152. Оп.39. Д.495. Л.1об.-3, 34-41.

²⁰ **Там же.** Л. 39об.

²¹ **Там же.** Л.91об.

²² **Там же.**

²³ **Там же.** Ф.417. Оп.1. Д.403. Л.19.

²⁴ **Там же.** Ф.152. Оп.39. Д.5. Л.166об. - 169; Д.7. Л.4-5об.

²⁵ **Там же.** Л.51-51об., 61-64об.

²⁶ **Там же.** Ф.417. Оп.1. Д.403. Л.8,10,11,16.

²⁷ **Там же.** Ф.152. Оп.39. Д.7. Л.57.

²⁸ **Там же.** Ф.417. Оп.1. Д.403. Л.10об.,18об.

²⁹ **Там же.** Ф.152. Оп.39. Д.5. Л.299об.

³⁰ **Там же.** Л.300-300об.

³¹ **Там же.** Л.301-301об.

³² **Дамешек Л.М.** Ясачная политика царизма в Сибири в XIX-начале XX века.- Иркутск, 1983. С.53-54.

³³ **Подробнее см.:** **Там же.** С.52-75.

³⁴ **Тобольские Губернские Ведомости.** - 1858. № 46. С.242.

³⁵ **Там же.** 1857. № 33. С.335.

³⁶ **ТФ ГАТО.** Ф.152. Оп.39. Д.29. Л.9об.- 10, 44об.

³⁷ **Носилов К.Д.** Юридические обычаи мансов // Сборник материалов по этнографии. - М.,1883. Вып.3. С.70.

³⁸ **ПСЗ-2.** Т.20. Отд.1. №18908.

³⁹ **Там же.** Т.28. Отд.1. №27320.

⁴⁰ **ГАОО.** Ф.3. Оп.1. Д.967. Л.59.

⁴¹ **ТФ ГАТО.** Ф.154. Оп.8. Д.624. Л.14; Д.625. Л.3.

⁴² **РГИА.** Ф.1291. Оп.84. Д.15. Ч.2. Л.16об.-17.

⁴³ **Там же.** Л.16об.

⁴⁴ТФ ГАТО. Ф.344. Оп.1. Д.216. Л.187об.

⁴⁵Там же. Л.183.

⁴⁶Там же. Л.184об., 187об.

⁴⁷Там же. Л.184об.

⁴⁸Это замечание не относится к Кодской волости. Здесь должность волостного головы по выбору занимал старшина одного из городков (сборов), входящих в состав воло. л.

⁴⁹Белявский Ф. Поездка к Ледовитому морю. - М., 1833. С.82,86.

⁵⁰Кастрен М.А. Путешествие по Лапландии, Северной России и Сибири (1838-1844 1845-1849) // Собрание старых и новых путешествий. - М., 1860. Т.6. С.184.

⁵¹Воронов А.Г. Юридические обычаи остяков Западной Сибири и самоедов Томской губернии // Записки РГО по отдел. этнографии. Т.18. Сборник народных юридических обычаев. - СПб., 1900. Т.2. С.46.

⁵²Белявский Ф. Указ.соч. С.82,86.

⁵³Кастрен М.А. Указ.соч. С. 185.

⁵⁴ТФ ГАТО. Ф.154. Оп.8. Д.756. Л.99-132; Д.992. Л.427об. - 460.

⁵⁵Там же. Д.756. Л.131об., 175об., 197об.; Д.922. Л.488об., 490об., 688об.

⁵⁶Белявский Ф. Указ.соч. С.82.

⁵⁷О самоедах Березовского округа // Тобольские Губернские Ведомости. - 1861. № 29. С.215.

⁵⁸Воронов А.Г. Указ.соч. С.50.

⁵⁹Носилов К.Д. Указ.соч. С.69.

⁶⁰Воронов А.Г. Указ.соч. С.45.

⁶¹Тобольские Губернские Ведомости. - 1860. № 8. С.73.

⁶²Носилов К.Д. Указ.соч. С.69.

⁶³Кастрен М.А. Указ.соч. С.185.

⁶⁴ПСЗ-2. Т.6. № 5721.

⁶⁵ТФ ГАТО. Ф.152. Оп.39. Д.495. Л.42 5.

- 66 Иринарх. История Обдорской духовной миссии (1854-1904 гг.). - М., 1906.
С.34.
- 67 Там же. С.7.
- 68 Там же. С.31.
- 69 ТФ ГАТО. Ф.152. Оп.39. Д.107 (по новой нумерации 116). Л.13об.
- 70 Там же. Оп. 41. Д.4. Л.32.
- 71 Там же. Оп.39. Д.29. Л.1.
- 72 Тобольские Губернские Ведомости. - 1858. № 6. С.60.
- 73 ТФ ГАТО. Ф.152. Оп.31. Д.1124. Л.5.
- 74 Тобольские Губернские Ведомости. - 1858. № 6. С.60.
- 75 Там же. № 9. С.108.
- 76 ТФ ГАТО. Ф.152. Оп.39. Д.107. Л.12.
- 77 Там же. Л.12об.
- 78 Там же. Л.13об.
- 79 Там же.
- 80 ГАОО. Ф.3. Оп.4. Д.5599. Л.15.
- 81 ТФ ГАТО. Ф.152. Оп.39. Д.107. Л.26; Ф.417. Оп.1 Д.403. Л.14.
- 82 Обдорской управы книга для записи приговоров по тяжбам, спорам и проступкам инородцев (1881-1901 гг.). - Томск, 1970. С.112.
- 83 ГАОО. Ф.3. Оп.4. Д.5599. Л.1.
- 84 Там же. Оп.3. Д.4379. Л.6об.
- 85 Там же. Л.10.
- 86 Сургутское отделение Березовского округа было преобразовано в 1868 г. в Сургутский округ.
- 87 ГАОО. Ф.3. Оп.3. Д.4379. Л.6об.
- 88 ТФ ГАТО. Ф.421. Оп.1. Д.1. Л.7.
- 89 Там же.
- 90 Там же. Л.7об., 8об.
- 91 Там же. Л.9.

⁹² Там же. Л.7, 15.

⁹³ Там же. Л.8.

⁹⁴ Там же. Л.16об.

⁹⁵ Там же. Ф.417. Оп.1. Д.404. Л.1-12; Д.405. Л.19-21, 27-28об., 41-42, 48-49об., 55-55об.

⁹⁶ Там же. Ф.421. Оп.1. Д.1. Л.43-43об; Д.43. Л.2-3; Д.22. Л.1-2об.

⁹⁷ Там же. Ф.427. Оп.1. Д.15. Л.10.

⁹⁸ Там же. Ф.421. Оп.1. Д.284. Л.14.

⁹⁹ Там же. Л.53.

¹⁰⁰ Там же. Д.23. Л.6-6об.

¹⁰¹ Там же. Д.33. Л.8об.

¹⁰² Там же. Л.10.

¹⁰³ Вопросы о раскладке повинностей в инородных управах Сургутского округа вошли в компетенцию общих сходов по-видимому, только в 90-е годы XIX в. Первый из обнаруженных нами раскладочных приговоров относится к 1899 г. (См.: ТФ ГАТО. Ф.421 Оп.1. Д.217. Л.1-3.).

¹⁰⁴ Там же. Д.1. Л. 43-44об.; Д.22. Л.2-7.

¹⁰⁵ Там же. Д.284. Л.14; Д.312. Л.21; Ф.425. Оп.1. Д.52. Л.43.

¹⁰⁶ Там же. Ф.427. Оп.1. Д.3. Л.3об; Д.15. Л.10; Д.17. Л.11.

¹⁰⁷ Там же. Ф.421. Оп.1. Д.210. Л.49.

¹⁰⁸ Там же.

¹⁰⁹ Там же. Д.37а. Л.6-6об., 7-7об, Л.104-106об.

¹¹⁰ Там же. Д.125а. Л.1-5об; Д.172а. Л.1-2об.

¹¹¹ Обдорской управы книга ... С.130.

¹¹² ТФ ГАТО. Ф.421. Оп.1. Д.80,179,187.

¹¹³ Там же. Д.200. Л.61-61об.

¹¹⁴ В каком году состоялось причисление бродячих "остяков" и "вогулqv" Березовского и Сургутского округов в разряд кочевых, по имеющимся материалам установить не удалось, но в отчетах окружных исправников с 1890 г. указанные

выше "инородцы", именуются кочевыми: (См.: ТФ ГАТО. Ф.152. Оп.34. Д.390. Л.36-36об.).

¹⁵ Марченко В.Г. Введение "Устава об управлении инородцев" у малых народов Обского Севера // Ленинская национальная политика КПСС и малые народы Севера. - Томск, 1984. Вып.2. С.180-181.

Раздел 3.

¹ История кодификации обычного права народов Сибири подробно рассмотрена в работах: Дамешек Л.М. Кодификация норм обычного права народов Сибири как источник по истории внутренней политики самодержавия в XIX веке. // Источниковедение истории государства и права дореволюционной России. - Иркутск, 1983. С.29-41; Зибарев В.А. Юстиция у малых народов Севера. (XVII-XIX вв.). - Томск, 1990. С.9-19.

² Цит. по: Дамешек Л.М. Указ.соч. С.39.

³ Светличная Л.И. "Устав об управлении инородцев" М.М.Сперанского (1822 г.) // Учен.зап. Тюменского гос.пед.ин-та. - 1957. Вып.1. С.71; Дамешек Л.М. Указ.соч. С.39.

⁴ Зибарев В.А. Указ.соч. С.112-113.

⁵ Дамешек Л.М. Внутренняя политика царизма и народы Сибири (XIX - начало XXвека). - Иркутск, 1986. С.56.

⁶ Прутченко С. Сибирские окраины. СПб., 1899. С.438.

⁷ ГАОО. Ф.3. Оп.3. Д.4217. Л.1.

⁸ Там же. Л.3.

⁹ Цит. по: Дамешек Л.М. Внутренняя политика... С.54.

¹⁰ Кузнецов А.С. Сибирская программа царизма 1852 г. // Очерки истории Сибири. - Иркутск, 1971. Вып.2. С.21.

¹¹ РГИА. Ф. 385. Оп.11. Д.6739. Ч.1. Л.13-13об.

¹² Действие "Общего положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости" было введено в Тобольской губернии с 1881 г. и получило применение

в крестьянском самоуправлении, за исключением крестьян двух северных округов и "инородческого" населения. (См.: ТФ ГАТО. Ф.152. Оп.34. Д.390. Л. 3.)

¹³ РГИА. Ф.1291. Оп.84. Д.15. Ч.1. Л.187.

¹⁴ Там же. Ч.2. Л.2об; Ф.1263. Оп.1. Д.3925. Л.222об-223.

¹⁵ Там же. Ф.1291. Оп.84. Д.15. Ч.2. Л.3об-4.

¹⁶ Там же. Л.4.

¹⁷ Там же. Л.4-4об.

¹⁸ Там же. Л.4об.-5.

¹⁹ Там же. Л.5.

²⁰ Там же. Л.6.

²¹ Там же. Л.5.

²² Там же. Л.9.

²³ Там же.

²⁴ Там же. Л.5об-7. Отметим, что в трех названных округах "инородческое" население составляли оседлые татары.

²⁵ ПСЗ-3. Т.3. № 1412.

²⁶ РГИА. Ф.1291. Оп.84. Д.15. Ч.2. Л.9об.

²⁷ ТФ ГАТО. Ф.152. Оп.34. Д.390. Л.39-39об.

²⁸ Там же. Л.40.

²⁹ "Положение об инородцах", основанное на главных основаниях "Устава об управлении инородцев", было издано в 1892 г., а продолжение к нему в 1895г., которым были изменены лишь ст.163,196 и 220 "Положения". (См. Сборник законов об устройстве крестьян и инородцев Сибири и Степного края. - СПб., 1903. С.187-210. Далее ссылки на указанное "Положение" будут даваться по этому изданию).

³⁰ ТФ ГАТО. Ф.152. Оп.34. Д.390. Л.39об-40.

³¹ РГИА. Ф.1291. Оп.84. Д.15. Ч.2. Л.21об-22.

³² ТФ ГАТО. Ф.152. Оп.34. Д.390. Л.35об.

³³ Там же. Л.36.

³⁴ Там же. Оп.40. Д.320. Л.8.

³⁵ Там же. Оп.34. Д.390. Л.36.

³⁶ РГИА. Ф.1291. Оп.84. Д.15. Ч.2. Л.56; Общее положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости. Ст.46, 69, 87, 93 // Крестьянская реформа в России 1861 года. Сборник законодательных актов - М., 1954. С. 48, 54, 58, 60.

³⁷ Подробнее см.: Мартынова Е.П. Структура социальной организации хантов в XVIII - XIX вв. // Проблемы исторической интерпретации археологических и этнографических источников Западной Сибири. - Томск, 1990. С.85-86.

³⁸ РГИА. Ф.1291. Оп.84. Д.15. Ч.2. Л.18об-19.

³⁹ Там же. Л.17об-18.

⁴⁰ Там же. Л.24.

⁴¹ Там же. Л.24об.

⁴² Там же. Л.17об.

⁴³ Жидков Г.П. Кабинетское землевладение (1747 - 1917 гг.) - Новосибирск, 1973. С.85.

⁴⁴ РГИА. Ф.385. Оп.11. Д.6739. Ч.2. Л.8

⁴⁵ Там же. Л.470.

⁴⁶ Дамешек Л.М. Внутренняя политика царизма... С.58.

⁴⁷ РГИА. Ф.385. Оп.11. Д.6739. Ч.2. Л.474.

⁴⁸ Там же. Ф.1291. Оп.84. Д.15. Ч.1. Л.187об.

⁴⁹ Там же. Действие закона от 19 января 1898 г. не распространялось на Березовский и Сургутский округа Тобольской губернии (См.: ПСЗ-3. Т.18. Отд.1. № 14908).

⁵⁰ ПСЗ-3. Т.18. Ч.1. № 15503. В 1903г. Высочайшим повелением крестьянским начальникам тех участков, в пределах которых проживало "инородческое" население, присваивалось наименование "крестьянских и инородческих начальников" (См. ПСЗ-3. Т.23. Ч.1. № 23320).

⁵¹ В губерниях, где вводилось "Временное положение...", округа переименовывались в уезды, а земские заседатели - в становые приставы.

⁵² РГИА. Ф.1291. Оп.84. Д.154. Л.24-25об., 65.

⁵³ Там же. Л.65об.

⁵⁴ Там же. Д.15. Ч.2. Л.19об.

⁵⁵ Там же. Л.28об; Сборник законов об устройстве крестьян и инородцев...

С.200.

⁵⁶ РГИА. Ф.1291. Оп.84. Д.15. Ч.1. Л.3об, 435об.

⁵⁷ Там же. Л.436.

⁵⁸ Там же. Д.15. Ч.2. Л.28об.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Там же. Л.25об.

⁶¹ Там же. Д.154. Л.24-26, 65об.

⁶² Там же. Д.15. Ч.1. Л.184-195об.

⁶³ Подробнее см.: Дамешек Л.М. Внутренняя политика царизма... С.102-112.

⁶⁴ ТФ ГАТО. Ф.152. Оп. 40. Д.320. Л.46об.

⁶⁵ Там же. Л.1-2об.

⁶⁶ Там же. Л.46-46об; РГИА. Ф.1291. Оп.84. Д.15. Ч.1. Л.186.

⁶⁷ РГИА. Ф. 1291. Оп.84. Д.15. Ч.2. Л.35-36об.

⁶⁸ Там же. Д.154. Л.11; **Островский И.В.** Административная реформа у местных народов Сибири в начале XX века // *Община и семья в сибирской деревне XVIII-начала XXвв.* - Новосибирск, 1989. С.93.

⁶⁹ РГИА. Ф. 1291. Оп.84. Д.154. Л.27-28об.

⁷⁰ Там же. Л.78об.

⁷¹ Там же. Л.122-122об.

⁷² Там же. Л. 123.

⁷³ ТФ ГАТО. Ф.344. Оп.1. Д.216. Л.260.

⁷⁴ Там же. Л.174об.

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ Там же.

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ Там же. Л.174об.- 175.

⁷⁹ Там же. Д.216.

⁸⁰ Там же. Ф.417. Оп.1. Д.398. Л.105-105об.

⁸¹ Там же. Л.6-8; Ф.344. Оп.1. Д.216. Л.261-262об.

⁸² Там же. Ф.344. Оп.1. Д.216. Л.261-263.

⁸³ Там же. Д.61. Л.28-28об.

⁸⁴ РГИА. Ф.1291. Оп.84. Д.15. Ч.2. Л.52об.

⁸⁵ Там же. Л.54об.

⁸⁶ Там же. Л.55.

⁸⁷ Там же. Л.61.

⁸⁸ Там же. Л.65-65об.

⁸⁹ Дамешек Л.М. Внутренняя политика царизма... С.132.

⁹⁰ РГИА. Ф.1291. Оп.84. Д.15. Ч.2. Л.64об.

⁹¹ Так, например, по данным З.П.Соколовой у манси Туринского уезда межнациональные браки составляли 14% от общего числа проанализированных ею браков, заключенных в период с 80-х гг. XVIII в. по начало XX в. Из них 94,5% являлось мансийско-русскими. Правда, процесс этнической миксации русских и обских угров в разных волостях уезда имел неодинаковую интенсивность. (См.: Соколова З.П. Социальная организация хантов и манси в XVIII - XIX вв. Проблемы фратрии и рода. - М., 1983. С.84-98.).

⁹² Подсчитано Е.П.Мартыновой по работе: Патканов С.К. Статистические данные показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев // Записки РГО по отделению статистики. - СПб., 1911. Т.ХI. Вып.2. С.78-79.

⁹³ Подробнее см.: Соколова З.П. Указ.соч. С.44, 82.

⁹⁴ ТФ ГАТО. Ф.421. Оп.1. Д.33. Л.65-66.

⁹⁵ РГИА. Ф.1291. Оп.84. Д.15. Л.62об.-63. Так же существовали и иные виды языческих клятв (присяг) : огнем, на волчьей шкуре (у ненцев) и др.

⁹⁶ Зибарев В.А. Указ.соч. С.69.

- ⁹⁷ РГИА. Ф.1291. Оп.84. Д.15. Ч.2. Л.48; Дунин-Горкавич А.А. Тобольский Север. Т.3. - Тобольск, 1911. С.58.
- ⁹⁸ Жидков Б.М. Полуостров Ямал // Записки РГО. - СПб., 1913. Т.49. С.219.
- ⁹⁹ Шатилов М.Б. Ваховские остяки // Труды Томского краевого музея. - Томск, 1931. Т.4. С.85.
- ¹⁰⁰ ТФ ГАТО. Ф. 421. Оп.1. Д.266. Л.12,14,21.
- ¹⁰¹ Там же. Д.332. Л.2,25,74; Ф.425. Оп.1. Д.1. Л.1,3,4об.
- ¹⁰² РГИА. Ф.1291. Оп.84. Д.15. Ч.2. Л.42.
- ¹⁰³ ТФ ГАТО. Ф.421. Оп.1. Д.37а. Л.5-5об.
- ¹⁰⁴ Там же. Л.5об.
- ¹⁰⁵ Там же. Д.210. Л.130.
- ¹⁰⁶ Подавляющее большинство просмотренных нами приговоров инородческих расправ было вынесено на основе обычного права (См.: ТФ ГАТО. Ф.421. Оп.1. Д.125а. Л.1-5об.; Д.172а. Л.1-2об.; Д.260. Л.12,14,21.).
- ¹⁰⁷ Кастрен М.А. Путешествие по Лапландии, Северной России и Сибири (1838-1844, 1845-1849) // Собрание старых и новых путешествий. - М., 1860. Т.6.С.266.
- ¹⁰⁸ Зибарев В.А. Указ.соч. С.118-119.
- ¹⁰⁹ В правоведческой литературе под такими подразумеваются обычаи, по которым разрешаются споры (См.: Давид Р. Основные правовые системы современности: (Сравнительное право). - М.,1967. С.469.).
- ¹¹⁰ Обдорской управы книга для записи приговоров по тяжбам, спорами и проступкам инородцев (1881-1901) / Под ред. В.А.Зибарева. - Томск, 1970. С.28-30; ТФ ГАТО. Ф.421. Оп.1. Д.260. Л.7об.
- ¹¹¹ Дамешек Л.М. Ясачная политика царизма... С.112.
- ¹¹² Васильев В.И. Возникновение элементов частнособственнического уклада у самодийских народов Обско-Енисейского Севера // Становление классов и государства. - М.,1976. С.331-334.

¹¹³ Головнев А.В., Колев А.Ю. Община у народов Нижнего Приобья во второй половине XIX - начале XX вв. // Община и семья в сибирской деревне XVIII - начала XX вв. - Новосибирск, 1989. С.83,85.

¹¹⁴ РГИА. Ф.1291. Оп.84. Д.15. Ч.2. Л.33об.

¹¹⁵ Там же. Л.48об.

¹¹⁶ Там же. Л.33об.

¹¹⁷ Там же. Л.45.

¹¹⁸ Там же.

¹¹⁹ Тобольские Губернские Ведомости. - 1857. № 17. С.108.

¹²⁰ История Сибири с древнейших времен до наших дней. - Л., 1968. Т.2. С.418.

¹²¹ Тобольские Губернские Ведомости. - 1857. № 17. С.108.

¹²² РГИА. Ф.1291. Оп.84. Д.15. Ч.2. Л.45-45об.

¹²³ Там же. Л.60-60об..

¹²⁴ Дунин-Горкавич А.А. Указ.соч. С.139.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

КОНЕВ АЛЕКСЕЙ ЮРЬЕВИЧ - кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории Тобольского государственного педагогического института им.Д.И.Менделеева. В 1990 г. окончил исторический факультет названного института. Защитил кандидатскую диссертацию "Система административного управления у коренных народов Северо-Западной Сибири в 18-начале 20 вв." (Самара, 1994). Автор ряда статей по вопросам административно-правового положения народов Обь-Иртышского Севера.

ИНСТИТУТ ПРОБЛЕМ ОСВОЕНИЯ СЕВЕРА
Сибирского отделения Российской Академии наук

Лаборатории института:

- Новых информационных технологий (д.т.н. В.Р.Цибульский)*
- Формирования нетрадиционных залежей нефти и газа (д.г.-м.н. Ю.Я.Большаков)*
- Археологии и этнической антропологии (к.и.н. А.В.Матвеев)*
- Биохимических исследований (д.х.н. А.Я.Юффа)*
- Биологии (к.б.н. С.П.Арефьев)*
- Ботанический сад (к.б.н. Э.И.Валеева)*
- Этнографии Западной Сибири (к.и.н. А.П.Зенько)*
- Этнографии и этнолингвистики Ямала (А.М.Сязи, г.Салехард)*
- Издательский отдел (к.и.н. А.Д.Дегтярева)*
- Музей археологии (Н.М.Конева)*

Проекты:

- Геологии и геохимии углеводородов (д.г.-м.н. В.П.Царев)*
- Проблемы рационального использования углеводородного сырья Западной Сибири (к.э.н. С.Н.Старовойтов)*
- Ландшафтов Севера (к.б.н. Л.И.Мельцер)*
- Генетика и экология растений (д.б.н. П.П.Попов)*

*Цибульский Владимир Романович, д.т.н., профессор - Директор Института
тел., факс: (3452) 22-77-11, (3452) 29-58-98 (д)*

*Матвеев Александр Васильевич, к.и.н. - Зам.директора по науке
тел. (3452) 29-35-45 (с.), (3452) 22-79-68 (д.)*

*Коробов Александр Николаевич - Зам.директора по общим вопросам
тел. (3452) 33-80-71*

*Шелпакова Наталья Александровна, к.х.н. - Ученый Секретарь Института
тел. (3452) 22-77-16*

Почтовый адрес:

625003, г.Тюмень, а/я 2774 тел. (3452) 22-77-11

Электронная почта: ROOT@IPOS.TYUMEN.SU

Объем 9,04 а.л. Тираж 200 экз. Цена договорная.